

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

W.O. 16679

10 7.1.17

W.O. 16079

10 7/17

**THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROGRAPHY BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1964**

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

57СЕ1

К-125

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла,
причинахъ его упадка, и мѣрахъ къ поднятію
сельскаго хозяйства и быта поселянъ.

ш.о. 14079

в.р. 28077

К. Д. КАВЕЛИНА.

Kavelin, Konstantin Dmitrievich

44534

БИБЛИОТЕКА
Ленинград. отдѣленія
Коммунист. Академіи
при ЦИИ. СССР.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

#D
715
.K24

105-329150.

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

HD 715
K385
C1042

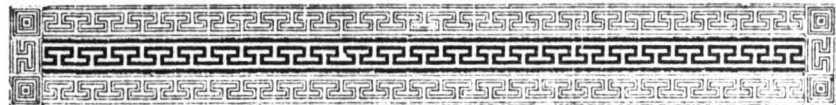
(189.)

RECEIVED BY CONGRESS
NOV 21 1933

Slavic Division

Настоящее изслѣдованіе появилось, въ первый разъ, въ видѣ ряда отдѣльныхъ статей въ „Вѣстникъ Европы“ 1881 года. Предисловіе къ нему написано авторомъ еще въ январѣ 1881 г., а потому все сказанное имъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ вещей, относится исключительно къ тому времени, т. е. къ самому началу 1881 года. Отдѣльное изданіе дополнено теперь отвѣтомъ автора на тѣ возраженія, которыя были вызваны въ печати первымъ появленіемъ его статей въ свѣтъ. Этотъ отвѣтъ помѣщенъ приложеніемъ—въ концѣ.

Спб. 15 апрѣля, 1882.

Давно и много жалуются у насъ на недостатокъ свободы печати, который существенно мѣшаетъ правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства. Но ни въ чемъ этотъ недостатокъ не принесъ столько зла, какъ по крестьянскому вопросу. Благодаря невольнымъ умолчаніямъ, или совершенному молчанію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ правильного, спокойнаго, безпристрастнаго взгляда на этотъ предметъ. Полезныя, вполне безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться, а явно ошибочныя и пристрастныя, опровергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чужимъ и нашимъ, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой и высказывались подъ-часъ такъ откровенно и торжествующе, что невольно думалось, будто они пользуются, со стороны цензурнаго вѣдомства, особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ. Такое предположеніе, конечно, было неосновательно; ему противурѣчило все наше законодательство, перестроившее, съ 1861 года, нашъ гражданскій бытъ; но разладъ между законодательною дѣятельностью и цензурными распоряженіями поддерживалъ недоумѣнія относительно истиннаго смысла и значенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не спутаться, не сбиться съ толку, когда Положенія 1861 года 19 февраля и цѣлый рядъ послѣдующихъ преобразованій признали крестьянъ граждански свободными, а говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ считалось неблаговиднымъ, приводить доводы въ пользу общин-

наго владѣнія, котораго великорусскіе крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся, было чуть-чуть не равнозначительно съ провозглашеніемъ коммунистическихъ теорій; доказывать, что крестьянскіе земельные надѣлы недостаточны, что лежащія на крестьянахъ подати и повинности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній—значило заявлять себя политически неблагонадежнымъ! Какъ было не помутиться взглядамъ, когда законодательные акты водворяли убѣжденіе, что свободное состояніе крестьянъ есть благо для русскаго государства, условіе его правильнаго развитія и процвѣтанія; а между тѣмъ, нельзя было ничего сказать въ подтвержденіе этого взгляда, и, напротивъ, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся въ печати взглядъ, что крестьяне—непробудные пьяницы, лѣнтяи, плуты и воры, съ которыми нельзя имѣть никакого дѣла; что помѣщичьи хозяйства пришли въ упадокъ отъ крайней недобросовѣстности нашихъ рабочихъ, съ которыми совершенно немислимо сколько-нибудь правильное хозяйство!

Послѣдствія этихъ двухъ различныхъ теченій въ законодательствѣ и административныхъ распоряженіяхъ по дѣламъ печати были самыя горестныя. У огромнаго большинства владѣльцевъ, несочувствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостнаго права, въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, и у весьма значительнаго числа административнаго персонала, все болѣе и болѣе пополнявшагося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новыя законоположенія и не будутъ совершенно отмѣнены, то, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ будутъ допущены существенныя отступленія отъ ихъ духа и буквы. Горячія желанія и надежды такого рода, казалось, были не совсѣмъ напрасны. Гдѣ только можно было, Положенія 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ деньги, часто отклонялось подъ самыми ничтожными предлогами; надѣлы отводились, вопреки смыслу Положеній, къ невыгодѣ крестьянъ и къ выгодѣ владѣльцевъ; выкупные платежи и оброки взыскивались съ безпощадною

и разорительною строгостью, причемъ не обращалось никакого вниманія на обстоятельства, дѣлавшія разсрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой, въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ крестьянъ на будущее время. Всякіе приемы съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали. Незамѣтное, почтенное меньшинство помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ такому обороту крестьянскаго дѣла, мало-помалу устранились или были устранены отъ всякаго въ немъ участія.

Всего этого, разумѣется, никакъ нельзя было ни ожидать, ни предвидѣть, судя по началу разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ началѣ сангвиники и добродушные, непрактическіе идеалисты — сознаемся, и мы когда-то принадлежали къ ихъ числу — мечтали о томъ, что владѣльцы воспользуются отгнѣной крѣпостного права для установленія иныхъ отношеній къ сельскому населенію, чѣмъ прежнія; что они горячо примутся за поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня новыхъ гражданъ, помогутъ имъ стать твердой ногой посреди новыхъ условій быта и тѣснѣйшимъ образомъ свяжутъ свои интересы съ ихними. Такой способъ дѣйствій указывался самымъ ходомъ вещей, логикою событій; но, къ сожалѣнію, не таковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности случилось то, чему, по состоянію нашей культуры, конечно, и слѣдовало быть. Огромное большинство владѣльцевъ, не обременяя себя заботой о будущемъ, не думая поступиться ни одной изъ прежнихъ своихъ привычекъ въ виду новыхъ обстоятельствъ, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и бесплодную экономическую борьбу съ бывшими своими крѣпостными, — словомъ, дѣлало все то, что дѣлаютъ люди, неподготовленные солиднымъ образованіемъ, серьезною мыслью и дѣятельностью къ эрѣ новой гражданской жизни, которая наступила, и которую все давно предсказывало.

Но изъ этого вышло коренное зло и для владѣльцевъ, и для крестьянъ. Тѣ и другіе обѣдѣли, множество ихъ разорилось въ конецъ. Владѣльцы и крестьяне могутъ, при новомъ порядкѣ дѣла, хорошо устроиться только при взаимной тѣсной связи и

поддержкѣ. Они безпрестанно нуждаются во взаимной помощи, а это уже предполагаетъ тѣснѣйшую между ними связь и благорасположеніе. Всякому хозяйству нужны рабочіе; крестьянину, по его безграмотству, невѣжеству и бѣдности, нужны совѣтъ, помощь, поддержка, а часто и защита людей образованныхъ и вліятельныхъ, каковы, въ большинствѣ, владѣльцы имѣній. Мало-мальски устроенное хозяйство доставляетъ своими оборотами заработки окрестному сельскому населенію и представляетъ наглядный примѣръ правильныхъ хозяйственныхъ приѣмовъ и порядковъ, которымъ большинству сельскаго населенія негдѣ больше и научиться. Такимъ образомъ, тѣсная нравственная и экономическая связь владѣльцевъ съ крестьянами есть одно изъ первыхъ условій нашего развитія и благосостоянія, безъ котораго они немислимы или, по крайней мѣрѣ, должны замедлиться на многіе и многіе десятки лѣтъ. Но объ экономической и нравственной связи съ крестьянами большинство владѣльческаго сословія и не думало. Слѣпо и близоруко бросилось оно всячески наперстывать то, чего лишилось вслѣдствіе освобожденія, и тѣмъ поставило себя съ сосѣднимъ, бывшимъ крѣпостнымъ, населеніемъ въ натянутыя и холодныя, подчасъ прямо враждебныя отношенія. Результатомъ былъ упадокъ владѣльческихъ хозяйствъ. Множество владѣльцевъ побросали свои имѣнія и разбрелись по столицамъ или чужимъ краямъ. «Абсентеизмъ» владѣльческаго сословія имѣлъ для провинцій, по взложеннымъ выше причинамъ, самыя печальныя послѣдствія; но винить въ немъ однихъ крестьянъ и рабочихъ нельзя. Значительнѣйшая доля вины падаетъ на само владѣльческое сословіе, его неподготовленность къ новому порядку дѣлъ и къ серьезному, просвѣщенному и настойчивому труду.

Кромѣ этихъ причинъ, приведшихъ крестьянскую реформу совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія всѣ рассчитывали, была и другая, — именно, совершенное незнаніе, въ высшихъ административныхъ и интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества, нашего сельскаго люда и, вслѣдствіе того, совершенно ошибочныя о немъ представленія. Практически у насъ знаютъ крестьянъ только тѣ, кто по необходимости и роду занятій находится съ ними въ болѣе или менѣе частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, именно мѣстные помѣщики, низшее духовенство, военные, имѣющіе не-

посредственное дѣло съ солдатами, купцы, промышленники, уѣздные чиновники и т. п. Но въ этихъ слояхъ рѣдко кто старается осмыслить, свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія. Что же касается высшаго административнаго персонала и интеллигенціи, пополняемыхъ преимущественно людьми, живущими почти безвыѣздно въ столицахъ или за границей и имѣющими съ крестьянами лишь рѣдкія и случайныя сношенія, то этотъ слой общества почти ихъ не знаетъ и судить о нихъ лишь по отрывочнымъ впечатлѣніямъ или по словеснымъ и печатнымъ рассказамъ, которые, кстати замѣтить, сравнительно недавно серьезно занялись деревней и ея обитателями. Такой крайне скудный и недостаточный матеріалъ свѣдѣній дополняется и поясняется отчасти цвѣтами воображенія, отчасти представленіями о европейскихъ народныхъ массахъ. Но европейская литература и наука отчетливо различаютъ народъ городской и сельскій. Тамъ, гдѣ послѣдній не успѣлъ еще распуститься въ первомъ, тотъ и другой отличаются другъ отъ друга рѣзкими чертами и представляютъ въ психическомъ и социальномъ отношеніяхъ особыя, своеобразныя типы, очень непохожіе другъ на друга. Европейцу и въ голову не придетъ смѣшать мужика-земледѣльца или кустика, съ городскимъ рабочимъ и пролетаріемъ; мы же, въ большинствѣ случаевъ, мало обращаемъ вниманія на это различіе. Говоря о народѣ въ Европѣ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду городское населеніе—главнаго дѣятеля современной западно-европейской исторіи, который придалъ свой характеръ и свою печать всему теперешнему быту западной Европы. Но положеніе тамошнихъ дѣлъ, смотря по взгляду, возбуждаетъ у насъ, какъ извѣстно, или самыя глубокія, искреннія сочувствія и свѣтлыя надежды въ будущемъ или, напротивъ, внушаетъ ужасъ, отвращеніе и наводитъ на мрачныя мысли и предчувствія. Прибавимъ къ этому поверхностное знакомство съ русской исторіей, которую, правду сказать, и до сихъ поръ нельзя ни узнать, ни въ особенности понять изъ книгъ, несмотря на то, что ея теперь много и усердно занимаются. Каковы же могутъ быть, при такихъ условіяхъ, наши взгляды на крестьянство и наши понятія о русскомъ простомъ народѣ? Они поражаютъ своею фантастичностью и нелѣпостью. Что для владѣльцевъ, которые не сдумѣли поладить

съ мужиками и вслѣдствіе того разорились, сельскій людъ представляется какимъ-то извергомъ, отребьемъ рода человѣческаго, лишеннымъ всякихъ понятій о законѣ, нравственности, справедливости и долгѣ—это, положимъ, понятно. Въ нихъ говорятъ страсть, злоба. Но послушайте друзей и враговъ крестьянства по принципу—и у васъ невольно руки опустятся. Они, какъ есть, ничего не понимаютъ въ мужикѣ!

Для однихъ наши крестьяне чуть-чуть не аркадскіе пастушки. Эти друзья крестьянъ добродушно переносятъ въ село и деревню сцены изъ «Жизни за Царя» и театральные дивертисменты. Приторную фальшь и маниловщину этихъ представленій обильно питаютъ иллюстраціи и дѣтская литература. Добрые люди, составившіе себѣ идиллическія представленія о деревенскихъ Вахромѣяхъ и Маланьяхъ, горько разочаровываются, приходя въ соприкосновеніе съ дѣйствительнымъ сельскимъ людомъ, и зачастую быстро превращаются въ ярыхъ его ненавистниковъ и презирателей. А кто въ этомъ виноватъ? Ужъ конечно не крестьяне.

Другіе, изъ самыхъ почтенныхъ побужденій, переносятъ на крестьянъ всѣ самые свѣтлыя и высокіе идеалы человѣческаго совершенства. Правда, сознаются они, во внѣшнихъ своихъ формахъ, въ бытовыхъ условіяхъ и отношеніяхъ, крестьяне не всегда выказываютъ сокровища, сокрытыя въ ихъ нравственной природѣ; но формы, условія и отношенія—одна внѣшняя формальность, дѣло наживное и поіому не особенно важное. Важно сердце, умъ, душа, — а они у крестьянъ самыя идеальныя, неподражаемыя, превосходныя. Многіе изъ поборниковъ такихъ возврѣній, въ пламенномъ энтузіазмѣ, восклицаютъ: не у насъ образованныхъ людей учиться крестьянамъ, а намъ у нихъ! Но даже при самомъ невыгодномъ понятіи о нравственности образованныхъ слоевъ нашего общества, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ, сколько бы мы ни приводили въ своемъ умѣ и совѣсти смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу сельскаго люда. Некрасива нравственность нашего, такъ-называемаго, культурнаго слоя и интеллигенціи; да не красива же она, надо сказать, и у нашихъ крестьянъ. Обѣ хуже! Самое дурное то, что за такими туманными сентенціями, неизвѣстно къ чему именно относящимися, обыкновенно, всего чаще безсознательно, скры-

вается желаніе возвести въ идеаль формы быта, возрѣній и отношеній, которыя роковымъ ходомъ развитія и исторіи осуждены переродиться и уступить мѣсто другимъ. Возьмемъ, для примѣра, хоть воспѣтый поэтами и прославленный моралистами патриархальный бытъ многочисленныхъ семей, подъ властью одного престарѣлаго и почтеннаго домохозяина. Слова нѣтъ, эта форма быта, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, можетъ быть идеально-прекрасной. Но вѣдь мы знаемъ изъ тысячи наблюденій, что она имѣетъ свое начало и свой конецъ. Неизбѣжная вездѣ индивидуализація разрушаетъ ее, рано или поздно, и создаетъ на ея мѣстѣ бытъ, построенный на индивидуальной самостоятельности людей. Какъ все на свѣтѣ, послѣдній имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства и свои, столько же несомнѣнные органическіе недостатки. Въ своемъ родѣ, бытъ, построенный на индивидуализмѣ, можетъ быть такъ же хорошъ, какъ патриархальный, когда люди стоятъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Смотри на вещи просто, надо, когда одна форма быта падаетъ, а другая нарождается, напрягать всѣ силы, чтобы переходъ совершился по возможности правильнѣй, постепеннѣй, безъ скачковъ и перерывовъ, тягостныхъ и вредныхъ для роста общества. Но разъ пзвѣстныя формы быта и возрѣній признаются нами идеальными, мы невольно относимся равнодушно или отрицательно и даже враждебно ко всѣмъ другимъ, и вмѣсто того, чтобы приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ новымъ условіямъ существованія, остаемся при идеальномъ созерцаніи того, что ушло, или уходить и никогда болѣе не возвратится.

Но самый обыкновенный и распространенный у насъ взглядъ на нашъ сельскій людъ есть тотъ, который, сознательно или безсознательно, переноситъ на крестьянина европейское понятіе о простомъ народѣ; а подъ нимъ обыкновенно подразумѣваются жители городовъ и городскіе рабочіе. Въ Европѣ такое понятіе совершенно естественно. Тамъ весь бытъ опредѣлился по городскому типу и подъ его вліяніемъ: типъ сельчанина удаленъ на второй планъ и не играетъ роли. У насъ такое понятіе, въ примѣненіи къ народнымъ массамъ, не имѣетъ смысла; а между тѣмъ оно-то и лежитъ въ основаніи взглядовъ, разсужденій и выводовъ огромнаго большинства образованныхъ и мыслящихъ

людей и служить исходной точкой законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. По этому взгляду предполагается, что большинство нашихъ крестьянъ не только грамотны, но и имѣютъ нѣкоторый достатокъ; что они не только знаютъ свои права, но и вполне способны дѣлко за нихъ держаться и ихъ защищать въ случаѣ нарушенія; что имъ, слѣдовательно, не только не нужна опека, но подобно всѣмъ прочимъ классамъ и сословіямъ, не нужны ни поддержка, ни покровительство. Но отсюда вотъ что произошло:

— До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и правительственной опеки у нихъ были свои защитники въ лицѣ помѣщиковъ, коронныхъ стряпчихъ и другихъ чиновниковъ. Теперь они всѣмъ предоставлены собственнымъ силамъ, и имъ не къ кому обратиться за помощью и защитой.

— Прежде обѣдѣвшіе отъ малоземелья крестьяне переселялись помѣщиками и министерствомъ государственныхъ имуществъ въ многоземельныя губерніи, съ разными пособіями и льготами и съ устройствомъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Теперь забота объ этомъ снята и съ помѣщиковъ, и съ вѣдомствъ. Крестьяне могутъ устраниваться, при недостаткѣ земли, какъ знаютъ.

— Прежде, на судѣ гражданскомъ и уголовномъ ихъ руководили и защищали помѣщики и чиновники, подъ опекой которыхъ они находились; теперь ихъ никто не руководитъ и не защищаетъ. Они предоставлены исключительно однимъ своимъ силамъ и средствамъ. Особенно на судѣ гражданскомъ, при господствующей теперь строго-состязательной формѣ судопроизводства, они, по бѣдности и невѣжеству, проигрываютъ процессы, въ которыхъ вся правда на ихъ сторонѣ, — и никому нѣтъ до того никакого дѣла.

— Прежде помѣщики и разныя вѣдомства, отъ которыхъ зависѣли крестьяне, старались, въ собственномъ интересѣ, о томъ, чтобы бремя податей и повинностей не было для нихъ слишкомъ обременительно. Теперь и до этого нѣтъ никому никакого дѣла, вслѣдствіе чего сборы съ крестьянъ съ 1861 года увеличились въ пять, въ шесть и болѣе разъ противъ прежняго.

— Прежде, въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій и нуждъ, какъ-то: наводненій, потери скота и лошадей отъ падежа или конокрад-

ства, въ случаѣ разныхъ несчастій, постигавшихъ не цѣлый край, а одну деревню или одного домохозяина, крестьянамъ было къ кому обратиться за помощью. Теперь они получаютъ помощь только въ случаѣ общихъ пожарныхъ бѣдствій и голодухъ; когда же ихъ постигаютъ частныя невзгоды, разоряющія часто до тла, имъ не къ кому прибѣгнуть за помощью, и опять-таки никому нѣтъ никакого до нихъ дѣла.

Вотъ что принесъ нашимъ крестьянамъ взглядъ на нихъ, какъ на гражданъ въ европейскомъ смыслѣ. Они получили всѣ гражданскія права и юридически свободы; а экономически они лишены всякой поддержки и помощи, и пришли въ худшее положеніе, чѣмъ были до отрѣзки надѣловъ, отнятія лѣсовъ и значительнаго возвышенія сборовъ и повинностей.

Знаемъ, что защита и помощь крестьянамъ, со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, были не Богъ вѣсть какія; знаемъ, что подъ предлогомъ покровительства надъ крестьянами совершались негодныя дѣла и творились большія злоупотребленія; знаемъ также, что помощью и защитой далеко не окупались стѣсненія и лишенія, которымъ крестьяне подвергались вслѣдствіе крѣпостной зависимости и административной опеки. Но все же помѣщики и вѣдомства были болѣе или менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне не были разорены въ копецъ—первые хозяйственнымъ расчетомъ, послѣднія страхомъ суда и отвѣтственности. Главное же то, что въ законѣ возводилось въ принципъ, что экономическій бытъ крестьянъ требуетъ поддержки и помощи, что они должны быть оберегаемы и защищаемы. Но изъ новаго законодательства этотъ принципъ вычеркнуть, и объ немъ нѣтъ больше помину. «Думай и заботься самъ о себѣ, какъ хочешь; а если пропадешь—тѣмъ хуже для тебя»,—вотъ девизъ новаго законодательства о крестьянахъ, выведенный послѣдовательно и логически правильно изъ представленія о нихъ, какъ о самостоятельныхъ и полноправныхъ гражданахъ въ европейскомъ смыслѣ. Кромѣ щеголеватой формы, оно, это представленіе, оказывалось и съ практической стороны очень удобнымъ. Во-первыхъ, оно совершенно освобождало администрацію отъ массы скучныхъ заботъ о сельскомъ населеніи; а во-вторыхъ, оно давало бывшимъ помѣщикамъ желанную возможность, безъ

особеннаго труда и хлопотъ, замѣнить упраздненную юридическую зависимость крестьянъ зависимою экономической, болѣе благовидной, и на первый взглядъ болѣе выгодной, чѣмъ обветшалое, уродливое и до наивности простодушное крѣпостное право.

Взглядъ на нашъ сельскій людъ какъ на простой народъ, чернь въ европейскомъ смыслѣ, имѣть у насъ тоже своихъ энтузіастовъ. Мы слышали, что въ Европѣ чернь представляетъ безпокойную массу людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ, готовыхъ, при малѣйшей искрѣ, обратиться въ огнедышащій вулканъ, опасный для государства и существующихъ въ немъ порядковъ; что массы народныя — элементъ вѣчнаго движенія, которому, чтобъ удерживать его въ границахъ, необходимо противопоставить оплотъ консервативныхъ силъ, каковыми являются крупное землевладѣніе, капиталъ и высшая интеллигенція. Нашлись люди, которое цѣликомъ перенесли и это возрѣніе на нашъ деревенскій людъ. На этомъ возрѣніи построены, напримѣръ, удивительныя политическія комбинаціи генерала Фадѣева, въ книгѣ: «Чѣмъ намъ быть». По его мнѣнію, наше крестьянство — злочащій кратеръ, готовый каждую минуту провзвести взрывъ и разрушить нашъ политическій и гражданскій строй. До такихъ поразительныхъ нелѣпостей, сколько намъ извѣстно, никто еще у насъ не договаривался, за исключеніемъ только сотрудниковъ и покровителей газеты «Вѣсть». Генералу Фадѣеву принадлежитъ безспорно честь, что онъ, изъ ошибочной предпосылки, логически вывелъ ея крайнія послѣдствія. За то, изъ той же предпосылки, были, съ тою же строгой логикой, выведены совсѣмъ другія крайнія послѣдствія, за что мы поплатились нашими лучшими, талантливейшими молодыми силами, цѣлымъ поколѣніемъ, погибшимъ жертвою иллюзіи, одинаковыхъ, по исходной точкѣ, съ иллюзіями генерала Фадѣева. Невольно вспоминается при этомъ замѣчаніе И. С. Аксакова, обращенное много лѣтъ тому назадъ къ нашимъ консерваторамъ фадѣевского пошиба: «вы одѣлись въ бѣлый цвѣтъ; не удивляйтесь же и не сбѣуйте, что другіе наряжаются въ красный». Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ тѣхъ и другихъ возрѣній лежитъ одна и та же рововая ошибка. Благодаря ей, и ей одной, нашъ крестьянскій

люди, со времени его раскрѣпощенія, былъ забыть, для него ничего не сдѣлалось, всевозможной его эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ открытъ полный просторъ. Всѣ, имѣвшіе случай близко видѣть положеніе крестьянъ и смотрѣвшіе на вещи просто, съ горестью видѣли, какъ наши крестьяне быстро бѣднѣли, какъ число скота и лошадей у нихъ уменьшалось, и пашня приходила въ запустѣніе, какъ многіе изъ исправныхъ хозяевъ обращались въ бездомныхъ бродягъ. Объ этомъ крестьянскомъ горѣ твердилось ежедневно чуть ли не во всѣхъ газетахъ и во многихъ журналахъ, въ видѣ извѣстій, разсказовъ и повѣстей. Но тѣ, которые объ этомъ говорили и напоминали, считались пессимистами, раздувавшими частные случаи въ общенародное бѣдствіе, — кто знаетъ, можетъ быть, съ преступными цѣлями возбудить общую тревогу и вражду сословія! Такъ отыгрывались мы отъ бѣды, которая все росла и росла, разѣдая быть крестьянъ, подтачивая подъ корень живые соки и силы государства. Наконецъ, зло, возрастая, началъ мало-по-малу выступать въ такихъ явленіяхъ, значенія которыхъ ужъ никакъ нельзя было истолковать злонамѣренностью провинціальныхъ репортеровъ и столичныхъ литераторовъ. Неурожай, повальные болѣзни людей, падежи скота, распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ, слабость, хилость молодыхъ людей, призываемыхъ къ отправленію воинской повинности, стали быстро переходить изъ случайныхъ фактовъ въ постоянные и періодическіе. Нынѣшній тяжелый годъ переполошилъ всѣхъ. Но отерялъ ли онъ всѣмъ глаза? Въ этомъ позволительно сомнѣваться! Мы все еще смотримъ на указанные невзгоды какъ на случайныя явленія, приписываемъ ихъ разнымъ неблагоприятнымъ атмосферическимъ и другимъ подобнымъ условіямъ, и все надѣмся: авось, Богъ дастъ, они не повторятся въ будущемъ году, и все пойдетъ у насъ отлично! Но напрасны такія надежды! Не будучи пророкомъ, можно предсказать заранѣе, безъ ошибки, что пока нашъ взглядъ на крестьянъ, а съ нимъ и наши отношенія къ крестьянскому вопросу не измѣнятся кореннымъ образомъ, до тѣхъ поръ ничто у насъ не перемѣнится къ лучшему, напротивъ, все будетъ изъ года въ годъ идти хуже и хуже. Случайно выпадетъ порядочный урожай; но на одинъ такой урожай число слѣдую-

щих за нимъ неурожаевъ будетъ все увеличиваться. И тѣмъ дальше мы будемъ откладывать рѣшительныя мѣры противъ органическаго недуга, который насъ гложетъ, тѣмъ труднѣе будетъ съ нимъ бороться. Съ случайнымъ недородомъ хлѣбовъ и бѣдствіями, которыя его сопровождаютъ, можно легко справиться въ странѣ богатой и экономически устроенной; но гдѣ онъ падаетъ на обѣднѣмый народъ и истощенную почву, тамъ дѣйствіе его сокрушительно: это все равно, что болѣзнь, постигающая надломленный и разслабленный организмъ.

Теперь, когда условія печати улучшились и говорить о сельскомъ населеніи съ участіемъ перестало, въ глазахъ подлежащей администраціи, считается признакомъ превратнаго и опаснаго образа мыслей, крестьянскій вопросъ, какъ и слѣдовало, сразу занялъ въ печати одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Земства и экономическія общества занялись имъ тоже весьма серьезно въ послѣднее время. Наконецъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, само правительство снова обратило на него особенное вниманіе. При такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не бесполезно будетъ сгруппировать и подвергнуть критической провѣркѣ какъ ходячія у насъ возрѣнія на крестьянство, такъ и мѣры, предлагаемыя для поднятія и устройства у насъ крестьянскаго быта. Освѣтить настоящее значеніе у насъ крестьянскаго вопроса и установить правильную точку зрѣнія для его безпристрастной оцѣнки—это, по нашему глубокому убѣжденію, несравненно важнѣе, чѣмъ даже выработать рядъ мѣръ для его правильнаго разрѣшенія. Пренебреженіе, въ которомъ этотъ вопросъ находится у насъ, къ несчастію, слишкомъ долго, и которымъ искусно воспользовались своекорыстіе и хищничество, къ очевидному вреду государства и всего населенія, было прежде и больше всего результатомъ совершенно ошибочнаго и превратнаго взгляда на сельскій людъ вообще и въ особенности у насъ. Мало того: мы не впадемъ въ преувеличеніе, утверждая, что добрая половина путаницы вообще въ нашихъ понятіяхъ, хаосъ въ нашихъ головахъ относительно нашихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ и задачъ, имѣютъ свой источникъ, главнымъ образомъ, въ неясномъ или ошибочномъ пониманіи крестьянскаго вопроса, какъ онъ поставленъ исторіей въ Россіи. Поэтому теперь самое время

каждому, кто думалъ объ этомъ предметѣ, высказать свой взглядъ и отдать его на общее сужденіе. Пока у насъ не выработается опредѣленныхъ, ясныхъ понятій о крестьянствѣ и крестьянскомъ вопросѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ, какъ доселѣ, шататься изъ стороны въ сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, незаслуженному испытанію, а весь нашъ бытъ—весьма серьезной опасности.

Январь, 1881 г.

К. К.

I.

Желая опредѣлить вполне значеніе у насъ крестьянскаго вопроса,—начнемъ съ общезвѣстнаго и безспорнаго.

Каждый воленъ, въ оцѣнкѣ людей и вещей, слѣдовать своимъ взглядамъ и вкусамъ. Нравится мнѣ человекъ, или не нравится,—это мое личное дѣло, которое ни до кого кромѣ меня не касается. Мы же, совершенно по-дѣтски, ведемъ пространные споры о томъ, заслуживаетъ ли нашъ мужикъ любви, или не заслуживаетъ, добродѣтеленъ онъ, или пороченъ. Въ салонномъ разговорѣ эта матерія можетъ служить весьма удобной тѣмой для остроумнѣйшаго фехтованія словами; но ни къ какому результату такіе споры, разумѣется, не ведутъ, потому что, въ концѣ-концовъ, любовь—дѣло личнаго вкуса, котораго ни доказать, ни оспорить нельзя.

Въ дѣловыхъ отношеніяхъ вопросъ ставится значительно иначе. Въ нихъ мы преслѣдуемъ извѣстныя цѣли. Барину нужна помощь мужика, мужику—помощь барина. Тутъ ужъ рѣчь вовсе не о томъ, нравятся ли они другъ другу, или не нравятся. Интересъ, практическая польза, которой добивается тотъ и другой, заставляютъ ихъ искать другъ друга и вступать во взаимныя сношенія, совершенно независимо отъ того, какія чувства они другъ къ другу питаютъ. Хороши они между собою—и отношенія между ними устанавливаются легче, проще, льготнѣй для обѣихъ сторонъ; не вѣрятъ они другъ другу—отношенія между ними устанавливаются осторожнѣй, труднѣй, формальнѣй, съ разными предусмотрительными оговорками. Но въ томъ и

другомъ случаѣ, взаимная, хорошая или дурная оцѣнка, личные вкусы, расположеніе, или нерасположеніе, въ расчетъ не принимаются. Нуженъ человѣкъ, значитъ и надо вести съ нимъ дѣло, каковъ бы онъ ни былъ.

Далѣе. Каждый изъ насъ—членъ общества, государства. Кромѣ личныхъ, мы имѣемъ еще общественные и государственные интересы. При обсужденіи и соображеніи ихъ, мы еще менѣе, чѣмъ въ нашихъ практическихъ дѣлахъ, можемъ власть на вѣсы наши личные вкусы, наклонности и оцѣнки. Тутъ все дано, опредѣлено и обставлено заранѣе, и нашему личному усмотрѣнію не остается ни простора, ни мѣста. Нашей общественной и политической мысли предстоитъ разрѣшить задачу: какъ достигнуть возможнаго благополучія всѣхъ и каждаго при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Отъ себя мы не можемъ ничего придать при разрѣшеніи такой задачи. И цѣль ея дана: это—благополучіе не наше личное, а всѣхъ, какъ они сами его понимаютъ, а не мы за нихъ. Средства для достиженія цѣли тоже даны: это наличныя, дѣйствительныя, а не воображаемыя условія и обстоятельства, которыми мы можемъ орудовать. Задача, выходящая, самая положительная, при разрѣшеніи которой каждый нашъ шагъ обусловленъ роковымъ образомъ, какъ дѣйствія врача у постели больного. Мы, конечно, можемъ при этомъ догадываться или предвидѣть, болѣе или менѣе ясно, что вслѣдствіе разрѣшенія задачи самыя условія и обстоятельства, съ которыми мы имѣемъ дѣло, измѣнятся, и на ихъ мѣстѣ создадутся другія, но тогда и вся постановка задачи будетъ совсѣмъ другая; теперь же думать объ этомъ—праздная мечта; теперь, сегодня, намъ приходится считаться только съ тѣмъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ настоящимъ, а не будущимъ, которое еще впереди и когда-то будетъ. Умъ, наука, логика забѣгаютъ далеко впередъ: это ихъ несомнѣнное и неотъемлемое право; но практическая постановка дѣла—вѣчто совсѣмъ другое; она связана по рукамъ и по ногамъ дѣйствительностью, настоящимъ, каково оно теперь. Кто этого не знаетъ, или знать не хочетъ, тотъ—фантазеръ и не сдѣлаетъ никакого дѣла, не подвинетъ его ни на шагъ, только замутитъ и испортитъ. Мало ли что можетъ быть хорошаго черезъ тысячу лѣтъ! Можетъ быть, къ тому времени у насъ будетъ такое же благо-

раствореніе водуховъ, какъ въ южной Франціи или Италиі; но, вѣдь, изъ этого не разводятъ же намъ теперь апельсиновыхъ и каштановыхъ деревъ въ тверской губерніи! Можетъ быть, къ тому времени наши природныя богатства и взаправду вскроются и станутъ намъ доступны; да сегодня-то они въ туманѣ, не принимаются никѣмъ къ учету, и мы — бѣдный народъ.

Условія, опредѣляющія жизнь общества, которыхъ оно пере-
мѣнить не можетъ, должны составлять главнѣйшій интересъ всѣхъ
его членовъ, отъ мала до велика; всякій изъ нихъ обязанъ, въ
видахъ общественнаго самосохраненія, всячески его оберегать,
хотить и извлекать изъ него всевозможную общественную пользу.
Мы на разные лады любимся Англійей и англійскими поряд-
ками. И въ самомъ дѣлѣ, есть чѣмъ любоваться! Соціальныя
условія этой страны самыя критическія: вся земля принадлежитъ
небольшой кучкѣ людей, народныя массы не имѣютъ собствен-
ной поземельной осѣдлости. Для Англии вопросъ жизни и смерти,
чтобъ эти массы, всящія на воздухъ, имѣли вдоволь работы
и заработка, достаточныя для поддержанія ихъ существованія.
Оттого удержаніе въ своихъ рукахъ всемірной торговли, от-
крытіе и обезпеченіе рынковъ для сбыта англійскихъ издѣлій не
есть для Англии дѣло вкуса, честолюбія или алчности, а на-
сущная, кровная потребность, къ удовлетворенію которой на-
правлены всѣ ея силы, вся ея политика. Трактаты, союзы,
войны, завоеванія и захваты Англии объясняются этой главной,
національной ея заботой, которой приносится въ жертву все.
Какъ ни враждуютъ между собою въ этой странѣ политическія
партіи, но въ вопросѣ національнаго интереса онѣ совершенно
между собою согласны и никогда не расходятся: національный
интересъ служитъ имъ общей почвой; обереганіе его, какъ
одного изъ условій существованія, составляетъ общую ихъ за-
дачу, къ разрѣшенію которой онѣ только стремятся различными
путями. Другіе европейскіе народы тоже имѣютъ, каждый свои,
присные, кровные интересы, которые составляютъ, такъ сказать,
центръ ихъ существованія, основной стимулъ ихъ внѣшней и
внутренней дѣятельности; по этому камертону настроено у нихъ
все. Нельзя, напримѣръ, не сказать, что въ настоящее время
разноплеменная Австрія, съ преобладающимъ славянскимъ на-

селеніемъ, вступила на путь національной политики, проглатывая новыя славянскія страны и принявшись, наконецъ, серьезно за постепенное уравненіе въ правахъ славянъ съ прочими народностями. Такимъ же точно образомъ, каждое государство имѣеть какой-нибудь свой кровный національный интересъ, который и опредѣляется его жизнь и дѣятельность.

Какой же нашъ выдающійся, преобладающій національный интересъ, при неоднородномъ составѣ населенія и различной исторической судьбѣ многихъ изъ областей, вошедшихъ въ составъ русскаго государства? На этотъ вопросъ краснорѣчиво отвѣчаетъ статистика.

У насъ *восемьдесятъ* процентовъ населенія принадлежать къ крестьянскому сословию; и только двадцать приходится на всѣ остальные сословія — дворянство, духовенство, купцовъ, горожанъ, служилый классъ и войско. Такъ по официальной статистикѣ, которая относитъ людей къ тому или другому разряду по припискѣ; но крестьянъ должно быть еще больше, если принять въ соображеніе, что значительнѣйшая часть купечества, мѣщанъ, ремесленниковъ, приписанныхъ къ городамъ, и войско принадлежитъ тоже къ крестьянству по происхожденію, образу жизни, привычкамъ, понятіямъ и родственнымъ связямъ.

Чтобы исполнѣ оцѣнить значеніе приведенныхъ цифръ, представимъ нѣкоторыя другія, ихъ поясняющія.

До отмены вѣрстаннаго права, сельское населеніе составляло 82,5% всего населенія.

Въ 1870 году, въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи было всего жителей обоого пола 65.704, 559. Изъ нихъ крестьянъ 52.845,456, т.-е. 80,4%. Колонистовъ 785,066, т.-е. 1,2%. Вмѣстѣ 81,6%.

Въ 3-хъ остзейскихъ губерніяхъ процентное отношеніе крестьянъ къ другимъ классамъ такое же, какъ въ остальныхъ губерніяхъ (80,4%).

Въ царствѣ польскомъ (въ 1876 г.) крестьяне составляли 83,26%; но въ дѣйствительности занимающихся сельскими промыслами было менѣе, примѣрно около 75—76%, такъ какъ въ 1869 году жители 327 городовъ перечислены въ сельское состояніе.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ (въ 1875 г.) крестьяне составляли 86,2⁰/₀ всего населенія.

Въ области донскихъ казаковъ крестьяне (317,120) входятъ въ общій счетъ населенія имперіи и составляютъ 29,1⁰/₀ населенія области. Казацье сословіе (690,405 д.) составляетъ 63,5⁰/₀ всего населенія. Въмѣстѣ 92,6⁰/₀. Но какой процентъ собственно земледѣльцевъ казацкаго сословія — неизвѣстно.

Военно-служащіе цѣлой имперіи, отправляющіе дѣйствительную службу, не входятъ въ приведенныя цифры. Они, примѣрно, составляютъ 1⁰/₀ слишкомъ общаго населенія.

Городскія сословія въ 1870 г. составляли 7,8⁰/₀, а въ 1857 г. — 7,2⁰/₀. Стало быть, въ 13 лѣтъ прибыло 0,6⁰/₀. Такое приращеніе ничтожно и легко объясняется припискою къ городамъ дворовыхъ, которые, при крѣпостномъ правѣ, были записаны крестьянами.

Въ имперіи (не считая царства польскаго и великаго княжества финляндскаго) крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи 121.140,000 десятинъ земли; дворянству и другимъ частнымъ владѣльцамъ принадлежать (за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ) 99.000,000 десат. Слѣдовательно, на 22.140,000 дес. менѣе.

Въ царствѣ польскомъ крестьяне владѣютъ 4.716,347 дес., помѣщики около 3.700,000 десятинъ.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ у крестьянъ 20.200,000 гектаровъ (³⁵/₁₀₀ десятины), у помѣщиковъ 1.600,000 гектаровъ.

Опредѣлить процентное отношеніе сельскаго населенія къ другимъ въ различныхъ государствахъ, сравнительно съ Россіей, чрезвычайно трудно. Во-первыхъ, у насъ крестьяне исчисляются по припискѣ, въ другихъ государствахъ — по занятію земледѣліемъ; во-вторыхъ, тамъ иногда по занятіямъ распредѣляется все населеніе, иногда же одно производительное.

На *все населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ:

Въ Швеціи 55,3⁰/₀; во Франціи 51,2⁰/₀; въ Пруссіи 48,8⁰/₀; въ Даніи 47⁰/₀.

Въ Австріи *на все взрослое населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ 37⁰/₀, въ Венгріи 32⁰/₀.

Если же взять *одно производительное* население, то из него сельскимъ хозяйствомъ занимаются:

Въ Великобританіи: въ Англіи 7,3⁰/₀; въ Шотландіи 22,4⁰/₀, въ Ирландіи 36,6⁰/₀; во Франціи 13,7⁰/₀; въ Пруссіи 17,6⁰/₀; въ Италіи 32⁰/₀; въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 47,3⁰/₀ (тамъ на 26 милліоновъ непроизводительнаго населенія приходится только 12¹/₂ милліоновъ производительнаго).

Сдѣлать точное сравненіе такихъ разнородныхъ данныхъ съ свѣдѣніями о сельскомъ населеніи Россіи, гдѣ счетъ ему ведется по другимъ началамъ, невозможно. Приблизительно, хотя въ большинствѣ случаевъ гадательно, сравненіе можетъ быть представлено въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Россіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются 80⁰/₀ всего населенія.

Въ Ирландіи 73⁰/₀; въ Швеціи 55⁰/₀; въ Италіи 54⁰/₀; во Франціи 51⁰/₀; въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 50⁰/₀; въ Давіи 47⁰/₀; въ Шотландіи 45⁰/₀; въ Австріи 44⁰/₀; въ Венгріи 42⁰/₀; въ Германіи 30⁰/₀—40⁰/₀ (для всей Германіи точныхъ данныхъ нѣтъ); въ Англіи 15⁰/₀ ¹⁾.

Эти цифры достаточно характеризуютъ русское государство, и если многіе зовутъ его, полушутя, полусерьезно, «*мужичьимъ царствомъ*», то нельзя не согласиться, что такое названіе весьма мѣтко обозначаетъ Россію по ея наиболѣе характерному признаку. Англію, гдѣ сельчанъ почти совсѣмъ нѣтъ, никто и въ шутку не назоветъ мужичкою державой. Къ государствамъ западной Европы, гдѣ города и городскія сословія играли въ исторіи такую видную роль—и крестьянство совсѣмъ заслонено и отодвинуто на послѣдній планъ, гдѣ горожане или равны ему, или превосходятъ его числомъ, точно также никакъ не шло бы это названіе. Во всей Европѣ оно идетъ только къ намъ, потому что имъ дѣйствительно опредѣляется наша особенность. Она представляется чрезвычайно знаменательной, если припомнимъ, что ни въ московскомъ государствѣ, ни въ разившейся

¹⁾ Всѣ приводимыя статистическія свѣдѣнія сообщены намъ профессоромъ Ю. Э. Яссономъ. Считаемо пріятѣйшимъ долгомъ выразить здѣсь глубоко уважаемому профессору сердечную благодарность за оказанныя намъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и помощь.

изъ него російской имперіи, ни дворянство, ни церковь и духовенство, ни города и городскія сословія никогда не возвышались, какъ въ западной Европѣ, до степени политически-самостоятельныхъ факторовъ общественной и государственной жизни. Хорошо это или дурно—это другой вопросъ, но оно такъ, и съ этимъ, волей-неволей, надо помириться. Любимъ мы сельскій людъ, или не любимъ, мы не можемъ передѣлать или устранить тотъ фактъ, что оно составляетъ у насъ подавляющее большинство населенія, передъ которымъ остальные классы или разряды представляются лишь исключеніемъ.

Какъ численно преобладающій элементъ, крестьянство, самымъ фактомъ своего существованія, должно имѣть огромное вліяніе на весь нашъ бытъ, на весь строй нашей общественной и государственной жизни и, слѣдовательно, составляетъ нашъ главнѣйшій національный интересъ, совершенно независимо отъ того, отвѣчаетъ ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ или нѣтъ. Центръ нашей національной жизни въ крестьянствѣ. Мыслящіе иностранцы, сколько-нибудь знакомые съ Россіей, понимаютъ это. Только для насъ самихъ это кажется еще сомнительнымъ вопросомъ, отъ котораго многіе очень желали бы отчураться ссылками на гражданственность, науку и исторію западной Европы. Но противъ реальнаго факта всякія заклинанія безсильны. Пока мы будемъ упорно отворачиваться отъ дѣйствительности и жить грѣзами, наша во всѣхъ отношеніяхъ печальная жизнь будетъ становиться все печальнѣе, недоразумѣнія, опутывающія нашу мысль, будутъ расти, и мы, по прежнему, все будемъ ходить ощупью, наугадъ, терять время въ безплодныхъ попыткахъ передѣлать основныя черты нашей природы и терзать самихъ себя, не понимая, что дѣлаемъ, и тѣмъ доставлять внутреннимъ и вѣшнимъ плутамъ всѣ удобства обдѣлывать свои дѣлишки на нашъ счетъ.

Сильное преобладаніе въ нашемъ населеніи крестьянства не есть только статистическій фактъ, а основная причина своеобразныхъ особенностей, которыми нашъ общественный и государственный бытъ отличается отъ быта всей остальной Европы. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто вдумывался въ различіе между населеніемъ городскимъ и сельскимъ.

Сельчанинномъ называется всякій, кто имѣетъ осѣдлость на извѣстномъ пространствѣ земли и занимается, хотя бы не исключительно, ея обработкой. У насъ большая часть крестьянъ черноземной полосы не занимается исключительно пашней; почти всѣ они имѣютъ отхожіе промыслы или работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, или занимаются на мѣстахъ своей осѣдлости разными ремеслами, въ видѣ подспорья къ разнообразнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыми кормятся и содержатся. Многие промышленяютъ ими на сторонѣ и цѣлыми годами не возвращаются домой. Но семьи такихъ крестьянъ, старики, женщины и дѣти живутъ въ мѣстахъ осѣдлости, обрабатываютъ землю, хотя бы состоящую въ одномъ огородѣ и конопляникѣ, а потому и сами они остаются крестьянами не по одному имени, но и на самомъ дѣлѣ. Ихъ тягетъ туда, гдѣ ихъ домъ и семья; сюда они отсылаютъ и несутъ свои заработки и сбереженія; въ это свое хозяйство они складываютъ свои зажитки и, рано или поздно, опять возвращаются въ свой дворъ на постоянное житье.

Совсѣмъ другое горожанинъ. Его осѣдлость не земля, а домъ въ городѣ. Онъ можетъ заниматься и сельскимъ промысломъ, но послѣдній есть лишь подспорье къ тому городскому промыслу, чаще всего ремеслу или торговлѣ, который составляетъ главный предметъ его запитій. Въ городѣ люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, достатка и образованія, скучены вмѣстѣ, на небольшомъ пространствѣ, и находятся въ весьма частыхъ между собою сношеніяхъ. Односельцы тоже живутъ тѣсно вмѣстѣ и находятся между собою въ такихъ же частыхъ сношеніяхъ; но это—люди одного общественнаго положенія, нравовъ и привычекъ, одной общественной среды и притомъ постоянно одни и тѣ же; въ городѣ, напротивъ, сходятся люди различныхъ положеній и привычекъ и притомъ часто мѣняющіеся, новые, незнакомые другъ другу. Самая осѣдлость въ городѣ совсѣмъ не то, что деревенская; въ деревнѣ осѣдлый—тотъ, кто имѣетъ въ своемъ постоянномъ владѣніи или пользованіи хотя бы самое крохотное пространство земли; городская осѣдлость, напротивъ, не предполагаетъ самостоятельнаго владѣнія или пользованія домомъ. Осѣдымъ горожаниномъ считается всякій, кто долгое время живетъ

въ одномъ и томъ же городѣ, хотя бы онъ не былъ домовладѣльцемъ и жилъ въ нанатомъ помѣщеніи или квартирѣ.

Эти различныя условія существованія сельчанъ и горожанъ проводятъ рѣзкія различія не только въ образѣ жизни, нравахъ и привычкахъ тѣхъ и другихъ, но и въ ихъ воззрѣніяхъ и въ цѣломъ ихъ умственномъ и нравственномъ складѣ. Горожанинъ новаторъ, космополитъ; сельчанинъ, напротивъ, цѣлко держится за существующее, за преданіе. Горожанинъ считаетъ свое положеніе и свою фортуна дѣломъ собственныхъ усилій и труда; сельчанинъ далеко не такъ вѣритъ въ себя и яснѣе сознаетъ свою зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ гораздо больше горожанина чувствуетъ, что судьба его всегда виситъ на волоскѣ отъ событій, которыхъ человѣкъ отвратить не въ состояніи.

Въ этихъ различіяхъ сельскаго и городского работающаго населенія воспроизводятся ступени развитія человѣка. Онъ одною своею стороною весь въ природѣ, подчиненъ ея неизмѣннымъ законамъ; другою—онъ какъ-бы выдается изъ нея и въ значительной степени высвобождается изъ-подъ ея непосредственной власти. Преслѣдуя свои цѣли, онъ преобразуетъ данныя сочетанія природныхъ явленій и фактовъ сообразно съ своими нуждами и потребностями, и тѣмъ какъ-бы господствуетъ надъ нею своею мыслью, создаетъ въ ней то, чего она, помимо его, не даетъ. Въ этомъ смыслѣ горожанинъ гораздо болѣе, чѣмъ сельчанинъ, выражаетъ дѣятельную, творческую сторону человѣческой природы. Онъ несомнѣнно представляетъ въ природѣ принципъ движенія впередъ, открываетъ, прокладываетъ и освѣщаетъ путь улучшеній и усовершенствованій по всѣмъ направленіямъ. Городъ тянетъ за собою деревню на буксирѣ: такъ всегда было и всегда будетъ, по самому существу дѣла. Но, какъ деревня, по своей природѣ, болѣе склонна къ косности, неподвижности, застою, такъ городъ, въ силу условій своего быта, склоненъ принимать отвлеченности за дѣйствительность, уноситься быстротою творческой мысли за предѣлы реальныхъ условій и въ нетерпѣливомъ преслѣдованіи идеаловъ пренебрегать тѣмъ, что есть, видѣть въ немъ только пути, мѣшающіе движенію впередъ. Вотъ почему и отсутствіе городского элемента и его усиленіе насчетъ сельскаго одинаково

неблагоприятно для быта страны, хотя и въ противоположномъ смыслѣ. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго государства, чрезмѣрный застой и чрезмѣрное движеніе одинаково вредны; только на правильномъ гармоническомъ ихъ распредѣленіи и сочетаніи покоится экономія жизни и силъ. Но въ дѣйствительности такого идеальнаго равновѣсія движенія и покоя нѣтъ, да его и быть не можетъ, гдѣ есть жизнь и развитие. Вездѣ и всегда были, есть и будутъ колебанія, склоняющія вѣсы то въ ту, то въ другую сторону, и они-то и составляютъ животрепещущій интересъ существованія. Бдльшее или меньшее преобладаніе городского или сельскаго элемента въ странѣ опредѣляетъ, такъ или иначе, весь его соціальный строй, независимо отъ степени культуры, которая имѣетъ свои законы развитія.

Все это давно подмѣтили и оцѣнили европейцы. Въ Германіи консервативная партія противопоставляетъ ненавистному ей городскому населенію либеральныхъ бюргеровъ и социалистовъ-рабочихъ—сельское населеніе мужиковъ; одна изъ любимыхъ ихъ тѣмъ—сочувственное отношеніе неограниченной монархической власти, даже австрійской въ Италіи, къ консервативному по своей натурѣ сельскому населенію. Эта власть,—говорятъ они,—ограждала сельчанъ отъ разлагающаго напора и хищничества горожанъ. Во Франціи приверженцы республики не разъ выражали сожалѣніе о томъ, что сельское населеніе было забыто республиканскимъ движеніемъ и отдано въ руки католическимъ попамъ. Въ странѣ, гдѣ политическая и общественная жизнь по преимуществу сложилась по городскому типу и развивалась горожанами, такое признаніе весьма знаменательно и показываетъ, до какой степени, даже тамъ, удержалось и сильно до сихъ поръ различіе горожанъ и сельчанъ. Въ Швейцаріи сохранились и понынѣ живые слѣды и воспоминанія объ антагонизмѣ между селомъ и городомъ. Крестьяне швейцарскихъ кантоновъ, образованныхъ по вѣнскому трактату изъ земель, подвластныхъ Берну, до сихъ поръ питаютъ къ нему большое нерасположеніе. Въ базельскомъ кантонѣ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, неудовольствіе мужиковъ, подвластныхъ городу Базелю, разрѣшилось войной и раздѣленіемъ кантона на двѣ части: го-

родскую Basel-Stadt и мужицкую Basel-Land, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое управление. Такое же раздѣленіе существуетъ, если не ошибаемся, и въ кантонѣ Аппенцель. Но въ Европѣ, за очень малыми исключеніями, крестьянство затерто горожанами. Городской типъ и складъ тамъ преобладаютъ; по идеаламъ горожанъ созданы гражданское и политическое устройство и экономическій бытъ. Европейскій міръ, въ этомъ смыслѣ, есть дальнѣйшее развитіе греко-римскаго міра, который былъ по преимуществу міромъ городовъ и горожанъ. Напротивъ, русское государство есть, по преимуществу, міръ сель и деревень. Городъ въ немъ никогда рѣзко не отличался отъ деревни и никогда не игралъ первенствующей роли.

Многіе убѣждены, что у насъ никогда не было самостоятельной культуры именно вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ, на которыхъ она покоилась въ древнемъ и новомъ европейскомъ мірѣ, — церковь, высшее владѣльческое сословіе, городской патриціатъ — не развились до политическаго значенія. Но въ правѣ ли мы дѣлать такіе рѣшительные выводы изъ фактовъ, которые подають только поводъ къ вопросу? Всемирная исторія еще не кончилась; мы не знаемъ, какія новыя, небывалыя комбинаціи общественныхъ элементовъ она можетъ привести. Церковь, владѣльческіе классы, горожане внесли чрезвычайно много новаго въ развитіе человѣческаго рода, придали великимъ созданіямъ человѣческаго творчества по всѣмъ отраслямъ свой особенный характеръ и отпечатокъ. Одни сельчане были до сихъ поръ паріями рода человѣческаго, работали на другихъ, служили имъ подножіемъ и каріатидой. Заявлять себя они могли лишь случайно, отрывочно; но и по такимъ немногимъ заявленіямъ уже видно, что весь складъ сельскаго типа совсѣмъ другой, не похожій ни на одинъ изъ тѣхъ различныхъ складовъ, которые до сихъ поръ играли роль въ исторіи. Изъ этого мы, съ ббльшимъ основаніемъ, можемъ заключить, что страна, въ которой типъ сельчанина выступить, наконецъ, какъ одинъ изъ факторовъ общественности, необходимо представить собою новую, своеобразную формацію, никогда еще небывалую, по той простой причинѣ, что никогда еще сельскій элементъ не служилъ, такъ сказать, камертономъ общественной и государственной жизни, не

былъ никогда центральнымъ фактомъ, опредѣляющимъ національные интересы. Почему бы такая національная комбинація не была возможна,—мы рѣшительно отказываемся понять. Не потому ли мысль о ней кажется нелѣпою, что мужикъ грубъ, пьетъ сивуху, живетъ подъ соломенной крышей, ѣстъ пушной хлѣбъ, ходитъ въ дерюгѣ и кожухѣ, носить лапти, что отъ него разить дегтемъ и лукомъ? Подобное соображеніе было бы ужъ черезъ-чуръ наивно! Не въ этомъ же заключается характеристика умственного и нравственного склада сельской массы. Въ Европѣ мужикъ далеко не таковъ, и у насъ культура его передѣляется. Вспомнимъ, что были, въ средніе вѣка, предки горожанъ, которые создали современную блестящую европейскую культуру, оттеревъ на задній планъ могущественную и гордую аристократію, смотрѣвшую на нихъ свысока, презрительно, называвшую ихъ «ротюрьерами». Внѣшнія формы, образованность, изящество—спутники довольства и приходятъ съ нимъ сами собою. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ особенномъ складѣ ума, чувствъ, въ углѣ зрѣнія, подѣ которымъ человекъ смотритъ на окружающей міръ; а они у жителей селъ и деревень, при рѣзкомъ различіи городской и сельской жизни, не могутъ не быть иными, чѣмъ у горожанъ.

До какой степени городъ и деревня воспитываютъ различныхъ людей, видно даже на типахъ аристократій. Древняя римская и старинная англійская аристократія, обѣ сначала земскія, сельскія, рѣзко отличаются отъ городского и торговаго патриціата итальянскихъ республикъ, высшей французской буржуазіи и «хлопчато-бумажныхъ лордовъ» современной Англіи.

Скажутъ: почему же именно Россія должна явить міру невиданный и нигдѣ небывалый типъ сельскаго, деревенскаго государства? Не есть-ли это—утопія, праздная и вздорная фантазія не въ мѣру и не по заслугамъ раздутаго національнаго самовнѣнія? До сихъ поръ мы ничѣмъ не заявили себя міру: развѣ это даетъ намъ право считать себя способными, впоследствии, когда-нибудь, выступить представителями новой общественной формаціи?

Что мы непременно выступимъ въ такой роли, за это, разумѣется, никакъ нельзя поручиться. Если мы и впередъ будемъ

относиться къ себѣ такъ же неосмысленно, какъ до сихъ поръ, то гораздо вѣроятнѣе, напротивъ, что мы будемъ обойдены исторіей, и она разрѣшитъ задачи, поставленныя на очередь развитіемъ, въ какой-нибудь другой странѣ. Историческій процессъ ждать насъ, конечно, не станетъ. Какъ въ общественной жизни, такъ и въ исторіи, правъ только тотъ, кто дѣйствуетъ во-время; а кто сидитъ сиднемъ и фантазируетъ, тотъ обходится и забывается безъ всякой жалости. Мы утверждаемъ только, что въ насъ есть данныя для разрѣшенія этой новой задачи, для осуществленія въ дѣйствительности новой комбинаціи общественныхъ элементовъ. На это, кромѣ статистическихъ фактовъ, есть не мало указаній и въ нашемъ отдаленномъ и ближайшемъ прошедшемъ.

Самый, на нашъ взглядъ, поразительный, это—московское государство. Что такое оно было въ сравненіи съ сильнымъ, славнымъ и богатымъ «великимъ господиномъ Новгородомъ»? Вотъ городъ лицомъ къ лицу съ первой грубой и неуклюжей формаціей мужицкаго царства на русской почвѣ. И оно, это царство, а не городъ вышло верхъ, послѣ долгой и тяжелой борьбы. Новгородъ былъ обезсиленъ чернымъ народомъ, который ходилъ жаловаться въ Москву: ему не было житья отъ городскихъ патрициевъ. Въ Псковѣ смердамъ тоже стало отъ нихъ не въ мочь: за все княженіе Ивана III они жаловались, что патриции украли у нихъ какую-то грамоту.

Царствованіе двухъ Іоанновъ, послѣдняго изъ Рюриковичей, Бориса Годунова и смутное время далеко еще не разъяснены и ждутъ критической разработки; но уже по тому, что выяснено, можно съ нѣкоторою вѣроятностью догадываться, что за весь этотъ длинный, тяжкій, кровавый періодъ, рѣшался вопросъ о томъ, идти ли намъ, въ устройствѣ нашихъ внутреннихъ порядковъ, путемъ, которымъ шли другіе народы, особливо ближайшіе наши западные и сѣверные сосѣди, или намъ суждено создать новый общественный складъ. Что передъ двумя Іоаннами, III и IV, носились идеалы особенной общественной формаціи, на это есть въ томъ, что мы уже знаемъ, недвусмысленныя указанія. Крестьянство смѣшало этихъ двухъ государей въ своихъ воспоминаваніяхъ и прославляло подъ однимъ именемъ. Ихъ замыслы далеко опередили время, въ которое они жили; послѣ-

дующая исторія показала, что то были лишь смутныя чаянія, инстинкты, выразившіеся, по тогдашней низкой культурѣ, въ самой грубой и дикой формѣ. Но та же послѣдующая исторія объясняетъ и смыслъ загадочныхъ событій XV и XVI вѣка.

Что притянуло къ намъ Малороссію? Казацкая старшина, если не вся, то значительная ея часть, склонялась своими привычками и сочувствіями къ Польшѣ: но чернь тяготѣла къ Москвѣ; она произвела слитіе обѣихъ странъ въ одно государство.

На нашихъ глазахъ волненія въ западной Россіи и Польшѣ прекратились только съ устройствомъ и обезпеченіемъ крестьянъ.

До 1861 года наше призваніе и роль въ исторіи могли еще заслоняться обманчивымъ видомъ крѣпостного права и построенныхъ на немъ учреждений; но теперь ихъ уже ничто больше не заслоняетъ. Если мы ихъ и теперь не умѣемъ разглядѣть, то потому только, что не умѣемъ или не хотимъ вдуматься въ смыслъ исторіи и явленій современной жизни. Факты неудержимо и безповоротно направляютъ насъ на путь, указываемый главнымъ, основнымъ условіемъ нашего соціального существованія. Колеблясь ступить на этотъ путь твердо и сознательно, гоняясь за призраками, мы, въ ущербъ себѣ и нашимъ драгоценнѣйшимъ національнымъ интересамъ, только теряемъ даромъ время и, какъ показалъ горькій опытъ, плодимъ экономическія и нравственныя бѣдствія, съ которыми такъ трудно бороться.

Разбродъ мыслей, отсутствіе цѣлей въ жизни, умственная и нравственная дряблость, и ихъ всегдашніе спутники — страсть къ наживѣ и растлѣніе, парализующія въ зародышѣ всѣ лучшія и благороднѣйшія стремленія, овладѣли нами, давятъ насъ, только потому, что мы не видимъ и не понимаемъ нашей задачи, не знаемъ, на чемъ сосредоточиться, около чего сгруппироваться, въ чемъ искать національныхъ интересовъ. Стоитъ понять, въ чемъ они заключаются, и наши силы перестанутъ бродить наугадъ, разсѣиваться въ тщетныхъ попыткахъ. Направленные къ одной цѣли и задачѣ, онѣ оживутъ, осмыслятся и сольются въ одно стройное цѣлое. Мы вянемъ, оттого что не знаемъ, куда идти. И какъ намъ это узнать, когда мы сами себя обманываемъ, на мѣсто дѣйствительныхъ фактовъ ставимъ фантазіи и не вникая въ дѣйствительныя явленія, неретолковываемъ ихъ по

нашей личной прихоти. Не обременяя себя задачей приладить нашу жизнь и дѣятельность къ тѣмъ условіямъ, которыя опредѣляютъ нашу національную физиономію, мы расплываемся въ общностяхъ и отвлеченностяхъ, кому какъ вздумается. Въ громадной сплошной деревнѣ, какова Россія (за исключеніемъ лишь ея оковечностей, имѣвшихъ свою исторію), можно встрѣтить всевозможныя воззрѣнія, но очень рѣдко тѣ, на которыя наталкивается самый складъ русской жизни. На самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣйствуютъ у насъ по большей части люди, не имѣющіе о деревнѣ ни малѣйшаго понятія, знающіе ее только по слухамъ да по доходамъ, которые она даетъ, или которыхъ не высматриваетъ. Прислушайтесь къ тому, что зачастую говорится въ нашихъ образованныхъ и предрѣжащихъ слояхъ о деревнѣ и ея обитателяхъ: это—какая-то нескладная амальгама ошибочныхъ представленій о русскихъ фактахъ, съ дурно понятыми выводами европейской науки и европейскаго опыта, нелѣпая смѣсь нижегородскаго съ французскимъ. И эта помѣсь незнанія съ фантазіей обращается у насъ въ регулятивъ и норму дѣйствительной жизни, служить мѣриломъ правильности или неправильности воззрѣній!

Смутное чувство нашей національной особенности, не осмысленное, не возведенное въ національный принципъ; ищетъ ее въ языкѣ и вѣрѣ, и мы истощаемся въ усиліяхъ водворить ихъ въ нашихъ окраинахъ. Но все наше прошедшее и недавнія событія въ Польшѣ и западномъ краѣ доказываютъ съ поразительной убѣдительностью, что тайна приобщенія окраинъ къ русской жизни и государственному единству лежитъ не въ языкѣ и вѣрѣ, а въ обезпеченіи и упроченіи быта сельскаго населенія, численно преобладающаго во всѣхъ нашихъ провинціяхъ. Это мы до сихъ поръ бессознательно несли и несемъ съ собою всюду, и это надо возвести въ сознательный принципъ русской политики, предоставляя каждому вѣрить чему онъ хочетъ и говорить на языкѣ или нарѣчій, на какомъ говорили его отцы и дѣды, не огорчая никого въ томъ, что составляетъ самое интимное, самое присное въ жизни и бытѣ cadaго челоуѣка.

Многіе, пожалуй, увидятъ въ такомъ взглядѣ отреченіе отъ европейской культуры, насажденной у насъ съ такими усиліями

и пожертвованіями. Но мы хотѣли бы знать, что общаго имѣетъ съ культурой тотъ или другой національный строй или складъ? Культура, какъ и наука, вѣра, торговля, промышленность, свобода—достояніе всего міра, космополитичны по своему существу; только формы ихъ, смотря по времени, степени развитія и обстоятельствамъ, различны. Чтобъ имѣть право считать сельскій складъ общественной и государственной жизни несомвѣстимымъ съ культурой, надо напередъ доказать, что есть вообще какой-нибудь складъ или строй, съ которымъ она не можетъ ужиться; а этого-то и нельзя никакъ доказать. Видѣтъ же въ указаніи на преобладающій русскій національный интересъ проповѣдь зицува, лаптей и курной избы могутъ только любители низкопробнаго остроумія, съ которыми мы спорить не станемъ.

Но насмѣшки—Богъ бы съ ними! Всего хуже то, что тѣ, которые считаютъ крестьянскій вопросъ центральнымъ русскимъ вопросомъ, нужды, потребности и устройства крестьянства—важнѣйшимъ національнымъ русскимъ интересомъ, были зачислены въ ярые демократы, въ разрушители государственныхъ основъ, въ опасные революціонеры, словомъ, въ «красные», по жаргону еще недавно очень распространенному въ извѣстныхъ слояхъ,— и лишены всякой возможности объясниться. Что же, однако, есть справедливаго въ такихъ обвиненіяхъ?

Формулируются эти обвиненія такъ: народныя массы въ Европѣ составляютъ элементъ безпокойства, волненія и разрушенія. Отъ нихъ плохо спится и правительствамъ, и образованнымъ, достаточнымъ классамъ. Вы, говорять намъ, считаете народныя массы нашимъ первенствующимъ національнымъ интересомъ. Кто же вы, какъ не демократы и революціонеры?

Выше мы старались показать, что вся эта аргументація поконится на самомъ странномъ смѣшеніи словъ и понятій. Подъ безпокойными народными массами въ Европѣ разумѣютъ безземельныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, которые, дѣйствительно, составляютъ элементъ броженія и готовую армію недовольныхъ своимъ положеніемъ. Да и было бы странно, если-бъ они были имъ довольны и спокойны. Но у насъ подъ народными массами разумѣются осѣдлые крестьяне, которые въ самой Европѣ считаются спокойнѣйшимъ и консервативнѣйшимъ слоемъ обще-

ства, нисколько не похожимъ на классъ рабочихъ. Это доказы-
вается тѣмъ, что вся партія консерваторовъ, юнкеровъ и пѣтис-
товъ въ Пруссіи, группировавшаяся около «Крестовой газеты»,
съ особенною любовью говоритъ о крестьянствѣ; а крестьяне
въ цѣломъ мірѣ поразительно сходны между собою, не смотря
на частныя, мѣстныя и этнографическія различія. Они пред-
ставляютъ особый соціальный типъ, какъ дворяне, духовные,
чиновники, городскіе рабочіе, военные, купцы, ремесленники.
Какимъ же образомъ сторонники крестьянства, признаваемые въ
Европѣ за консерваторовъ, могутъ въ одной Россіи считаться
демократами и революціонерами? Гг. Скарятинъ и Фадѣевъ,
бывшіе сотрудники и вдохновители «Вѣсти» и имъ подобныхъ
изданій, никогда не касались этого вопроса. А жаль, было бы
интересно послушать, какъ они его разрѣшаютъ.

Исторія, правда, представляетъ не мало примѣровъ крестьян-
скихъ бунтовъ «безсмысленныхъ и безпощадныхъ» со всѣми
признаками расходившейся стихійной силы. Таковы были крестьян-
скія войны въ Германіи, казацкіе и крестьянскіе бунты въ Ма-
лороссіи во времена польскаго владычества, пугачевщина у насъ,
жакеріи во Франціи, аграрныя движенія въ Ирландіи. Но про-
тивъ кого и когда бывали такіе бунты?—противъ владѣльцевъ
земли, когда они гнетомъ и вымогательствами доводили крестьянъ
до послѣдней крайности и остервенѣнія. Грахы, отстаивавшіе
права ихъ на государственныя земли, которыя патриціи при-
своили исключительно себѣ, не были врагами государства, не
потрясали никакихъ основъ. Ихъ неудача отдала Римъ въ руки
тріумвировъ и цесарей.

Надо, впрочемъ, и то сказать: въ Европѣ, сто лѣтъ тому на-
задъ, горделивое и презрительное отношеніе высшихъ классовъ
къ низшимъ было понятно и отчасти извинительно. Высшіе
классы были тамъ двигателями и создателями культуры и не
проходили черезъ опыты, которые у насъ подъ глазами. У насъ
же высшія сословія—очень недавняго происхожденія, никакой
культуры не создавали, а взяли изъ Европы готовую, да и то
не самую ея суть, а одну внѣшнюю ея обстановку. Оттого, весь
общественный строй у насъ совершенно иной, чѣмъ въ Европѣ,
и взаимныя отношенія разныхъ слоевъ общества совсѣмъ инныя.

У насъ желать, чтобъ, подъ обманчивымъ и лицемернымъ предлогомъ несуществующаго просвѣщенія и едва нарождающейся культуры, сельское населеніе не было осуждено на безысходное невѣжество, нищету, безправіе и беспомощность, еще не значить быть врагомъ образованія и поборникомъ невѣжества, всего менѣе значить быть демократомъ и революціонеромъ; ибо перенесеніе на слои русскаго народа названій аристократіи, буржуазіи, демократіи не имѣетъ никакого смысла; самыя роли консерваторовъ и прогрессистовъ распредѣлились у насъ какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, какъ думаютъ Скарятинъ, Фадѣевъ и ихъ сторонники. У насъ консерваторы—это народныя массы, а движеніе, испоконъ вѣка, сосредоточивалось въ верхнихъ слояхъ русскаго общества. Только относительно крѣпостнаго права консерваторами являются владѣльческіе классы; но вѣдь не въ этомъ же смыслѣ Скарятинъ съ товарищемъ выдавали себя за консерваторовъ, а насъ за демократовъ. Недоразумѣніе тутъ очевидно; а сколько бѣдъ у насъ изъ-за него произошло—и сказать нельзя! Было ли оно результатомъ горестной ошибки или сознательной мистификаціи, — въ томъ и другомъ случаѣ будущій историкъ нашего времени оцѣнитъ его по достоинству. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, когда мы больше узнаемъ себя и свою исторію, едва повѣрять, что была когда-нибудь возможна наша теперешняя, обычная логика. Выхватить фактъ изъ русской жизни, окрестить его европейскимъ именемъ и, въ силу того понятія, которое соединяется съ этимъ именемъ въ Европѣ, судить и рядить о самомъ фактѣ—вотъ чѣмъ мы усердно занимались до сихъ поръ. Этотъ приемъ такъ въ насъ вѣлся, что мы иначе почти и не умѣемъ разсуждать. Мы лелѣемъ, любимъ, призываемъ нашими желаніями или отталкиваемъ отъ себя съ ужасомъ, отвращеніемъ и страхомъ—фантомы, созданныя воображеніемъ, грезимъ на яву. А насъ еще называютъ реалистами. Какіе мы реалисты: мы—просто дѣти!

Теперь русская печать, не смотря на различіе взглядовъ и направленій, снова принялась съ замѣчательнымъ единодушіемъ за разработку крестьянскаго вопроса. Встрѣчающіяся изрѣдка разномыслія касаются обыкновенно частныхъ, или же возникаютъ вслѣдствіе недоразумѣній, которыя, мы въ этомъ убѣж-

денъ, скоро будутъ разъяснены и устраняются. О крестьянскомъ вопросѣ нѣтъ и не можетъ быть въ русской печати двухъ мнѣній; могутъ быть только отгѣнки, нѣтъ-за которыхъ враждовать не приходится. Всѣ, кому дороги судьбы и интересы русскаго государства и народа, очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія четырехъ пятыхъ народонаселенія зависитъ весь нашъ бытъ. Въ какомъ положеніи находятся крестьяне, въ такомъ будутъ и образованные классы. Зажиточность и богатство послѣднихъ обуславливается достаточностью первыхъ. Мысль, что для владѣльцевъ выгоднѣе бѣдные мужики, чѣмъ богатые, потому что они дешевле нанимаются въ работу, не можетъ же быть возведена въ государственннй принципъ. Невѣжество крестьянъ, ихъ грубость, отсутствие у нихъ потребностей образованной жизни губельно отражается на ходѣ и развитіи нашей производительности и промышленности, и на состояніи всей нашей гражданственности; нельзя и исчислить, сколько напрасныхъ издержекъ мы нѣтъ-за одного этого несемъ, сколько силъ у насъ только нѣтъ-за этого тратится и пропадаетъ даромъ. Общая польза всѣхъ и всего государства находится, въ этомъ отношеніи, въ прямомъ противорѣчій съ узко-эгоистическими, своекорыстными, хищническими, безсердечными и въ концѣ-концовъ близорукими и нерасчетливыми стремленіями многихъ, къ несчастію очень многихъ, — всѣми мѣрами мѣшать развитію крестьянства въ Россіи.

Сознаніе этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ, какъ день, безспорныхъ какъ дважды два — четыре, начинаетъ мало-помалу проникать во всѣ слои русскаго общества. Печальные опыты послѣднихъ лѣтъ доказали наглядно, самымъ дѣломъ, въ какія труппы мы рискуемъ забрести, стараясь перемѣстить естественные, самой исторіей данные, элементы русской жизни и искусственно создать общественныя и политическія комбинаціи, для которыхъ у насъ нѣтъ условій ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ.

Повторяемъ: преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее время и надолго еще впереди это — устройство крестьянъ. Къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества.

II.

Какими мѣрами поднять упавшее благосостояніе крестьянъ? — вотъ, о чемъ крѣпко думаютъ у насъ теперь всѣ, хоть сколько-нибудь понимающіе наше внутреннее положеніе и тѣ бѣды, которыя должны на насъ обрушиться, если крестьянскій вопросъ не будетъ поставленъ и разрѣшенъ правильно.

Собираясь высказать нѣкоторыя мысли по этому предмету, мы должны напередъ оговориться.

Нѣтъ книжки журнала, нѣтъ нумера газеты, гдѣ-бы не говорилось о крестьянахъ и не предлагались мѣры для улучшенія ихъ быта. Въ теченіе послѣдняго года (1880 г.) высказано такимъ образомъ много очень дѣльнаго и толковаго. Мы думаемъ, что съ этой стороны вопросъ исчерпанъ, и сводъ всего, что высказано въ печати, представилъ-бы полную картину того, что предстоитъ дѣлать. Прибавить къ сказанному что-либо новое мы не беремся, да и не такова наша цѣль и задача. Теперь настало время подвести подъ предложенное итоги, сдѣлать изъ него общіе выводы, освѣщенные одною общею мыслью. Только это и заставило насъ взяться за перо, и мы будемъ счастливы, если изъ нашего обзора читатель составитъ себѣ ясное, отчетливое и полное общее понятіе о настоящемъ положеніи крестьянскаго дѣла въ Россіи и о томъ направленіи, въ какомъ желательно вести его далѣе. Само собою разумѣется, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о подробныхъ проектахъ необходимыхъ мѣропріятій. Насущная потребность—это выяснить точку зрѣнія на предметъ, относительно котораго всѣ мы, болѣе или менѣе къ сожалѣнію, все еще ходимъ въ туманѣ. Одинъ изъ нашихъ величайшихъ недостатковъ, отъ котораго мы наиболѣе страдаемъ, есть тотъ, что мы не умѣемъ связно думать. О каждомъ предметѣ мы, почти всегда, имѣемъ много очень вѣрныхъ превосходныхъ мыслей, но рѣдко когда мы даемъ себѣ трудъ сообразить ихъ вмѣстѣ. Оттого наблюденіе, до извѣстной степени, въ извѣстной мѣрѣ справедливое, выростаетъ въ нашей головѣ въ единственную и исключительную причину явленія или событія;

что есть другія наблюденія, освѣщающія и объясняющія предметъ съ другихъ сторонъ,—объ этомъ мы забываемъ, по глѣни или неумѣнью правильно думать. Между тѣмъ, вовсе не требуется особеннаго глубокомыслія, чтобъ понять, что всякое дѣйствительное, живое явленіе, каковъ, напримѣръ, постепенный упадокъ крестьянскаго хозяйства, есть всегда результатъ не одной какой-нибудь, а совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ причинъ, почему и нельзя вызвать живое явленіе или ослабить и устранить его какой-нибудь одной мѣрой, а нужно для этого одновременное совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ мѣръ, рассчитанныхъ на разныя его стороны, органически между собою связанныхъ и направленныхъ къ одной цѣли. Нельзя также ублажать себя розовой надеждой, будто какія-бы то ни было мѣры, будь онѣ непревосходнѣйшія, могутъ сразу принести свой плодъ. И процвѣтаніе, и упадокъ благосостоянія и культуры, въ которыхъ выражается жизнь общества, всегда и всюду подготовляются исподволь, долгое время, какъ ростъ ребенка или развитіе болѣзни, и никакія манипуляціи не въ состояніи измѣнить органическихъ процессовъ жизни, которые совершаются съ извѣстною послѣдовательностью, въ извѣстной постепенности и требуютъ извѣстнаго времени. Продолжительность ихъ можно замедлить или ускорить, но невозможно вызывать или отклонять ихъ различныя фазы внезапно, какъ фигуры въ калейдоскопѣ. Эти простыя и несомнѣнныя истины, хорошо знакомыя всѣмъ практикамъ, многими у насъ слишкомъ часто забываются. Люди, не привыкшіе обращаться съ живыми явленіями, считаютъ хорошими только тѣ мѣры, которыя тотчасъ-же дѣйствуютъ, съ недовѣріемъ смотря на то, что рассчитано на многіе годы, какъ на книжныя измышленія теоретиковъ и кабинетныхъ ученыхъ, о которыхъ отзываются свысока, какъ о чудакахъ, не имѣющихъ никакого чутья дѣйствительности. Благодаря такому исключительному довѣрію къ непосредственно-пригодному, которое, совершенно ошибочно, смѣшивается съ практически-полезнымъ, мы рѣдко заботимся о томъ, чтобъ овладѣть фактами и направить ихъ развитіе по нашей мысли, а относимся къ нимъ какъ-то страдательно. Въмѣсто того, чтобъ предупредить ихъ, идти имъ на встрѣчу, мы только отъ нихъ от-

бываемся, когда они насъ уже настигли, и надо что-нибудь сдѣлать, чтобъ не стать ихъ жертвою. Оттого жизнь почти всегда застаётъ насъ враспlohъ, неприготовленными, поражаетъ разными неожиданностями, противъ которыхъ мы оказываемся безоружными и безсильными. Жизнь насъ тащитъ за собой, а не мы ее устроиваемъ и направляемъ. Если такое къ ней отношеніе вообще невозможно, то тѣмъ болѣе—въ вопросѣ такой важности, какъ бытъ народныхъ массъ. Понадобятся не годы, а десятки лѣтъ настойчиваго, упорнаго кропотливаго труда и дружныхъ усилій правительства и общества, чтобъ поборотъ вредное дѣйствіе условій, мѣшающихъ теперь правильному, здоровому развитію нашего крестьянства. Какъ ни больно, а надо сознаться, что много времени упущено и, что вслѣдствіе того, зло пустило глубокіе корни. То, что было легко и просто двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь стало несравненно труднѣе; тѣмъ необходимѣе принятъ за дѣло скорѣе, не оглядывая, чтобъ оно послѣ не сдѣлалось еще труднѣе.

Мѣры для улучшенія положенія крестьянъ должны обнимать всѣ стороны ихъ быта—матеріальную, умственную и нравственную. Было-бы большою ошибкой думать, что одно улучшеніе матеріальныхъ условій въ состояніи поднять умственный и нравственный уровень крестьянъ, или, что одни уроки нравственности и грамотности могутъ повести ихъ къ матеріальному довольству. Нужно совокупное дѣйствіе и того, и другого. Если не зажиточность, то по-крайней мѣрѣ, безбѣдность есть, конечно, одно изъ необходимыхъ условій образованія и культуры; но одна достаточность и богатство къ нимъ еще не ведутъ. Эго видно на умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ слоевъ нашего же русскаго общества, которые не имѣютъ причины жаловаться на матеріальную нужду и лишенія. Но точно также одно умственное и нравственное развитіе, вопреки довольно распространенному у насъ мнѣнію, еще не ведетъ къ матеріальному благосостоянію. Въ дѣйствительности, все находится въ тѣснѣйшей взаимной связи, особливо въ быту народныхъ массъ, живущихъ непосредственною жизнью; у нихъ чувство, мысль и матеріальные факты связаны между собою несравненно тѣснѣе, чѣмъ у развитыхъ и образованныхъ людей. Вотъ почему мы убѣждены,

что улучшение быта крестьянъ станетъ у насъ возможнымъ лишь съ той минуты, когда мѣры для поднятія ихъ экономическаго положенія, ихъ умственнаго и нравственнаго уровня, поведутся дружно, рядомъ, поддерживая и дополняя другъ друга. Безъ этого ни одна изъ нихъ не приведетъ къ предполагаемой цѣли и не подвинетъ крестьянскаго дѣла впередъ.

Послѣ этихъ необходимыхъ оговорокъ, обратимся къ обзору мѣръ, необходимыхъ для экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія крестьянства въ Россіи.

Въ ряду причинъ видимаго упадка крестьянскихъ хозяйствъ прежде и чаще всего указываютъ на малоземелье. Это указаніе подало поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, взаимнымъ обвиненіямъ и заподозрѣніямъ самаго тяжкаго свойства. Благодаря имъ, простой и совсѣмъ безобидный экономическій вопросъ перенесенъ въ сферу политики, причисленъ къ разряду подозрительныхъ и опасныхъ, и долгое время былъ исключенъ изъ числа вопросовъ, подлежащихъ печатному обсужденію. Даже и теперь, когда условія печати все-таки не такъ неблагоприятны, какъ были еще недавно, вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи все еще считается однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ, даже тѣми, кто на малоземельи крестьянъ не строятъ воздушныхъ замковъ благополучія среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Постараемся освободить вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи отъ искаженій, которымъ онъ подвергся въ глазахъ правительства и публики благодаря полемическимъ преувеличеніямъ, незнанію и своекорыстнымъ разчетамъ, и привести его къ тѣмъ размѣрамъ и къ тому простѣйшему виду, какіе онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего, не надо забывать, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи имѣетъ большую важность только для земледѣльческаго населенія. Тамъ, гдѣ главный мѣстный промыселъ крестьянъ—не земледѣліе и не одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, а промышленность перерабатывающая, хотя-бы самая первобытная и грубая, тамъ вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго владѣнія не имѣетъ особенной важности; а такихъ мѣстностей, какъ извѣстно, у насъ не мало. Мы говоримъ о разныхъ видахъ кустарнаго промысла, которымъ крестьяне занимаются на мѣс-

тахъ, у себя дома. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ-называемыми отхожими промыслами, которые, во всей почти нечерноземной полосѣ Россіи, обыкновенно составляютъ занятіе земледѣльцевъ. Въ отхожіе промыслы отправляются члены семействъ, подростки, безъ которыхъ хозяева могутъ обойтись при обработкѣ земли, и сами хозяева, когда полевые работы окончены и дома дѣлать нечего. Такимъ образомъ, отхожіе промыслы служатъ полезнымъ и выгоднымъ подспорьемъ къ земледѣлію. Ихъ развитіе является результатомъ естественнаго желанія крестьянъ не тратить даромъ времени и заработать лишнюю копейку въ свободное отъ земледѣлія время. Отхожіе промыслы несомнѣнно играютъ у насъ на Руси не очень видную роль въ развитіи культуры посреди крестьянъ. Что бы ни говорили про развращеніе нравовъ, которое, по отзывамъ старыхъ людей, идетъ рука объ руку съ уходомъ на сторону, нельзя отрицать, что такія занятія расширяютъ кругозоръ крестьянъ, вносятъ въ заолустья не одинъ развратъ, а также и правильные взгляды и привычки болѣе развитаго гражданскаго быта.

Впрочемъ, такіе хорошіе плоды приносятъ отхожіе промыслы только тогда, когда служатъ подспорьемъ къ земледѣлію. Если же одна нужда гонитъ крестьянъ изъ дому и не манитъ назадъ, отхожіе промыслы развиваютъ только безцѣльное бродяжество и скитаніе; люди теряютъ при такомъ условіи осѣдность и постепенно обращаются въ проходимцевъ, готовыхъ на все. Изъ этого слѣдуетъ, что заработки на сторонѣ могутъ и хорошо, и дурно вліять на крестьянъ, поднимаютъ ихъ благосостояніе, или въ концѣ разрушаютъ ихъ бытъ, смотря по тому, хорошо или дурно крестьянамъ живется на мѣстахъ ихъ постоянной осѣдности; послѣднее же, у земледѣльческаго населенія, всегда зависитъ отъ условій и пространства землевладѣнія. Каковы же, спрашивается, условія землевладѣнія у нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать вообще. Мѣстами они хороши, мѣстами только удовлетворительны; мѣстами же плохи, или даже очень плохи. Этого, конечно, не рѣшатся отрицать самые предубѣжденные поборники теперешняго положенія крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертные надѣлы, считается болѣе 600 т. душъ. Эта цифра не даетъ, однако,

твердаго основанія для какихъ-либо выводовъ. Она, во-1-хъ, обнимаетъ и земледѣльческое, и не-земледѣльческое населеніе; во-2-хъ, данныя ревизіи, бывшей двадцать лѣтъ тому назадъ, не даютъ возможности опредѣлить отношенія народонаселенія къ землѣ въ настоящее время; въ-3-хъ, въ составъ надѣла входятъ и усадьбы съ огородами и конопляниками и лѣса, и выпуски; сколько изъ этого пространства находится собственно подъ пашней, — объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, а они-то и были бы необходимы для разрѣшенія вопроса о достаточности или недостаточности надѣловъ для земледѣлія. Какъ велико число малоземельныхъ, можно судить уже по тому, что въ 8-ми центральныхъ губерніяхъ, изслѣдованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, надѣловъ въ 1 и 2 десятины считается 21%; а если къ нимъ причислить надѣлы въ 3 дес., равняющіеся теперь, съ умноженіемъ населенія, 2-хъ-десятиннымъ, то получится 17%, или 1.740,871 душъ.

Нельзя не замѣтить, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи ставится у насъ, къ сожалѣнію, весьма неправильно — и не столько изслѣдуется и обсуждается, сколько служитъ поводомъ и предлогомъ для борьбы партій. Есть у насъ не мало людей, которые убѣждены, что имѣй крестьяне земельные надѣлы достаточнаго пространства, крупныя и среднія землевладѣльцы остались бы безъ рабочихъ рукъ. Иные идутъ еще дальше и строятъ всѣ свои сельско-хозяйственные расчеты на крестьянскомъ малоземельи. Эти разсуждаютъ такъ: отъ недостатка земли крестьяне приходятъ въ нищету и готовы, по необходимости, навматься въ работу чуть ли не изъ-за куска хлѣба, а намъ это съ руки; кромѣ того, недостатокъ земли вынуждаетъ крестьянъ навмать у сосѣднихъ владѣльцевъ необходимые для нихъ земельные участки на очень выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ; стало быть, для послѣднихъ малоземелье крестьянъ полезно. Опровергать тѣхъ, которые на чужомъ горѣ и чужой бѣдѣ строятъ свое благополучіе, конечно, не стоитъ; во всякомъ случаѣ, государство не можетъ сообразоваться съ такими взглядами, ни брать ихъ въ основаніе своихъ мѣропріятій. Вопросъ, дѣйствительно заслуживающій внимательнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія, заключается въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ крупныя и среднія хозяйства не могутъ держаться при хорошемъ состояніи мелкихъ?

Особенная важность этого вопроса заключается не столько въ его сельско-хозяйственной, технической сторонѣ, сколько въ общественномъ и культурномъ значеніи у насъ правильно поставленныхъ и хорошо веденныхъ большихъ и среднихъ хозяйствъ.

Оставляя въ сторонѣ политическія соображенія и ограничиваясь одною экономическою и культурною стороною дѣла, нельзя не замѣтить, что благоустроенныя большія и среднія хозяйства, разсыяныя по всей странѣ, могутъ стать, при правильномъ и добросовѣстномъ веденіи дѣла хозяевами, могущественнымъ и благотворнымъ орудіемъ для поднятія благосостоянія и развитія образованія между крестьянами. Каждое хозяйство открываетъ мѣстному населенію близкій рынокъ для сбыта произведеній и для выгодныхъ заработковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественный культурный центръ, откуда полезныя знанія и привычки болѣе зрѣлой гражданственности проникаютъ въ народныя массы. Пока такихъ центровъ у насъ не будетъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать поднятія экономическаго, умственнаго и нравственнаго уровня нашего крестьянства, разбросаннаго на такомъ громадномъ пространствѣ. Легкостью и удобствомъ близкаго заработка эти центры только и могутъ если не прекратить, то хоть значительно ослабить и уменьшить теперешнія, чуть-чуть не поголовныя отлучки, иногда на многіе годы, всего взрослога сельскаго мужскаго населенія не-черноземныхъ губерній, представляющія, какъ мы видѣли, рядомъ съ выгодными и многія существенно невыгодныя и вредныя стороны. Благоустроенные, хозяйственные и промышленные пункты могутъ удержать сосѣднее рабочее население на мѣстахъ, по близости отъ семействъ, и замѣнить отдаленные культурные центры, гдѣ простой народъ не только обрабатывается, но и развращается.

При такой громадной важности средняго и крупнаго землевладѣнія, болѣе у насъ, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно удержаться при нѣкоторой степени благосостоянія и довольства рабочаго земледѣльческаго населенія? У насъ онъ до сихъ поръ многими рѣшался отрицательно. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется, почему интересы крестьянъ, со времени освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, были въ совершенномъ прене-

бреженіи и забросѣ. Въ ихъ зажиточности и довольствѣ многіе видѣли помѣху развитію устроенныхъ, цвѣтущихъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, необходимыхъ для блага страны. Иначе нельзя себѣ объяснить того почти систематическаго устраненія всего, что въ какомъ бы то ни было отношеніи могло содѣйствовать экономическому благосостоянію крестьянъ и поднятію между ними образованія. Если эта наша догадка справедлива, — а другого сколько-нибудь разумнаго объясненія того, что у насъ дѣлалось въ теченіе двадцати лѣтъ по отношенію къ крестьянскому вопросу, нельзя придумать, — то мы, по несчастію, сдѣлались жертвою самаго горестнаго недоразумѣнія и совершеннаго незнанія крестьянъ вообще и нашихъ въ особенности. По нагляднымъ, живымъ примѣрамъ благоустроенныхъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, какія намъ случалось видѣть и какихъ, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ такъ мало, мы утверждаемъ, что зажиточность и довольство сосѣднихъ крестьянъ для такихъ хозяйствъ ни мало не опасны; напротивъ, чѣмъ крестьянство зажиточнѣе и образованнѣе, тѣмъ большаго процвѣтанія и развитія могутъ достигать расположенные посреди него хозяйственные и промышленные пункты. Думать, что одна достаточность крестьянъ лишитъ хозяина, заводчика, фабриканта, возможности имѣть нужное количество рабочихъ рукъ, есть одно изъ самыхъ странныхъ предубѣжденій. Когда на мызу, фабрику или заводъ не идутъ рабочіе изъ сосѣднихъ крестьянъ, — это вѣрный признакъ, что тому есть какія-нибудь особенныя причины, не имѣющія ничего общаго съ матеріальною обезпеченностью сельскаго населенія.

Какъ бы ни былъ богатъ крестьянинъ, онъ никогда не упуститъ случая заработать лишній грошъ; таковы его нравы, его складъ ума. Къ тому же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ крестьянскихъ хозяйствахъ, какъ бы они ни были щедро наделены землей, всегда есть подростки и излишнія рабочія силы, которыя крестьянинъ охотно пускаетъ въ дѣло и работу по сосѣдству, если только живетъ съ сосѣдомъ въ добромъ согласіи. Это извѣстно всякому, кто присматривался къ крестьянскому быту. Въ то время, когда одни владѣльцы не могутъ нанять жнецовъ ни за какія деньги, другіе, въ той же мѣстности, въ самую горячую рабочую пору, получаютъ ихъ, сколько нужно, изъ сравни-

тельно зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ за обыкновенную мѣстную рабочую плату.

Намъ возразятъ, что опытъ двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, доказываетъ невозможность существованія среднихъ и крупныхъ хозяйствъ рядомъ съ мелкими крестьянскими, даже при недостаточности земельныхъ надѣловъ крестьянъ. Въ подтвержденіе сошлутся на извѣстный всѣмъ фактъ, что въ теченіе этого времени большинство помѣщичьихъ хозяйствъ почти повсемѣстно пришли въ упадокъ и отчасти перешли въ другія руки, между прочимъ, въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ. Но указывающіе на это несомнѣнное, весьма печальное, явленіе забываютъ объяснить, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ оно совершилось и продолжаетъ совершаться, а это существенно измѣняетъ смыслъ, который ему обыкновенно приписываютъ. Огромное большинство помѣщиковъ не были приготовлены къ веденію хозяйствъ коммерческимъ образомъ, безъ крѣпостного труда; денежные капиталы, вырученные чрезъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, а впоследствии полученные подъ залогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, употреблены большею частью не на переустройство хозяйствъ сообразно съ новыми обстоятельствами, а частью на уплату прежнихъ долговъ, частью на разныя траты, непроезводительныя для хозяйствъ. Самое же главное и прискорбное то, что большинство помѣщиковъ не могли или не умѣли помириться съ прекращеніемъ крѣпостного права и необходимостью начать жить съ бывшими крѣпостными какъ съ свободными и равноправными сосѣдами. Разстроеныя свои дѣла большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьянъ и рабочихъ и тѣмъ значительно ухудшили прежнія, и безъ того не совсѣмъ дружелюбныя, отношенія, вытекавшія изъ крѣпостной зависимости. Эти обстоятельства, а не надѣлъ крестьянъ землей, привели помѣщичьи хозяйства къ упадку. Тѣ, къ сожалѣнію не многія изъ нихъ, которыя благополучно пережили крестьянскую реформу и находятся въ болѣе или менѣе хорошемъ положеніи, наглядно доказываютъ совмѣстимость среднихъ и крупныхъ хозяйствъ съ мелкими. Съ болѣющимъ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, съ развитіемъ образованія и гражданственности между

крестьянами и владѣльцами, и съ умноженіемъ населенія, возможность совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ необходимо замѣнится взаимнымъ ихъ тяготѣніемъ другъ къ другу, взаимною между ними связью, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ становиться тѣснѣе, такъ-какъ интересы тѣхъ и другихъ не противоположны, а солидарны. Но, скажутъ намъ, удобно и умѣстно ли теперь касаться вопроса о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ? Не усилить ли это разные нелѣпые толки въ сельскомъ населеніи? Не будетъ ли это на руку сѣятелямъ смуть? Не будь такихъ толковъ, или будь недостаточность крестьянскихъ надѣловъ тайной, мы, пожалуй, тоже сочли бы за лучшее, до поры до времени, вовсе не касаться этого вопроса. Но именно при теперешнихъ обстоятельствахъ обходить его, значило бы приписывать ему опасность, которой онъ, безъ покрова таинственности, вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть. Недостаточность, во многихъ мѣстностяхъ, крестьянскаго земельного надѣла ни для кого не тайна. Объ этомъ говорятъ люди практическіе — помѣщики, купцы, духовные, чиновники, которыхъ трудно подозревать въ разрушительныхъ идеяхъ, а что касается нелѣпыхъ толковъ крестьянъ, то они пытаются и поддерживаются дѣйствительнымъ, крайнимъ недостаткомъ земли у многихъ крестьянскихъ обществъ и совершенно безвыходнымъ ихъ положеніемъ. Пользуясь этимъ, сосѣдніе землевладѣльцы нерѣдко немилосердно и близоруко возвышаютъ арендныя платы за свои земли до баснословныхъ цѣнъ, а правительство не только отказываетъ крестьянамъ въ какой бы то ни было помощи и содѣйствіи къ переселенію на свободныя казенныя земли, но, напротивъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами затрудняло его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило само собою. Министерство государственныхъ имуществъ отдавало свои оброчныя статьи въ содержаніе разнымъ промышленникамъ, отъ которыхъ крестьяне получали ихъ за непомерно возвышенную арендную плату, и раздавало множество государственныхъ земель, удобныхъ для поселенія, частнымъ лицамъ въ собственность даромъ, или за ничтожную плату. Доведенные до совершенной крайности и отчаянія, крестьяне и фантазируютъ. При такихъ обстоятельствахъ заглушать и заминать вопросъ о недостаточности земельныхъ

крестьянскихъ надѣловъ, значило бы только раздуть его до чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ, которые считаютъ этотъ вопросъ щекотливымъ, попадаютъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Разсуждать о малоземельи многихъ крестьянъ, говорятъ намъ, не слѣдуетъ, изъ опасенія, чтобы это не подало повода къ превратнымъ толкамъ и химерическимъ надеждамъ. Подъ этимъ предлогомъ вопросъ о малоземельи оставляется безъ разрѣшенія; но благодаря этому, зло растетъ изъ года въ годъ, и подъ конецъ превращается въ дѣлое народное бѣдствіе, которое и порождаетъ вздорные толки. Чтобы ихъ прекратить, надо, напротивъ, прямо и смѣло поставить вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и обдумать, какъ ее устранить: тогда всѣ толки прекратятся, и, какъ было во время отмѣны крѣпостного права, крестьяне, видя, что правительство вошло въ ихъ положеніе, стануть терпѣливо ждать рѣшенія. Теперешнее положеніе выгодно только для распространителей ложныхъ слуховъ и для тѣхъ, кто извлекаетъ изъ него свои пользы. Имъ, конечно, желательно продолжить теперешнее положеніе дѣль на неопредѣленное время, какъ можно дольше, и потому они искусно смѣшиваютъ трезвый и спокойный взглядъ знающихъ и мыслящихъ людей, указывающихъ на зло и необходимость положить ему конецъ,—съ бредомъ, вымученнымъ у части крестьянъ тяжелымъ ихъ положеніемъ, и тѣмъ навлекаютъ на всѣхъ, разсуждающихъ объ этомъ предметѣ, подозрѣніе въ политической неблагонамѣренности.

Очевидно, съ вопросомъ о малоземельи крестьянъ происходитъ у насъ теперь то же самое, что двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ происходило съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ. Тогда, точно также, считалось крайне опаснымъ для государства обсуждать его; всѣ, указывавшіе на необходимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ, считались утопистами, вредными мечтателями, патавшими, въ глубинѣ души, недобрые замыслы. Но логика вещей взяла свое. Пришлось приняться за этотъ вопросъ, и когда онъ сталъ обсуждаться въ комитетахъ, комиссияхъ и въ печати, тотчасъ же всѣ умы успокоились, крестьянскіе бунты, число которыхъ до тѣхъ поръ изъ года въ годъ росло, совсѣмъ прекратились, и переходъ къ новому порядку

совершился мирно и спокойно. Попытки заткнуть вопросъ о мало-земельи крестьянъ только обострили его и повели къ распространению безсмысленныхъ толковъ, къ возбужденію ложныхъ надеждъ и ожиданій, гораздо болѣе вредныхъ для землевладѣльцевъ, чѣмъ своевременная правильная постановка дѣла. Какъ извѣстно, знаменитое циркулярное объявленіе одного изъ бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, только подлило масла въ огонь. Мало дальновидности показали и дворянскія, и земскія собранія, тщательно обходя вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; ибо отъ дѣйствительнаго факта нельзя ни отглаголаться, ни отчураться заклинаніями: съ нимъ надо считаться, вывести его на свѣтъ Божій, обследовать безъ страха со всѣхъ сторонъ и, введя этимъ его дѣйствіе въ должныя границы, сдѣлать его безвреднымъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно отрицать, что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ мѣстностяхъ имперіи земледѣльческое населеніе крайне нуждается въ землѣ, потому ли, что ея отведено слишкомъ мало, или что она совсѣмъ или болѣею частью вовсе негодна для полевого хозяйства. Этой части земледѣльческаго населенія необходимо помочь, необходимо дать возможность пріобрѣсти совершенно необходимое количество земли вдобавокъ или въ замѣнъ той, которую теперь владѣть. Весь вопросъ въ томъ, какъ, какимъ образомъ помочь и въ какой мѣрѣ? Къ сожалѣнію, вопросъ объ оказаніи помощи крестьянамъ по увеличенію ихъ землевладѣнія ставится у насъ какъ-то слишкомъ неопредѣленно и обще, что его запутываетъ—и увеличиваетъ и безъ того не малыхъ трудностей его рѣшенія. Приступая къ этому вопросу, необходимо, прежде всего, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего же именно мы хотимъ.

Доставить вообще крестьянамъ возможность пріобрѣсти въ собственность побольше земель? — Но такая задача была бы и ошибочна, и невыполнима. Государство не можетъ поставить себѣ цѣлью вообще усиливать крестьянское землевладѣніе. Не говоря уже о томъ, что никакихъ средствъ не хватило бы на достиженіе такой неопредѣленной цѣли,—государство не можетъ ею задаться. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—не дѣло государства и правительства, а самихъ крестьянъ, ихъ трудолюбія

и бережливости. Въ планы государства не можетъ входить поощреніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ средняго или крупнаго, уже потому, что, какъ мы видѣли, послѣднія необходимы не менѣе мелкаго для правильнаго развитія сельско-хозяйственной и вообще всякой культуры страны. И такъ, вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія сводится собственно къ доставленію крестьянамъ-земледѣльцамъ возможности приобрести земельные надѣлы или увеличить ихъ въ томъ только случаѣ, когда они или вовсе не имѣютъ удобной для обработки земли, или имѣютъ, но, очевидно, слишкомъ мало для сноснаго существованія. Государство можетъ и должно предохранить земледѣльческое населеніе отъ совершеннаго упадка и разоренія вслѣдствіе недостаточности земельныхъ надѣловъ. Это вполне входитъ въ его задачи и виды.

Многіе возражаютъ и противъ такой постановки вопроса, находя заботу объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ ненужной, бесполезной и невозможной. Ненужна она, по ихъ мнѣнію, потому, что если государству слѣдуетъ озаботиться о земельныхъ надѣлахъ крестьянъ, то ему же слѣдуетъ озаботиться о томъ же и относительно другихъ сословій, верѣдко столько же пуждающихся, какъ и крестьяне. Она бесполезна потому, что удовлетворить нуждамъ крестьянъ только на время: съ приростомъ населенія придется прибѣгать къ ней снова, и такъ далѣе, пока, наконецъ, дополнять крестьянскіе надѣлы окажется невозможнымъ по недостатку земли. Самая мысль доставить крестьянамъ недостающее имъ количество земли несбыточна. Развѣ гдѣ-нибудь возможно, чтобъ всѣ имѣли въ своемъ владѣніи столько земли, сколько нужно, хотя бы только для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей?

Какъ эти возраженія ни кажутся, съ перваго взгляда, вѣскими, почти неотразимыми, но они вертятся на важныхъ недоразумѣніяхъ, которыя необходимо выяснить, ибо они затемняютъ дѣло и переносятъ вопросъ на почву, ему вовсе не свойственную.

Представить себѣ такое общество, гдѣ каждый имѣетъ довольно земли для безбѣднаго прокормленія съ нея себя съ семействомъ, значитъ просто-на-просто фантазировать. Въ дѣйствительности, не можетъ быть общества, въ которомъ всѣ кормились

бы отъ земли, т.-е. были бы поголовно земледѣльцами. Кромѣ того, какъ бы государство ни было богато землей, въ немъ, рано или поздно, должна наступить минута, когда отъ прироста населенія земледѣльцамъ станетъ тѣсно, и они вынуждены будутъ измѣнить способы земледѣлія, чтобъ съ того же пространства получать больше произведеній. Поэтому, когда возбуждается вопросъ о малоземельи крестьянъ и о средствахъ ему помочь, рѣчь идетъ вовсе не объ идеальномъ снабженіи всѣхъ и каждого землею, ни о постоянномъ расширеніи крестьянскихъ пашень, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Задача несравненно проще и скромнѣе: надо доставить той части населенія, которая теперь кормится отъ земли, возможность имѣть ее въ крайне необходимомъ количествѣ и удобную для воздѣлыванія. Есть ли вообще такая возможность или нѣтъ? Если она есть, то какими способами доставить землю нуждающимся въ ней крестьянамъ?— вотъ ближайшіе, практическіе вопросы, къ которымъ, въ концѣ-концѣ, сводится вся задача, выдаваемая, одними по незнанію, другими не безъ заднихъ мыслей, за опасную утопію, навѣянную социальными и коммунистическими теоріями. Еслибъ такая задача оказалась возможной и удалось ее разрѣшить, то непосредственнымъ результатомъ было бы не всеобщее, поголовное надѣленіе всѣхъ землею, а упроченіе теперешняго быта сельскаго населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно занимается земледѣліемъ. Последствія этого были бы благотворныя, не только вообще для государства и общества, но и въ особенности для самихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Съ упроченіемъ быта земледѣльцевъ окрѣпла бы ихъ осѣдность, и приростъ населенія вызвалъ бы необходимость постепеннаго перехода къ лучшимъ приемамъ земледѣлія, немислимымъ при теперешней навлонности къ бродячеству, которая питается и поддерживается больше всего неблагоприятными условіями земледѣльческаго быта, въ особенности же малоземельемъ. Разъ этотъ бытъ будетъ хоть сколько-нибудь упроченъ и обезпеченъ, около сельскаго населенія станетъ лѣпиться и кормиться много бездомнаго и безземельнаго люда, деревенскихъ ремесленниковъ, рабочихъ и служащихъ, въ которыхъ сельчане нуждаются не меньше помѣщиковъ и горожанъ. Избытокъ населенія, по мѣрѣ его увеличенія, шелъ

бы на потребности сосѣднихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ, такъ-какъ прочно-осѣдлое земледѣльческое населеніе, имѣющее какою-нибудь достатокъ, неохотно и не отъ радости сердца посылаетъ своихъ подростковъ въ далекіе и рискованные отхожіе промыслы; его вынуждаетъ къ тому одна лишь нужда. Когда есть работа по близости, крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаетъ держать сына, внука, племянника по близости, у себя на глазахъ, зная по опыту и изъ примѣра сосѣдей, что внѣ надзора, за глазами, молодые парви забалтываются. Одно малоземелье гонитъ земледѣльцевъ въ дальніе края за заработкомъ и превращаетъ ихъ мало-по-малу въ бродягъ, отучая отъ дома и семьи. Если у большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ сосѣдніе крестьяне не ищутъ заработковъ, то это, почти всегда, вина первыхъ, а не послѣднихъ.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что каждый самъ лучше знаетъ, какъ ему удобнѣе устроиться; что государству и обществу въ это вмѣшиваться не слѣдуетъ. Но такое возраженіе, какъ и многія другія, требуетъ ближайшаго разъясненія. Государству и обществу, конечно, не слѣдуетъ насильно навязывать людямъ то, что оно считаетъ для нихъ наилучшимъ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но также несомнѣнно, что общество и государство не могутъ сложить съ себя заботы о тѣхъ, кто по чему-либо самъ не въ состояніи устроиться. Имъ государство и общество должны придти на помощь, и нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобъ пренебреженіе этой заботой и этой обязанностью прошло даромъ. Девизъ манчестерской школы, что каждый долженъ пешичь о себѣ безъ посторонней помощи, совершенно справедливъ, когда силы борющихся одинаковы; но когда онѣ не равны, на государствѣ и обществѣ лежитъ обязанность поддержкою болѣе слабыхъ уравнивать шансы борьбы, для пользы и блага всѣхъ. Внѣ государства и общества безразлично, кто одержитъ верхъ; страдаютъ одни побѣжденные, но это ихъ дѣло. Въ устроенномъ же сожителствѣ людей побѣда однихъ элементовъ надъ другими, нарушеніе равновѣсія силъ, есть бѣдствіе, несчастіе, грозящія опасностью всей общественности и всѣмъ ея составнымъ элементамъ, потому что здѣсь всѣ они находятся между собою въ органической связи. Государство и общество для того и суще-

ствують, чтобъ уравнивать общественные элементы и интересы. Для того и стѣсняются болѣе или менѣе всѣ, чтобъ всѣмъ было возможно-хорошо. Отнимите у государства и общества это значеніе, и самое ихъ существованіе теряетъ смыслъ. Вотъ, почему во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, съ понятіемъ о государствѣ и обществѣ неразрывно связывалось понятіе о защитѣ и поддержкѣ тѣхъ, кто не въ состояніи самъ себя отстаивать въ жизненной борьбѣ; только примѣнялось это понятіе неодинаково у разныхъ народовъ и въ разные эпохи, потому что взглядъ на общество и государство не сразу опредѣлился, а постепенно развивался, выяснялся, совершенствовался, какъ все на свѣтѣ. Въ древнемъ мірѣ несовершеннѣйшіе, умалишенные и женщины были поставлены подъ защиту опеки, имѣвшей публичный характеръ. Въ новомъ мірѣ вмѣшательство государства и общества въ борьбу частныхъ интересовъ чрезвычайно усилилось и продолжаетъ расширяться на нашихъ глазахъ, все глубже и глубже проникая въ ежедневный бытъ людей и захватывая постепенно всѣ его стороны, въ малѣйшихъ подробностяхъ.

Самое поразительное подтвержденіе этого факта представляетъ Великобританія,—классическая страна индивидуальной самостоятельности, почина и невмѣшательства государства въ экономическое развитіе страны и борьбу частныхъ интересовъ. Практичность англичанъ, ихъ отвращеніе къ отвлеченностямъ и общимъ политическимъ и социальнымъ теоріямъ вошли въ пословицу; а между тѣмъ, этихъ въ высшей степени практическихъ людей сама жизнь, сама необходимость вынудила мало-по-малу допустить и узаконить вмѣшательство государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и нанимаемыхъ ими для фабричной работы дѣтей и женщинъ, въ школьное дѣло, регулировать улучшение почвы для земледѣлія, опредѣлить закономъ общественную благотворительность, отношенія между лэндлордами и фермерами въ Ирландіи, выкупить изъ частныхъ рукъ желѣзныя дороги. Вмѣшательство государства, какъ посредника въ борьбѣ частныхъ интересовъ, для согласованія ихъ съ пользами всѣхъ, выказывается въ самой Великобританіи все чаще и чаще, развивается ежегодно и доказываетъ наглядно, что не одніи отвлеченныя политическія и экономическія теоріи, а сама практика, сама еже-

дневная жизнь вынуждают государство и общество играть, волеиневолей, такую роль. Та же Великобританія живымъ примѣромъ доказываетъ и ту неоспоримую истину, что нарушеніе существенныхъ интересовъ земледѣльческихъ массъ не проходитъ государству даромъ, что оно производитъ болѣзненные явленія въ жизни цѣлаго общества и, въ концѣ-концовъ, падаетъ тяжкимъ бременемъ на тотъ слой общества, который, повидимому, воспользовался такимъ нарушеніемъ въ свою пользу. Подъ предлогомъ развитія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, у мелкихъ земледѣльцевъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, всѣми правдами и неправдами обобраны земли, которыя сосредоточились въ рукахъ немногихъ, крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Сельское хозяйство отъ этого, правда, много выиграло; выиграли также много промышленность и торговля, такъ-какъ народныя массы должны были, чтобъ прокормиться съ семьями, отдать свой трудъ на службу перерабатывающей и торговой промышленности, или выселиться изъ родины въ чужія страны. Но, что изъ этого вышло? Число бѣдныхъ, требующихъ призрѣнія и помощи, такъ усилилось, что забота о нихъ, превышая средства, удѣляемыя частною благотворительностью, выросла въ общественное дѣло, потребовала общественнаго расхода, покрываемаго обязательнымъ, тяжелымъ налогомъ, который падаетъ на людей достаточныхъ. Они теперь должны удѣлять изъ своего кармана, періодически, значительную сумму, какъ-бы въ вознагражденіе того, что сдѣлано ихъ предками въ нарушеніе интересовъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Имущіе должны теперь, за близорукой своекорыстной расчетъ предковъ, содержать на свой счетъ потомковъ тѣхъ, которые когда-то были обижены. Таковы послѣдствія старой неправды въ Англіи и Шотландіи. Теперь они все еще сносны, пока масса рукъ занята фабричнымъ и торговымъ дѣломъ. А что будетъ, когда Великобританія потеряетъ теперешнее первенствующее значеніе въ промышленности и торговлѣ, — что рано или поздно, а непремѣнно должно случиться, по мѣрѣ ихъ развитія въ другихъ странахъ и колоніяхъ? Тогда это искусственно созданное и гениально поддерживаемое общественное зданіе, если оно не будетъ кореннымъ образомъ перестроено, должно разрушиться, ибо паллятивъ обязательной обще-

ственной благотворительности и ежегодное переселеніе, почти равняющееся по размѣрамъ естественному приросту населенія, окажутся уже далеко недостаточными для противудѣйствія органическому пороку всего соціального строя. Въ Ирландіи этотъ порокъ сказался уже теперь вполне ясно и опредѣленно, потому что здѣсь преобладаетъ земледѣліе, и нѣтъ того громаднaго развитія промышленности и торговли, которое въ Англии и Шотландіи скрадываетъ ужасы быта, построеннаго на обезземеленіи мужиковъ.

Спрашивается: какимъ образомъ помочь малоземелью нашихъ крестьянъ? Мѣры для этого давнымъ-давно указаны нашею періодическою печатью. Но прежде, чѣмъ ихъ разсматривать, скажемъ, для избѣжанія всякихъ инсинуацій и заподозриваній, — которыя теперь въ такомъ ходу, — что мы въ принципѣ отвергаемъ всякую мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія съ нарушеніемъ правъ другихъ землевладѣльцевъ, вообще отвергаемъ какія бы то ни было принудительныя мѣры, такъ-какъ онѣ, устраняя сегодня одно зло, завтра производятъ еще худшее чѣмъ дѣлаетъ всѣ вообще права шаткими. Вопреки добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ увѣреніямъ многихъ, мы утверждаемъ, что и въ самомъ сельскомъ населеніи мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на счетъ другихъ владѣній далеко не такъ распространена, какъ иные думаютъ, хотя и несомнѣнно, что сельскій людъ не питаетъ къ большинству землевладѣльцевъ и помѣщиковъ особеннаго благорасположенія. Наконецъ, точно съ такою же полною увѣренностью мы утверждаемъ, что какъ только будутъ приняты серьезныя и рѣшительныя мѣры къ улучшенію земельного положенія крестьянъ, всѣ нелѣпыя, раздуваемые страхомъ толки тотчасъ же падутъ сами собою, и самое нерасположеніе къ помѣщикамъ, о которомъ мы говорили, съ ослабленіемъ теперешняго экономическаго гнета съ ихъ стороны, смѣнится равнодушіемъ къ нимъ. Только не надо отлагать разрѣшенія вопроса въ долгій ящикъ, не надо доводить теперешняго положенія до крайности.

Обратимся теперь къ мѣрамъ, какими можно и должно пособить малоземелью крестьянъ.

Какихъ именно крестьянъ слѣдуетъ считать малоземельными? —

Вотъ первое, что представляется при обсужденіи этого вопроса: ибо только имъ слѣдуетъ придти на помощь; прочимъ должно быть предоставлено самимъ, собственными средствами, пополнить недостатокъ земли, если они найдутъ, что у нихъ ея мало.

Опредѣлить, какой надѣлъ признать, въ различныхъ мѣстностяхъ, достаточнымъ, вообще чрезвычайно трудно. О произведеніи, съ этою цѣлью, особаго изслѣдованія нечего и думать: оно по необходимости затянулось бы на многіе десятки лѣтъ и все-таки не привело бы ни къ какимъ результатамъ, такъ-какъ наша сельско-хозяйственная жизнь находится еще въ младенчествѣ, условія ея далеко не установились и невѣдѣны, и потому, для достаточности или недостаточности надѣловъ, не выработано еще общихъ, объективныхъ признаковъ. Каждый судить о ней по своему, и въ массѣ различныхъ критеріевъ было бы не возможно разобратся и придти къ справедливымъ и для всѣхъ безобиднымъ заключеніямъ. Вотъ почему необходимо принять другое мѣрило достаточности землевладѣнія, болѣе простое, готовое, всѣмъ извѣстное и къ которому всѣ привыкли. За такое мѣрило должны быть приняты *высшіе* размѣры душевого надѣла, установленные по различнымъ мѣстностямъ имперіи Положеніями 19 февраля 1861 года для надѣленія землею помѣщичьихъ крестьянъ при освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости. Размѣръ землевладѣнія мы полагали бы опредѣлять не по наличному числу душъ мужскаго пола, а по числу *реализованныхъ* душъ, *приписанныхъ къ селенію съ правомъ на надѣлъ* землею. Гдѣ по такому исчисленію высшаго душевого надѣла земли недостаетъ, тамъ на приобрѣтеніе *недостающаго количества* должно быть оказано селенію пособіе. Въ какомъ видѣ,—объ этомъ мы скажемъ ниже.

Такое рѣшеніе вопроса, какъ можно предвидѣть заранѣе, не удовлетворить весьма многихъ. Намъ замѣтить, что приростъ населенія съ 1861 года, во многихъ мѣстностяхъ, уже обратилъ въ дѣйствительности высшій надѣлъ въ средній или даже въ низшій, соразмѣрно съ количествомъ наличныхъ душъ; что нормы, установленныя Положеніями 19-го февраля, не свободны отъ ошибокъ и во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе уменьшены сравнительно съ дѣйствительною потребностью въ земельномъ

надѣль; что наконецъ нельзя и не слѣдуетъ, при разрѣшеніи такого животрепещущаго вопроса, каковъ вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею, руководствоваться другими соображеніями, кромѣ дѣйствительныхъ потребностей настоящаго времени, съ которыми то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ весьма существенно расходиться.

Признавая всю серьезность этихъ доводовъ, мы, съ своей стороны, не можемъ съ ними согласиться по соображеніямъ, которыя въ настоящемъ дѣлѣ должны, какъ мы думаемъ, тоже играть рѣшительную роль. Объ одномъ изъ нихъ мы уже сказали выше: это—совершенная невозможность, въ короткое время, опредѣлить заново, на основаніяхъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, потребность въ землѣ для крестьянъ. Такая невозможность, какъ мы сказали, еще осложняется тѣмъ, что первобытная культура, до сихъ поръ исключительно господствующая у крестьянъ, не даетъ никакой точки опоры даже для приблизительнаго опредѣленія потребнаго количества земли при мало-мальски улучшенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое одно и могло бы служить основаніемъ при соображеніяхъ по настоящему вопросу. Кромѣ того, мы никакъ не допускаемъ принципа, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія долженъ быть увеличиваемъ и земельный крестьянскій надѣль. Очевидная нелѣпость такого принципа не требуетъ доказательствъ. Еслибъ, при громадномъ количествѣ впускъ лежащихъ государственныхъ земель, и можно было, въ продолженіе нѣкотораго времени, надѣлять крестьянъ землею по мѣрѣ надобности, то и въ такомъ случаѣ принципъ обязательнаго надѣленія долженъ бы быть безусловно отвергнуть, не только по тѣмъ фантастическимъ надеждамъ и воззрѣніямъ, которыя провозглашеніе такого принципа могло бы воспитать въ земледѣльческихъ массахъ, но потому въ особенности, что расчетъ на полученіе новыхъ надѣловъ поощрилъ бы косвеннымъ образомъ крестьянъ оставаться при теперешнихъ безобразныхъ порядкахъ и способахъ пользованія землею, не заботясь объ улучшеніи земледѣлія.

Въ виду всего сказаннаго, мы смотримъ на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія какъ на мѣру временную, вызываемую не общими теоретическими или социальными соображеніями,

ніями, а единственно настоящимъ положеніемъ извѣстной части крестьянъ-земледѣльцевъ. Она должна поправить и довершить дѣло раскрѣпощенія и положить на будущее время прочное основаніе развитію правильно устроеннаго класса земледѣльцевъ, въ которомъ мы такъ спѣшно нуждаемся. Какъ довершеніе крестьянской реформы, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должно примкнуть къ законоположеніямъ, создавшимъ у насъ классъ свободныхъ земледѣльцевъ, опираться на нихъ и быть лишь ихъ ближайшимъ осуществленіемъ и примѣненіемъ. Только въ такомъ видѣ вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія высвободится изъ туманной неопредѣленности общихъ соображеній и получить точную, легко опредѣлимую форму, необходимую во всякомъ прагматическомъ дѣлѣ. Гдѣ и сколько именно селеній нуждаются въ землѣ, сколько ея недостаетъ, какія мѣры и средства могутъ понадобиться для дополненія существующихъ надѣловъ, — все это, при подобной постановкѣ вопроса, можетъ быть весьма легко приведено къ точнымъ цифрамъ, которыя и послужатъ прочнымъ практическимъ основаніемъ для обсуждения соотвѣствующихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Мы предлагаемъ принять высшій размѣръ надѣловъ, установленный Положеніями 19-го февраля, за норму достаточнаго землевладѣнія на томъ основаніи, что двадцать лѣтъ спустя послѣ крестьянской реформы, душевые надѣлы, съ приростомъ населенія, почти вездѣ должны были уменьшиться, и въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне, даже при увеличеніи ихъ надѣловъ, имѣли бы въ своемъ владѣніи не полный, а средній надѣлъ.

Итакъ, мы полагаемъ необходимымъ оказать крестьянамъ со стороны государства пособіе на приобрѣтеніе того количества земли, какого имъ теперь недостаетъ до высшаго размѣра по Положеніямъ 19-го февраля 1861 года и по числу *регизскихъ* душъ.

Въ какомъ видѣ могло бы быть оказано пособіе?

Для этого представляются три способа, давно уже указанныя съ разныхъ сторонъ: во-первыхъ, отводъ земель изъ сосѣднихъ незаселенныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей; во-вторыхъ, пособіе со стороны казны на покупку земли крестьянами

по добровольному соглашенію съ частными владѣльцами, и наконецъ въ-третьихъ, добровольное переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ казны.

Первая изъ этихъ мѣръ—прирѣзка недостающей до полнаго надѣла земли изъ сосѣднихъ незанятыхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей—не только была бы полезна для крестьянъ, но и для самой казны. Это былъ бы самый простой и самый выгодный въ финансовомъ отношеніи способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ имуществъ этого рода. Отдача государственныхъ земель въ содержаніе или оброкъ иногда за крайне низкія цѣны, съ отводомъ ихъ крестьянамъ, замѣнилась бы гораздо болѣе прибыльнымъ для казны взиманіемъ хотя бы умѣреннаго поземельнаго оброка, не говоря о косвенныхъ выгодахъ, какія казна и народное хозяйство извлекали бы изъ обращенія необитаемыхъ пространствъ въ населенныя. вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратилась бы необходимость въ управленіи розданными землями, центральномъ и мѣстномъ, что въ свою очередь доставило бы казнѣ значительныя сбереженія. Но у насъ выгоды и невыгоды операций съ казенными имуществами перѣдко опредѣляются только по непосредственной цифрѣ доставляемыхъ ими доходовъ, и не обращается вниманія на расходы, необходимыя для ихъ извлеченія; между тѣмъ, зачастую расходъ или равенъ доходу, или превышаетъ его, и вся операція, кажущаяся выгодной, на самомъ дѣлѣ или не приноситъ ничего, или одни убытки.

Гдѣ отводомъ дополнительныхъ надѣловъ нельзя пособить малоземелью крестьянъ, по недостатку казенныхъ земель и оброчныхъ статей, тамъ государство можетъ помочь крестьянамъ своимъ посредничествомъ при покупкѣ ими земель, по добровольнымъ сдѣлкамъ, отъ частныхъ землевладѣльцевъ. Согласно съ тѣмъ, что сказано выше, эта мѣра можетъ относиться только къ тому пространству земли, которое будетъ прикупаться въ дополненіе къ существующимъ надѣламъ до высшаго ихъ размѣра, и притомъ не въ личную и частную собственность крестьянъ, а въ общую собственность селеній. При такихъ условіяхъ, участіе государства въ покупкѣ земель крестьянами будетъ поставлено въ точныя границы, въ которыхъ оно только и возможно, и не

расплывется въ общую, неопредѣленную помощь всѣмъ вообще крестьянамъ, желающимъ купить себѣ земли, — помощь невозможную, превышающую средства государства, и вдобавокъ, по нашему убѣжденію, ненужную. Государство можетъ и должно только помочь нуждѣ крестьянъ, а вовсе не призвано распространять крестьянское землевладѣніе вообще.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на томъ, какимъ именно образомъ государство можетъ оказать пособіе по прикупкѣ крестьянами частныхъ земель въ дополненіе къ своимъ надѣламъ, такъ-какъ этотъ предметъ требуетъ особыхъ финансовыхъ, юридическихъ и техническихъ соображеній. Готовый образчикъ есть въ правилахъ выкупной операціи, которая полезно было бы упростить. Быть можетъ, окажется также возможнымъ нѣсколько удешевить кредитъ, открываемый государствомъ крестьянамъ.

Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оба указанные способа пополненія крестьянскаго зем. владѣнія до нормы окажутся невозможными, придется прибѣгнуть къ послѣднему, именно къ добровольному переселенію крестьянъ на свободныя государственныя земли, съ пособіемъ отъ казны.

Одной изъ самыхъ прискорбныхъ и крупныхъ ошибокъ управленія государственными имуществами, со времени оставленія его графомъ Киселевымъ, было безспорно то, что организація правильныхъ переселеній малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ правительства была отменена. Плодомъ заботъ графа Киселева былъ цѣлый кодексъ хорошо обдуманыхъ правилъ по этой важной отрасли государственнаго управленія, — кодексъ, который теперь вычеркнуть изъ свода законовъ. Не будь сдѣлано этой капиталной ошибки, взгляни управленіе государственныхъ имуществъ на дѣло не съ узко фискальной и буржуазной, а съ русской государственной точки зрѣнія, продолжай оно дѣло, организованное талантливымъ и прозорливымъ министромъ, — и государство, и народное хозяйство, и финансы, были бы въ выигрышѣ, и мы бы не были теперь озабочены вопросомъ о малоземельи крестьянъ, не было бы неудовольствій между крестьянами и владѣльцами и никакого помину о нелѣпыхъ слухахъ въ народѣ. У насъ въ Россіи переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государствен-

ныя земли представляеть, благодаря обширности пустыхъ пространствъ, ни съ чѣмъ несравнимое преимущество передъ всѣми европейскими государствами; но въ несчастію, пользоваться имъ мы не хотимъ или не умѣемъ. Переселеніе изъ густо населенныхъ мѣстностей въ ненаселенныя, или мало населенныя губерніи и области даетъ государству возможность обратить пустыни, особливо на окраинахъ, въ обитаемыя страны и тѣмъ окончательно и безповоротно сплотить ихъ съ государствомъ узамъ однороднаго населенія, которыя приращиваютъ области крѣпче и прочнѣе всякой географической границы и международныхъ трактатовъ. Кромѣ того, новыя поселенія, какъ мы уже замѣтили выше, лучший способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ земель, такъ-какъ никакія оброчныя статьи не дадутъ и не сберегутъ государству столько, сколько населенный край. Наконецъ, переселеніе, освобождая переполненную жителями мѣстность отъ избытка населенія и тѣмъ снимая съ нея тяжкое бремя нуждающихся и бесполезныхъ людей и давая имъ полезное назначеніе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, отерываетъ остающимся возможность расположиться просторнѣе и тѣмъ избавляетъ ихъ отъ вымучиваемыхъ нуждою отхожихъ промысловъ, которые, въ концѣ-концовъ, далеко не окупаютъ приносимой ими земледѣльческому населенію пользы. Эти соображенія величайшей государственной, финансовой и экономической важности заставляютъ желать скорѣйшаго восстановленія системы правильныхъ, организованныхъ переселеній крестьянъ и примѣненій ея въ возможно широкихъ размѣрахъ, конечно, съ тѣми измѣненіями правилъ, дѣйствовавшихъ при графѣ Киселевѣ, которыхъ требуютъ измѣнившіяся обстоятельства.

Признавая одною изъ настоятельнѣйшихъ потребностей настоящаго времени снова, и по возможности скорѣе, возвратиться къ этой мѣрѣ, мы, однако, считаемъ необходимымъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, оговорить, во-1-хъ, что выселеніе малоземельныхъ крестьянъ на новыя мѣста можетъ быть производимо не иначе, какъ по ихъ доброй волѣ и собственному усмотрѣнію; и во-2-хъ, что право на полученіе со стороны казны пособій на переселеніе должно быть предоставлено только тѣмъ изъ крестьянъ, выдворяющихся на новыя мѣста, которыхъ

переселеніе необходимо для надѣленія землею остающихся въ размѣрѣ не болѣе высшаго или нормальнаго надѣла. Въ этихъ видахъ необходимо было бы установить строгое различіе между *поощреніемъ* въ переселенію и *облегченіемъ* возможности переселиться.

Поощреніе состояло бы въ выдачѣ отъ казны пособій и дарованіи различныхъ льготъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Поощряемы въ переселенію должны быть малоземельные крестьяне только въ томъ случаѣ, когда инымъ способомъ нельзя доставить имъ нормальнаго земельного надѣла. Но затѣмъ, всѣмъ прочимъ крестьянамъ и лицамъ другихъ званій должна быть предоставлена только возможность селиться на свободныхъ государственныхъ земляхъ и облегчены способы поселенія на собственные средства безъ пособій и льготъ отъ казны. Такое различіе сразу поставило бы вопросъ о переселеніяхъ на практическую почву и дало бы возможность съ точностью опредѣлить размѣръ издержекъ, потребныхъ со стороны казны на это важное государственное дѣло. Каждый понимаетъ, что государство можетъ быть обременяемо расходами только на неотложныя потребности. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда настоятельной нужды въ переселеніи нѣтъ, казнѣ не для чего на него тратиться: оно должно быть предоставлено тѣмъ, кто находитъ въ томъ свои выгоды и имѣетъ достаточныя средства для покрытія необходимыхъ на то расходовъ. По отношенію къ такимъ выселеніямъ государство должно лишь устранять препятствія, такъ-какъ въ его интересы не можетъ входить останавливать естественный отливъ населенія на свободныя земли. Такое облегченіе тѣмъ необходимо, что какъ бы ни были тщательны изслѣдованія о малоземельныхъ селеніяхъ, въ свѣдѣнія по этому предмету неизбежно вкрадутся ошибки; онѣ и будутъ исправлены на фактѣ облегченіемъ переселеній. Мало того: имъ исправятся, по крайней мѣрѣ отчасти, ошибки и неправильности по опредѣленію размѣра земельныхъ надѣловъ, допущенныя въ самомъ началѣ созданія свободныхъ крестьянъ и отвода имъ земель, и откроется крестьянамъ возможность разселиться какъ имъ удобнѣе.

Какъ бы, впрочемъ, переселеніе крестьянъ ни совершалось, съ пособіемъ или безъ пособій со стороны казны, оно, во вся-

комъ случаѣ, должно быть правильно организовано, а не предоставлено, какъ теперь, судьбѣ и всякаго рода случайностямъ.

Во-первыхъ, необходимо обдумать и опредѣлить мѣстности, которыя всего необходимѣе и желательнѣе заселить и куда, вслѣдствіе того, въ интересахъ государства должно быть направлено переселеніе. Вопросъ этотъ долженъ быть обсужденъ и рѣшенъ въ общихъ видахъ, какъ общій государственный, а не по министерствамъ и вѣдомствамъ, между которыми теперь подѣлены свободныя государственныя земли.

Во-вторыхъ, въ краяхъ и странахъ, куда рѣшено будетъ направить переселеніе, слѣдуетъ выбрать и указать, для колонизаціи, мѣста, дѣйствительно удобныя для поселенія и хлѣбопашества, тогда какъ теперь для переселенія иногда отводятся земли, вовсе не годныя, безводныя степи, въ которыхъ и колодцы рыть крестьянамъ не подъ силу, или и совсѣмъ нельзя добыть воды. До сихъ поръ лучшія земли отводились или даромъ, или за ничтожную плату частнымъ лицамъ и служащимъ, а подъ поселенія—худшія, тогда какъ въ интересахъ государства и въ видахъ общей пользы должно быть поступлено какъ разъ наоборотъ.

Въ-третьихъ, какъ на мѣстахъ, куда будетъ направлена колонизація, такъ и въ мѣстностяхъ откуда ожидаются переселенцы, должны быть устроены пункты, гдѣ послѣдніе могли бы получить всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія, нѣчто въ родѣ справочныхъ конторъ, которыя относились бы къ запросамъ крестьянъ и ихъ «ходаковъ» съ участіемъ, внимательно, а не по примѣру «кувшинныхъ рылъ» и разнаго рода административныхъ «дантистовъ».

Въ-четвертыхъ, самое движеніе переселенческихъ партій, ихъ отправленіе, слѣдованіе по пути, до прибытія въ тотъ край, гдѣ они должны поселиться, слѣдуетъ правительству организовать возможно удобнымъ для переселенцевъ, образомъ, въ видахъ сбереженія времени, путевыхъ издержекъ, устраненія задержекъ и препятствій на пути. Для сопровожденія переселенческихъ партій должны быть назначаемы лучшіе люди, благорасположенные къ крестьянскому люду, внимательные къ его нуждамъ, исполнѣе добросовѣстные, опытные въ русскихъ житейскихъ дѣлахъ и знающіе

хорошо народныя привычки. Только такіе люди могутъ быть дѣйствительно полезны переселенцамъ въ пути, оказать имъ защиту и помощь въ разныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ и довести ихъ бережно и благополучно до мѣста назначенія.

Въ-пятыхъ, точно такіе же люди необходимы для принятія переселенческихъ партій на мѣстахъ, для отвода имъ мѣстъ поселенія, для сообщенія всѣхъ необходимыхъ въ новомъ мѣстѣ жительства свѣдѣній, для оказанія имъ на первыхъ порахъ, пока они еще не устроились и не обзавелись своимъ хозяйствомъ, необходимой защиты и помощи.

Въ-шестыхъ, время для переселенія должно быть выбрано съ такимъ расчетомъ, чтобъ оставляющіе свою родину успѣли покончить безъ стѣсненія свои дѣла въ старой родинѣ, а прибывъ на новое мѣсто, могли прямо приняться за устройство своихъ жилищъ и хозяйства и, такимъ образомъ, сразу, безъ потери времени, вступить въ условія новаго существованія

Въ-седьмыхъ, безчисленныя канцелярскія и другія формальности, которыми теперь крестьянинъ, желающій переселиться, опутанъ съ ногъ до головы, и исполненіе которыхъ если не невозможно, то крайне для него разорительно и требуетъ многихъ мѣсяцевъ, а иногда и цѣлыхъ годовъ, должны быть или вовсе отмѣнены, или существенно облегчены и упрощены.

Въ-восьмыхъ, перечисленныя выше мѣры должны быть приняты относительно всѣхъ переселяющихся, какихъ бы то ни было званій, большими и малыми партіями; но поощряемымъ къ переселенію должны быть, сверхъ того, выданы необходимыя пособія на путевыя издержки и на первоначальное обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ. Помощь эта можетъ быть оказана и деньгами, и натурою, какъ-то хлѣбомъ, строительнымъ матеріаломъ и т. п., и, наконецъ, льготами отъ податей и повинностей. Смотри по разстоянію мѣста водворенія отъ мѣста теперешняго жительства и другимъ обстоятельствамъ и условіямъ того края, куда направляется переселеніе, и помощь должна быть оказываема различнаго рода, почему ее и нельзя опредѣлить постоянными, точными, общими цифрами. Очень желательно, чтобы она была достаточна, т. е. давала переселенцамъ возможность дойти до мѣста, водвориться и обзавестись хозяйствомъ, не пуждаясь въ

самомъ необходимомъ; и то только при такомъ условіи сразу же создается прочный благоустроенный бытъ переселенцевъ, а это выгодно отзовется на промышленности и торговлѣ, слѣдовательно, черезъ нихъ, и на возвышеніи доходовъ казны. Чрезмѣрная и неблагоприятная экономія въ этомъ случаѣ неминуемо отразится въ бѣдности переселенныхъ крестьянъ, и на поднятіе ихъ быта впоследствии потребуются гораздо больше затратъ чѣмъ, сколько неразсчитливо сбережено въ началѣ. Словомъ, надо избѣгать, чтобы дешевое не вышло на дорогое, какъ это у насъ слишкомъ часто случается и въ государственномъ, и въ частномъ хозяйствѣ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ о малоземельѣ крестьянъ, который, Богъ знаетъ почему, считается у насъ неудобнымъ, щекотливымъ и даже опаснымъ. Одно горестное непониманіе дѣла причиною, что около этого вопроса скопились преудивительныя и престранныя недоразумѣнія, и что онъ разсматривается и толкуется вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ его ставить сама жизнь. Пока мы между собою споримъ, взводя другъ на друга, по поводу этого вопроса, самыя вздорныя и нелѣпыя обвиненія и клеветы, зло растетъ и можетъ, наконецъ, вырасти въ нѣчто дѣйствительно опасное, но вовсе не потому, что оно обсуждается, а единственно оттого, что для его ослабленія ничего не дѣлается. Пора перестать надѣяться, что отъ дѣйствительнаго факта можно отмолчаться. Одни дѣти да страусы увѣрены, что нѣтъ опасности, которой они не видятъ. Вопросъ о крестьянскомъ малоземельи не имѣетъ ничего общаго съ социалистическими и коммунистическими теоріями и можетъ быть разрѣшенъ, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ-либо правъ и законныхъ интересовъ, законодательными и административными мѣрами, плесзными не только непосредственно для крестьянъ, но и для общества, и государства.

Доставить земледѣльцамъ поземельные надѣлы достаточныхъ размѣровъ и годные для обработки есть лишь начало дѣла, — первый шагъ, необходимая предпосылка по устройству ихъ быта. Вторая мѣра, столько же необходимая, безъ которой первая не принесетъ ожидаемой пользы, есть правильное устройство крестьянскаго владѣнія. Каждому, кто видалъ крестьянскій бытъ

вблизи, не раз случалось наблюдать, что даже полные надѣлы и хорошаго качества отведены крестьянамъ такъ неудобно и не выгодно, что пользованіе ими почти невозможно или же сопряжено съ крайними затрудненіями. Во многихъ случаяхъ, устройство землевладѣнія ставитъ ихъ въ полную, чрезвычайно тягостную и разорительную зависимость отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, большею частью отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Намъ лично извѣстны случаи отвода части пашенной земли крестьянамъ, при увольненіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, за пятнадцать верстъ отъ селенія; гораздо чаще, почти вездѣ, допущена вредная черезполосность крестьянскихъ надѣловъ съ землями ихъ бывшихъ владѣльцевъ; нерѣдко надѣлы отведены такимъ образомъ, что господская земля подходит къ самому селенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ самое тяжкое. Ни оберегать, ни обрабатывать пашни, находящейся въ далекомъ разстояніи отъ селенія, крестьяне внутреннихъ губерній не могутъ, и вынуждены отдавать ихъ въ наемъ; а это уменьшаетъ, болѣе или менѣе, и безъ того скудные ихъ пашни. Черезполосица съ бывшими помѣщиками вынуждаетъ крестьянъ, во многихъ мѣстахъ, нанимать или арендовать у владѣльцевъ промежуточные ихъ земли на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, только изъ того, чтобъ получить возможность спокойно пользоваться своею землею; а близкое сосѣдство господскихъ земель къ селеніямъ служитъ безконечнымъ источникомъ безпрестанныхъ неудовольствій, ссоръ и взаимныхъ претензій. Курица перескочила изъ деревни на землю помѣщика, овца, жеребенокъ, свинья забрели туда, — что при близкомъ сосѣдствѣ, небрежности крестьянъ и невозможности сторожить неизбежно и случается безпрестанно, — и начинается высканіе произвольныхъ штрафовъ, тягостныхъ для крестьянъ; отношенія обостряются, переходятъ во взаимное надоброжелательство и вражду, которыя разрѣшаются нерѣдко «краснымъ пѣтухомъ», пущеннымъ въ хлѣбникъ, сѣнной сарай, домъ или другія строенія помѣщика. Прогонъ скота и лошадей черезъ помѣщичьи черезполосныя земли точно также служитъ источникомъ безконечныхъ взаимныхъ претензій, судбищъ, и въ послѣднемъ результатѣ крайне стѣсняетъ и разоряетъ крестьянъ.

Такія послѣдствія отвода крестьянскихъ надѣловъ безъ вся-

каго вниманія къ нуждамъ и пользамъ сельчанъ, хорошо извѣстны всѣмъ, кто знакомъ съ деревенскими дѣлами и порядками. У насъ теперь идутъ большіе толки о дурномъ состояніи земледѣлія у крестьянъ, о необходимости ввести въ ихъ полевое хозяйство травосѣяніе многопольную систему, объ умноженіи у нихъ скота и т. п., но о томъ, что ни то, ни другое, ни третье немислимо при черезполосницѣ крестьянскихъ земель съ помѣщичьими, при разбросанности надѣловъ въ разныхъ, иногда отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, при стѣснительномъ для крестьянъ очертаніи ихъ земли, — объ этомъ мало кто думаетъ. Прежде, чѣмъ говорить объ улучшеніяхъ крестьянскаго полеводства, надо сдѣлать ихъ возможными и выполнимыми, а первое условіе ихъ возможности есть сосредоточеніе крестьянскихъ пашень около селеній и прекращеніе черезполосицы. Надо, чтобы всѣ крестьянскія пашни находились въ одной междѣ, непосредственно у селеній, и чтобы къ послѣднимъ не примыкали въ упоръ господскія земли. Въмѣсто того, чтобы этому всячески способствовать, чтобы поставить округленіе крестьянскихъ пашенныхъ земель во главу угла благоустройства селеній, законъ не указываетъ къ тому никакихъ способовъ, кромѣ добровольнаго соглашенія, которое во многихъ случаяхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ состояться. Рѣдкій помѣщикъ захочетъ добровольно поступиться выгодами, которыя ему доставляетъ черезполосица и разбросанность крестьянскихъ земель. Мало того: Положенія 19-го февраля — совершенно непонятно, почему — лишили крестьянъ права требовать не только болѣе правильнаго и удобнаго отвода надѣловъ, но даже уничтоженія черезполосицы съ бывшими своими помѣщиками. Такимъ образомъ, по недосмотру въ законѣ и по ошибкѣ, допущенной въ Положеніяхъ 19-го февраля, теперешній порядокъ владѣнія надѣльной пашней, стѣснительный и разорительный для крестьянъ, ставящій ихъ въ тягостную хозяйственную зависимость отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ и не допускающій никакихъ улучшеній крестьянскаго полевого хозяйства, грозитъ удержаться, вопреки желанію и волѣ крестьянъ, навсегда. Этимъ увѣковѣчивается источникъ серьезнаго разлада между мелкими землевладѣльцами съ одной стороны, средними и крупными съ другой — разлада, который же-

лательно было бы всячески и скорѣе ослабить и похоронить, а не раздувать до ожесточенія и ненависти.

Какъ ни незначителенъ можетъ показаться съ перваго взгляда недостатокъ правильнаго устройства и округленности крестьянскихъ пашень, но мы по опытамъ, которые имѣли передъ глазами, убѣждены, что онъ, для упроченія крестьянскаго быта и благосостоянія, имѣетъ такое же, если даже не большее, значеніе, чѣмъ увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ. Причина та, что отъ недостатка надѣловъ страдаетъ лишь часть, и притомъ сравнительно небольшая, крестьянскихъ обществъ, тогда какъ неустройство крестьянскаго землевладѣнія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ есть зло крайне распространенное, почти повсемѣстное, которое особенно губительно отзывается на ихъ хозяйственномъ бытѣ и служитъ главною причиною ихъ недружелюбныхъ отношеній къ владѣльцамъ. Вотъ причина, почему мы считаемъ правильное устройство крестьянскаго землевладѣнія дѣломъ величайшей общественной и государственной важности. Необходимо съ нимъ покончить и притомъ не откладывая въ долгій ящикъ. Отведеніе крестьянскихъ владѣній къ однимъ мѣстамъ, около селеній, съ уничтоженіемъ черезполосицы, должно быть поставлено правительствомъ какъ принципъ государственнаго благоустройства и выражено въ видѣ обязательнаго требованія, которое слѣдуетъ и привести въ исполненіе въ опредѣленные, не слишкомъ продолжительные сроки. Сначала необходимо назначить срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній, послѣ чего устройство крестьянскаго землевладѣнія, по требованію самихъ крестьянъ или помѣщиковъ, должно быть сдѣлано правительствомъ, по примѣру того, какъ оно поступало при составленіи уставныхъ грамотъ, при прекращеніи черезполосицы въ частныхъ владѣніяхъ, или, какъ опредѣляетъ законъ, при раздѣлѣ наслѣдства, или выдѣлѣ изъ общаго владѣнія, когда они не могутъ состояться по добровольному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ. Важное съ государственной точки зрѣнія устройство крестьянскаго землевладѣнія, сложное и мелочное въ исполненіи, не только должно быть зрѣло обдуманно въ цѣломъ и частяхъ, но необходимо заранѣе подготовить и обезпечить его скорое, добросовѣстное и умѣлое осуществленіе. Надо заранѣе подготовить личный составъ,

административный и межевой, который могъ бы привести дѣло къ желанному концу въ возможно короткое время; надо также значительно сократить и упростить излишнія и ненужныя формальности, издержки и проволочки, которыя теперь дѣлають размежеваніе равнозначительнымъ дѣлому бѣдствію и разоренію. У насъ обыкновенно надѣются обезпечить правильное примѣненіе закона множествомъ контролирующаихъ инстанцій и сложными, мелочными формальностями; но этимъ цѣль не достигается, а создается новое зло, которое почти всегда хуже и тягостнѣе того, которое имѣлось въ виду отвратить. Правильнѣе было бы подрѣзывать зло въ самомъ корнѣ—хорошимъ выборомъ людей. Рано или поздно мы должны будемъ къ этому придти; а въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, осторожный и умѣлый выборъ людей будетъ имѣть огромное, рѣшающее значеніе и для настоящаго, и для отдаленнаго будущаго.

III.

Съ дополненіемъ, гдѣ нужно, надѣловъ земледѣльцевъ и правильнымъ устройствомъ ихъ землевладѣнія должно идти рука объ руку болѣе точное и обдуманное опредѣленіе правъ земледѣльцевъ на отведенные имъ надѣлы. Въ основныхъ законоположеніяхъ, создавшихъ въ минувшее царствованіе классъ свободныхъ земледѣльцевъ въ Россіи, допущены были по этому предмету крупныя ошибки, а послѣдующее развитіе крестьянскаго дѣла, вмѣсто того, чтобъ ихъ исправить, только усугубило ихъ, подъ вліяніемъ одностороннихъ воззрѣній, свидѣтельствующихъ о непониманіи задачи и незнаніи быта нашего земледѣльческаго населенія.

Огромное большинство великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ крѣпко держится до сихъ поръ за общинное землевладѣніе. Несмотря на то, что объ этой формѣ пользованія землею написано уже много, и она еще недавно была предметомъ горячей полемики, продолжающейся отчасти и теперь, мы все еще

недовольно ее знаемъ и понимаемъ. Причина заключается въ тѣхъ же глубокихъ недоразумѣнiяхъ, которыми окружены всѣ важнѣйшіе русскіе вопросы. Недоразумѣнiя эти до того переплетены съ разнаго рода задними мыслями и заподозриванiями, обратившимися у насъ въ хроническую болѣзнь, что отчаяваешься въ самой возможности когда-нибудь изъ нихъ выпутаться.

Глубокіе знатоки быта великорусскихъ и малороссійскихъ крестьянъ пришли къ такому заключенію: малороссiяне больше дорожили личной свободой, великоруссы—землей; оттого у первыхъ развилась личная поземельная собственность, у вторыхъ она не существуетъ и замѣняется общиннымъ землевладѣнiемъ. Послѣдствiемъ было то, что въ Малороссiи есть безземельные крестьяне, и число ихъ растетъ; а у великоруссовъ безземелье, при общинномъ владѣнiи, является рѣдкимъ исключенiемъ.

Такъ дѣйствительно и было до отмѣны крѣпостного права.

Съ освобожденiемъ земледѣльческаго населенiя отъ крѣпостной зависимости и административной опеки, естественно возникъ вопросъ: какая же форма землевладѣнiя желательнѣе для упроченiя и улучшенiя быта земледѣльцевъ?

Огромное большинство нашихъ образованныхъ и мыслящихъ людей ставило и рѣшало этотъ вопросъ такъ, какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ Европѣ. По этому взгляду, общинное землевладѣнiе есть непреодолимая преграда для развитiя гражданской и экономической свободы, для успѣховъ земледѣльской производительности и правильнаго сельскаго хозяйства, наконецъ, для установленiя правомѣрныхъ отношенiй между людьми. Общинное землевладѣнiе,—говорятъ поборники этого взгляда,—вездѣ существовало во времена варварства и вездѣ, съ успѣхами гражданственности, замѣнено лично поземельною собственностью. Стало быть, тѣмъ же путемъ должны идти и мы.

Подъ влiянiемъ такихъ воззрѣнiй составлены Положенiя 19 февраля. Уступки сдѣланы въ пользу существующихъ у великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ понатiй и привычекъ, которыхъ законъ не хотѣлъ измѣнять насильственно. Но въ Положенiяхъ 19 февраля всюду просвѣчиваетъ убѣжденiе, что съ успѣхами гражданственности сами крестьяне захотятъ отказаться отъ

общиннаго землевладѣнія, и законъ указываетъ имъ разные способы къ выходу изъ этого порядка пользованія землею.

Однако, никто еще не опровергалъ и не могъ опровергнуть наблюденія, что начало личной поземельной собственности дѣйствуетъ на мелкое землевладѣніе разрушительнымъ образомъ. Право личной собственности обращаетъ землю въ предметъ купли и продажи, въ товаръ, который, подъ вліяніемъ неравной конкуренціи между богатыми и бѣдными, мало-по-малу переходитъ въ руки первыхъ, сосредоточивается въ нихъ и рано или поздно отдаетъ въ ихъ власть обезземеленныя и обездоленныя массы, которыя, вслѣдствіе того, обращаются въ батраковъ и пролетаріевъ. Что это не одно предположеніе, а дѣйствительный фактъ, подтверждается безчисленными наблюденіями не только въ Малороссіи, но и въ Западной Европѣ. Въ странахъ съ высшей культурой значительная часть населенія притягивается фабричною и торговою дѣятельностью; этиѣмъ отчасти парализуются, отчасти скрадываются отъ глазъ вредныя послѣдствія обезземеленія; но тамъ, гдѣ промышленность и торговля мало развиты и требуютъ немного рукъ, гдѣ большинство населенія кормится отъ земли, тамъ разстройство мелкаго поземельнаго владѣнія губельно отзывается на благосостояніи и бытѣ народныхъ массъ.

Эти различныя наблюденія и выводы изъ своихъ и чужихъ опытовъ послужили основаніемъ для различныхъ воззрѣній на устройство нашего крестьянскаго землевладѣнія.

Тѣ, которые видятъ въ землевладѣніи залогъ прочнаго обезпеченія и будущаго благосостоянія крестьянъ, стоятъ горой за общинное землевладѣніе и хотѣли бы замѣнить имъ между крестьянами личную поземельную собственность даже тамъ, гдѣ послѣдняя успѣла уже прочно укорениться. Люди культурныхъ стремленій вообще, безъ опредѣленной программы, желали бы отбѣны общиннаго землевладѣнія, какъ существенной помѣхи индивидуальному развитію и успѣхамъ сельской промышленности. Наконецъ тѣ, которые видятъ залогъ благоустройства государства въ сильной поземельной аристократіи, или въ богатой буржуазіи, представительницѣ промышленности, торговли и капитала, и подавно желали бы скорѣе отдѣлаться отъ общиннаго

землевладѣнія, которое, правда, доставляетъ жалкое прозябаніе народнымъ массамъ, но за то не даетъ сложиться и устроиться тѣмъ высшимъ слоямъ общества, безъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, немислимо развитіе и процвѣтаніе государства.

Каждое изъ этихъ воззрѣній отстаиваетъ свою болѣе или менѣе ясно сознаваемую программу всѣми способами, не оставиваясь ни передъ какими. Послушать однихъ, защитники общиннаго владѣнія—ярые демократы, социалисты и коммунисты, или поборники варварства и азіятскаго строя жизни, враги культуры и прогресса; въ устахъ другихъ, противники общиннаго землевладѣнія—крѣпостники, олигархи, люди, приносящіе народныя массы въ жертву себялюбивой аристократіи и бездушному золотому мѣшку, или же пустоголовые болтуны, отказавшіеся отъ своей народности, поющіе съ чужого голоса, раболѣпные прислужники западно-европейской цивилизаціи.

Кто правъ, и на чемъ остановиться посреди этихъ разнообразныхъ мнѣній, недоразумѣній и инкриминацій? Вотъ вопросъ который, прежде всего, предстоитъ разрѣшить.

Если, какъ доказываютъ факты, общинное владѣніе есть наилучшее, вандѣйствительнѣйшее средство противъ обезземеленія народныхъ массъ и сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, во вредъ и ущербъ большинству населенія, то общинное владѣніе необходимо не только сохранить, но поддержать и утвердить закономъ. Особливо это необходимо у насъ, при маломъ развитіи перерабатывающей промышленности и торговли и при громадномъ преобладаніи земледѣльческаго населенія, которое, какъ мы старались показать въ первой статьѣ, составляетъ характеристическую особенность русскаго государства.

Но если общинное землевладѣніе представляетъ твердый оплотъ противъ обезземеленія народныхъ массъ, то оно, въ теперешнемъ своемъ видѣ, несомнѣнно имѣетъ и весьма существенныя неудобства. Участникъ общиннаго землевладѣнія связанъ по рукамъ и погамъ; онъ не можетъ воздѣлывать своего участка, какъ бы ему хотѣлось, а долженъ волей-неволей подчиняться порядку полеводства, котораго держатся всѣ прочіе члены одного съ нимъ общества. При такихъ условіяхъ личный починъ въ

улучшенія хозяйства невозможно: надо, чтобы все сельское общество признало необходимость такого улучшенія, а это дѣлается не скоро, тѣмъ болѣе, что, при невозможности отдѣльных личныхъ попытокъ улучшить хозяйство и поставить его на другую ногу, у большинства не можетъ быть передъ глазами образцовъ, которые побудили бы его послѣдовать хорошему примѣру. Оттого это большинство, какъ мы и видимъ, упорно и насильно остается при старыхъ полевыхъ порядкахъ гораздо дольше, чѣмъ бы того требовали его собственныя, очевидныя выгоды. Мало того, при повсемѣстныхъ теперь—въ обществахъ съ общиннымъ пользованіемъ землею—болѣе или менѣе частыхъ переверсткахъ земельныхъ участковъ между хозяевами и передѣлахъ всей земли по числу душъ или работниковъ, никто изъ хозяевъ не можетъ быть увѣренъ, что его тщательно унавоженные и обработанныя пашни не останутся, нынче-завтра, другому, въ обмѣнъ на истощенныя, запущенныя и дурно обработанныя. Въ обществахъ, гдѣ ожидается передѣлъ земли, хозяева задолго перестаютъ вывозить въ поле навозъ изъ опасенія, что его трудами и затратами можетъ воспользоваться нерадивый и беспечный хозяинъ. Такіе примѣры мы имѣемъ у себя передъ глазами,—говоримъ на основаніи фактовъ. Очевидно, что подобныя условія крайне неблагоприятны для сельскаго хозяйства и положительно мѣшаютъ его развитію.

Поборники общиннаго владѣнія возражаютъ противъ этого, что оно, однако, уживается даже съ высшими видами сельскохозяйственной культуры, и въ доказательство указываютъ на мѣстности, гдѣ крестьяне разводять изстари въ полевомъ надѣлѣ аптекарскія растенія, огородныя овощи, даже плодовые деревья и кусты, оставаясь, однако, при общинномъ землевладѣніи. Но это возраженіе ничего не доказываетъ. Приводимые примѣры относятся къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ цѣлыя селенія занимаются названными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими такимъ образомъ постоянный общій промыселъ всѣхъ жителей селенія. А когда всѣ хозяева занимаются одной и той же полевой культурой, при помощи однихъ и тѣхъ же приѣмовъ, переверстка и передѣлъ земли, разумѣется, не могутъ имѣть дурного вліянія на промыселъ, точно также, какъ земля, дающая

обильные урожаи без удобренія и при самой первобытной обработкѣ, можетъ передѣляться и разверстываться между хозяевами безъ всякаго неудобства. Обѣ крайнія степени культуры, высшая и первобытная, въ данномъ случаѣ сходятся, но обѣ, очевидно, предполагаютъ, что всѣ, безъ исключенія, участники общиннаго владѣнія одинаково занимаются одной и той же культурой, или что, напротивъ, земля не требуетъ большихъ за собою хлопотъ. Но когда она требуетъ тщательнаго удобренія и обработки, и хозяева захотятъ вести полеводство каждый по своему или заниматься на своихъ участкахъ разными отраслями сельскаго хозяйства, тогда теперешнее общинное пользованіе, очевидно, дѣлается помѣхой и задержкой для успѣховъ земледѣлія и для частнаго индивидуальнаго почина, направленнаго къ усовершенствованію существующихъ способовъ культуры и введенію улучшенныхъ.

И такъ, или обезпеченіе земледѣльческихъ массъ отъ обезземеленія, но съ пожертвованіемъ индивидуальной самостоятельности и усовершенствованіемъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, или развитіе индивидуальнаго почина между крестьянами, извлеченіе изъ земли возможно большаго дохода при помощи улучшенной культуры, но со введеніемъ между крестьянами личной поземельной собственности и отчужденія общиннаго землевладѣнія, а слѣдовательно прочной и надежной гарантіи противъ обезземеленія — вотъ въ какомъ видѣ ставится теперь вопросъ. Никакой середины, по общему убѣжденію, нѣтъ и быть не можетъ.

Дѣйствительно ли это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ общинное землевладѣніе и улучшенная культура исключаютъ другъ друга?

Мы думаемъ, что въ дѣйствительности никакого противурѣчія между успѣхами земледѣлія и обезпеченіемъ землею народныхъ массъ нѣтъ, что оно существуетъ только въ нашемъ воображеніи, возникло изъ совершенно ошибочной постановки вопроса, вслѣдствіе того только, что мы ложно понимаемъ общинное землевладѣніе. Всѣ почему-то увѣрены, что оно опредѣляетъ права крестьянъ на землю; а между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что оно возможно на земляхъ, занимаемыхъ сельскими обществами на совершенно различныхъ правахъ — на собственной и на чужой землѣ, арендуемой или отведенной въ надѣлъ крестьянамъ во владѣніе и

въ пользованіе изъ земель частныхъ и государственныхъ. Стало бытъ, общинное землевладѣніе устанавливаетъ не права на землю, а только извѣстный способъ владѣнія и пользованія ею, и при томъ не вообще, а только между тѣми, кто ею владѣть сообща. Что только способъ владѣнія и пользованія землею, обычный между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами, который мы называемъ общиннымъ, составляетъ существенное препятствіе для успѣховъ земледѣлія,—въ этомъ очень легко убѣдиться изъ слѣдующаго. Представимъ себѣ, что земля, состоящая въ общинномъ владѣніи крестьянъ, обратилась въ ихъ личную собственность, и за каждымъ изъ хозяевъ закрѣпленъ тотъ надѣлъ, которымъ онъ теперь владѣть и пользуется на общинномъ правѣ: станутъ ли отъ того для крестьянъ сельско-хозяйственныя условія лучше? Ни мало: земельный надѣлъ, раздробленный на мелкія полоски во всѣхъ трехъ поляхъ и клинахъ, на которые раздѣлены поля, одинаково неудобенъ для сельско хозяйственныхъ улучшеній, на какомъ бы правѣ крестьянинъ имъ ни владѣлъ. Чтобы сельско-хозяйственныя улучшенія были возможны, нужно уничтожить чрезполосицу, по крайней мѣрѣ, раздробленность пашни на чрезмѣрно малые участки, отмѣнить или хотя бы сдѣлать крайне рѣдкими переверстки надѣловъ и передѣлы пашни по душамъ. Слѣдовательно, условіямъ улучшеннаго земледѣлія противурѣчить общеупотребительный теперь между крестьянами способъ распредѣленія земли, въ особенности пашенной; но этотъ способъ можетъ измѣниться и при общинномъ землевладѣніи, чему мы и выдѣли нѣкоторые примѣры. Такъ, въ различныхъ мѣстностяхъ сами сельскія общества, мірскими приговорами, постановляютъ производить предѣлы пашни въ промежутки времени не ближе пятнадцати лѣтъ. Знаемъ также, что между крестьянами нѣкоторыхъ селеній уже придуманы разныя мѣры для устраненія, при передѣлахъ пашенъ, несправедливаго обмѣна тощей и дурно обработанной земли на хорошо удобренную и воздѣланную. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже возникаетъ мысль о крайнемъ неудобствѣ раздѣленія пашни на мелкія полоски и о необходимости разбить ее на болѣе крупныя загоны. Отсюда видно, что общинное владѣніе допускаетъ различные способы пользованія землею и не связано, какъ многіе думаютъ, съ

тѣми, которые теперь господствуютъ между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами. Поэтому, не общинное землевладѣніе, а крайне низкій уровень сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и понятій препятствуетъ у крестьянъ успѣхамъ земледѣлія. Настаивающіе на отбѣнѣ общиннаго землевладѣнія, какъ главной помѣхи усовершенствованіямъ сельскаго хозяйства въ народныхъ массахъ и указывающіе на водвореніе права личной поземельной крестьянской собственности, какъ на существеннѣйшее условіе для поднятія у насъ земледѣльческой культуры, обнаруживаютъ этимъ незнаніе и непониманіе дѣла, о которомъ судятъ такъ рѣшительно. Все зависитъ, повторяемъ, не отъ правъ на землю, а отъ способовъ пользованія ею. Можно и при общинномъ землевладѣніи создать самыя благопріятныя условія для успѣховъ сельскаго хозяйства; точно также, и при полномъ господствѣ личной поземельной собственности, можетъ существовать такой распорядокъ владѣнія и пользованія землею, при которомъ немислима правильная и успѣшная эксплуатація земли. Если, какъ мы видѣли, общинное землевладѣніе не опредѣляетъ вовсе правъ на землю, а только способъ ея распредѣленія между соучастниками, то по какой, спрашивается, логикѣ, право личной поземельной собственности можетъ устранить неудобства общиннаго владѣнія? Логикѣ во всемъ этомъ нечего и искать. Весь споръ между поборниками и противниками теперешнихъ сельско-хозяйственныхъ и земельныхъ порядковъ у нашихъ крестьянъ есть непрерывный рядъ поразительнѣйшихъ недоразумѣній, которыя такъ перепутались и смѣшались, что нѣтъ почти никакой возможности изъ нихъ выбраться.

Попытаемся пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, созданную нашимъ незнаніемъ, непониманіемъ, неумѣньемъ разсуждать логически и научно правильно, и современными европейскими реакціонными и прогрессивными стремленіями, какъ они отразились въ нашихъ русскихъ головахъ. Чтобъ сколько нибудь выразумѣть эту путаницу, въ высшей степени характеристическую для нашего времени, придется начать издалека, съ древнѣйшей эпохи русской исторіи.

На основаніи фактовъ, добытыхъ изслѣдованіями, развитіе общиннаго землевладѣнія представляется у насъ въ слѣдующемъ

видѣ. Первоначально свободные люди, соединенные въ общества или товарищества и артели, занимали свободныя земли, поселялись на нихъ и съ общаго согласія устанавливали способъ владѣнія и пользованія ими. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, усадьбы и пашни отводились въ особое владѣніе и пользованіе домохозяевъ, а выгоны, покосы, лѣса и рыбныя ловли находились въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общества. Выходъ изъ послѣдняго былъ свободный, посторонніе могли вступать въ него добровольно, но, конечно, лишь съ согласія всѣхъ прочихъ членовъ.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, каждый не иначе какъ добровольно подчинялся условіямъ общаго землевладѣнія и безъ согласія *каждою* изъ членовъ общества, товарищества или артели, т.-е. безъ *единогласнаго* рѣшенія, нельзя было постановлять никакой мѣры о распорядкѣ земель, обязательной для всѣхъ. Поэтому и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждою и каждою за всѣхъ была тоже добровольная. Недовольный обществомъ выходилъ изъ него. Понятно, что, при такихъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія, вопросъ о правѣ на землю не возникалъ и не могъ возникнуть. Существовало только отношеніе члена къ обществу. Всѣ они совокупно, на равныхъ правахъ, пользовались землею, на которой поселились и которою владѣли. Со вступленіемъ въ общество начиналось и отношеніе къ землѣ, съ выходомъ изъ перваго прекращалось и послѣднее. Право на землю было одною изъ принадлежностей правъ члена Общества, съ нимъ оно возникло, съ нимъ и оканчивалось. Земли же было много. Когда становилось тѣсно, часть общества отдѣлялась и основывала новыя поселенія. Оттого о передѣлахъ земли вовсе не упоминается. Въ нихъ не было надобности и ихъ не было.

Когда земли перешли постепенно въ собственность частныхъ лицъ, учреждений, вѣдомствъ и государства, когда свободные землевладѣльцы сначала были прикрѣплены къ землѣ, а потомъ и сами подпали подъ крѣпостное право, первоначальный бытъ свободныхъ поселенныхъ обществъ, а съ нимъ и условія ихъ землевладѣнія, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Свободный выходъ изъ закрѣпощенныхъ поземельныхъ обществъ и свободное въ нихъ вступленіе прекратились. Съ тѣмъ вмѣстѣ

и добровольная круговая порука членовъ общества исчезла и смѣнилась недобровольной, обязательной. Изъ подневольныхъ поселенныхъ обществъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не было свободного выхода, и потому, съ естественнымъ приростомъ населенія, нельзя было разселяться; приходилось на томъ же пространствѣ жить большому числу людей, слѣдовательно, потѣсниться, а такъ-какъ члены поселенныхъ обществъ продолжали, по старымъ понятіямъ, считаться равноправными и всѣ должны были, по тѣмъ же понятіямъ, наравнѣ нести налоги, повинности и службы — средства же для ихъ исправнаго отбыванія давала земля — то пришлось ее разверстывать и передѣлять между всѣми поровну. При первоначальномъ, природномъ плодородіи земли и соотвѣтственныхъ тому первобытныхъ способахъ земледѣлія, такія разверстки и передѣлы должны были казаться естественными и не представляли никакого неудобства.

Въ такомъ-то измѣненномъ, правильнѣе—искаженномъ, видѣ дожило общинное землевладѣніе до нашего времени. Мы его считаемъ народной святыней, воплощеніемъ русскаго народнаго гения, а оно, именно въ тѣхъ его особенностяхъ, которыми нѣкоторые больше всего дорожатъ—въ передѣлѣ и переверсткѣ земель, въ правѣ каждаго на равную ея долю и въ обязательной круговой поруцѣ—есть продуктъ прикрѣпленія къ землѣ, крѣпостного права взиманія налога и повинностей съ душъ. Положенія 19-го февраля и послѣдующія органическія законоположенія о крестьянахъ, отмѣнившія крѣпостное право и административную опеку надъ крестьянами и надѣлившія ихъ землей, не измѣнили ни въ чемъ всѣхъ прочихъ условій, созданныхъ прикрѣпленіемъ землѣ и крѣпостною зависимостью. Они только замѣнили единогласныя постановленія о хозяйственныхъ распоряженіяхъ внутри селеній постановленіемъ приговоровъ по большинству голосовъ. Съ этимъ послѣднее, запоздалое воспоминаніе о когда-то существовавшихъ у насъ свободныхъ поселенныхъ товариществахъ, или артеляхъ, окончательно исчезло. Впрочемъ, подъ влияніемъ прикрѣпленія къ землѣ и крѣпостного права, оно уже давно потеряло всякій живой, дѣйствительный смыслъ.

Изъ сказаннаго видно, что общинное землевладѣніе, въ томъ видѣ, какъ мы его теперъ знаемъ, есть уродливая помѣсь по-

рядовъ, существовавшихъ въ старинныхъ свободныхъ поземельныхъ крестьянскихъ товариществахъ, съ тѣми, какіе возникли съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ и закрѣпощеніемъ двойною крѣпостью—помѣщичьего права и подушныхъ налоговъ и повинностей; способъ же пользованія землею, господствующій нынѣ при общинномъ владѣніи, созданъ при условіяхъ первобытнаго земледѣія и поддерживается теперь низкимъ уровнемъ сельскохозяйственныхъ знаній, невѣжествомъ, бѣдностью и безпомощностью нашего сельскаго люда. Теперь изъ этого археологическаго памятника нельзя больше сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Онъ потерялъ всякій живой смыслъ и ветшаетъ съ каждымъ годомъ, служа только тормазомъ для правильнаго развитія земледѣльческаго населенія Россіи. Въ самомъ народѣ, между крестьянами, его неумолимо подтачиваетъ подъ корень усиливающаяся изо дня въ день потребность индивидуальной, личной независимости и свободы, которыя плохо уживаются съ порядками, созданными крѣпостнымъ правомъ и съ исчезнувшими обязательными условіями первобытной сельскохозяйственной культуры.

Вопросъ о замѣнѣ теперешняго общиннаго землевладѣнія другими, болѣе правильными сельскохозяйственными порядками возникъ уже давно, но онъ осложнился такими теченіями русской жизни, которыя его совершенно исказили, перенесли со-всѣмъ на другую почву и надолго отдалили правильное его рѣшеніе.

Прежде всего, отстранимъ идиллію на славянофильскія темы братства и любви, будто бы лежащихъ въ основаніи общиннаго землевладѣнія и составляющихъ характерное отличіе русскаго народа. Общинное землевладѣніе, въ теперешнемъ своемъ видѣ, есть тяжкое ярмо на шеѣ крестьянина, дѣль, которая, вмѣстѣ съ подушною податью и круговою порукою, приковываетъ его къ землѣ и лишаетъ свободы. Устранимъ также и фантазіи соціальнаго свойства, будто общинное владѣніе заключаетъ въ себѣ зародышъ права всѣхъ и cadaго на равный надѣлъ землею. Такого химерическаго права вообще нѣтъ и быть не можетъ, и всего менѣе оно доказывается теперешнимъ общиннымъ землевладѣніемъ, въ которомъ равенство земельного надѣла вытекаетъ

въ равенства налоговъ, тягостей и службъ, и подавляетъ всякую личную свободу и починъ отдѣльнаго лица. Устранимъ, наконецъ, и вздорные толки, будто наше общинное землевладѣніе есть коммунистическій институтъ—пошлость, которую пустили въ ходъ иностранцы, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о бытѣ русскаго народа, и которая такъ охотно повторялась еще недавно въ извѣстныхъ великосвѣтскихъ кружкахъ, съ заднею мыслью отмѣнить порядокъ землевладѣнія, сохраняющій землю за крестьянами, и обратить ихъ въ безземельныхъ батраковъ на манеръ великобританскихъ, причѣмъ подразумѣвалось, что роль англійскихъ лордовъ и джентри, конечно, выпадетъ на долю русскихъ помѣщиковъ. Всѣ такіе и имъ подобныя измышленія, плодъ дѣтскаго незнанія и досужей мечты, только спутываютъ понятія и мѣшаютъ прямо взглянуть на дѣйствительные факты, трезво взвѣсить и оцѣнить ихъ значеніе. Фантастическія представленія, о которыхъ мы говоримъ, не пережили крестьянской реформы, совершившейся въ шестидесятыхъ годахъ. Они испарились и исчезли, уступивъ мѣсто борьбѣ двухъ партій, которыя преслѣдовали уже не отвлеченныя, теоретическія, а вполне практическія, реальныя цѣли. Одна изъ нихъ настаивала на надѣленіи земледѣльческихъ массъ необходимымъ для безбѣднаго существованія количествомъ земли, а также на обезпеченіи и упроченіи этой земли за ними на всегдашнія времена. Другая, напротивъ, старалась провести мысль, что земля должна остаться за ея владѣльцами. Этой партіи желалось обратить крестьянъ въ арендаторовъ и фермеровъ земель этихъ владѣльцевъ, чрезъ то поставить въ большую или меньшую зависимость отъ послѣднихъ и на вытекающихъ отсюда соціальныхъ условіяхъ построить все зданіе русскаго государства.

Первой удалось провести свою мысль въ органическихъ законахъ, создавшихъ въ Россіи классъ свободныхъ землевладѣльцевъ; но ей не посчастливилось осуществить ее въ дѣйствительности. Дѣло приведенія крестьянской реформы въ исполненіе перешло въ руки противной партіи, которая употребляла всѣ усилія и прибѣгала ко всѣмъ мѣрамъ, чтобъ ослабить на практикѣ строгое, точное и послѣдовательное осуществленіе мысли о крестьянскомъ землевладѣніи. Ей, однако, тоже не удалось про-

вести своей мысли вполнѣ. За то изъ такихъ колебаній въ дѣлѣ величайшей государственной важности произошло то неопредѣленное и невыясненное положеніе, которое имѣло и до сихъ поръ имѣть самыя горестныя послѣдствія для всего внутренняго быта имперіи.

Борьба, происходившая въ законодательствѣ и администраціи, перешла и въ литературу, научную и публицистическую. Здѣсь ни одна сторона не могла открыто выступить подъ своимъ знаменемъ съ открытымъ забраломъ: желавшіе обезземеленія крестьянъ не могли высказать своего послѣдняго слова, потому что официальная правительственная программа прямо ставила принципомъ противное; для поборниковъ же этой программы созданы были самыя тяжкія цензурныя условія. Такимъ образомъ, обѣ стороны вынуждены были таить свою мысль, высказываться осторожно, больше намеками и полусловами. Такія условія не могли не затемнить, не извратить вопроса. За невозможностью его обсуждать, сосредоточить на немъ всю полемику, по необходимости, пришлось перенести споръ на другую почву и вести его иносказательно. Возникла горячая борьба обѣ общинномъ землевладѣніи, причемъ, съ обѣихъ сторонъ, подразумевалось совсѣмъ не то, о чемъ открыто шла рѣчь. По странной ироніи судьбы, къ исторической руинѣ, отжившей свой вѣкъ, приуроченъ живой и практической современный вопросъ, отъ такого или другого рѣшенія котораго зависитъ вся наша будущность, все наше дальнѣйшее соціальное развитіе. Отъ старинны, поросшей плѣсенью, мы требуемъ отвѣта на вопросы, порожденные обстоятельствами и условіями, которыхъ старинные люди не знали и не подозревали; отъ ископаемаго міра ожидаемъ доводовъ и опроверженій нашихъ теперешнихъ взглядовъ, теорій и требованій. Легко вообразить, какая изъ этого должна была произойти путаница въ головахъ.

Одни, опираясь на сельско-хозяйственныя, экономическія, юридическія и политическія доводы, желали бы водворить у насъ такое же исключительное господство начала личной поземельной собственности, какъ въ Европѣ, и на этомъ основаніи требуютъ отмѣны общиннаго землевладѣнія. Ратующіе за такую отмѣну безъ заднихъ мыслей ссылаются на примѣръ Европы, гдѣ упразд-

неніе общиннаго владѣнія шло рука объ руку съ водвореніемъ правильной эксплуатаціи земли; но они не обращаютъ вниманія на то, что въ Европѣ упраздненіе общиннаго владѣнія совершено въ пользу средняго и крупнаго землевладѣнія, что оно тамъ шло, рука объ руку, съ обезземеленіемъ мелкихъ владѣльцевъ и создало сельскій пролетаріатъ въ огромныхъ размѣрахъ. Этого они, конечно, не желаютъ, а именно этого-то и желаютъ всѣ требующіе съ заднею мыслію отмѣны общиннаго владѣнія. Такимъ образомъ, невозможность вести полемику на чистоту приводила въ одинъ лагерь, подъ одно знамя, стремленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Отбросьте заднюю мысль обезземеленія крестьянъ, и требованіе отмѣны общиннаго землевладѣнія сведется къ требованію иного распорядка крестьянскаго землевладѣнія, болѣе благоприятнаго для сельскаго хозяйства, чѣмъ тотъ, какой теперь существуетъ при общинномъ владѣніи. Противъ такого требованія едва ли кто станетъ спорить.

Такое же смѣшеніе языковъ мы находимъ и между поборниками неприкосновенности крестьянскаго землевладѣнія. Огромное ихъ большинство отстаиваетъ общинное владѣніе не потому, чтобъ дорожило теперешними распорядками земли между общинниками, а потому, что видитъ въ отмѣнѣ общиннаго владѣнія первый шагъ къ обезземеленію крестьянства и ко всѣмъ нескончаемымъ бѣдствіямъ, которыя отсюда простекаютъ. Очевидно, и въ этомъ случаѣ невозможность прямо и открыто стоять за крестьянскую поземельную собственность, необходимость говорить вносказательно вынудила прикрыться общиннымъ владѣніемъ, чтобъ отстоять права крестьянъ на землю. Но между этимъ ихъ правомъ и общиннымъ владѣніемъ нѣтъ ничего общаго. Поборники послѣдняго допускаютъ возможность отмѣны существующихъ теперь у общинниковъ распорядковъ землевладѣнія и замѣны ихъ другими, лучше отвѣчающими потребностямъ правильнаго земледѣлія. Но общинное землевладѣніе, какъ мы видѣли, и есть только извѣстный распорядокъ земли между членами общины. Правъ на землю онъ не опредѣляетъ. И потому отбросьте опасеніе, что съ отмѣною общиннаго землевладѣнія уничтожится крестьянская поземельная собственность, и число его поборниковъ тотчасъ же значительно сократится.

Такимъ образомъ, полемика, которая теперь ведется, какъ почти всѣ наши русскіе споры, осложнена, съ обѣихъ сторонъ, задними мыслями; чтобъ выбраться, наконецъ, изъ путаницы формъ стариннаго, исчезнувшаго быта съ новыми задачами, надо строго различать тѣ и другія и изслѣдовать ихъ особо, не смѣшивая ихъ между собою. Всякій знаетъ и понимаетъ, что отъ стараго нельзя разомъ перешагнуть къ новому, что особливо сельскія массы чрезвычайно медленно и туго измѣняютъ формы своего быта, свои привычки, понятія, взгляды. Но считается съ ними, обращаться бережно и осторожно, не производить крутой ломки въ бытъ народномъ, не знаигъ еще возводить то, что уже пережито, въ руководящій принципъ, въ политическій и законодательный догматъ. Надо знать, что было, чтобъ ясно видѣть куда идти, куда направлять жизнь, которая создаетъ новыя потребности и соответствующія имъ формы. Прошедшее завѣщало намъ много такого, чѣмъ мы можемъ воспользоваться для удовлетворенія новыхъ нуждъ, и не мало такого, что этому мѣшаетъ. Надо употребить въ дѣло первое и устранить послѣднее. Вотъ наша задача въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ. Цѣль—упрочить за земледѣльческимъ населеніемъ отведенныя имъ земли, обезпечить его навсегда отъ обезземеленія и устроить распорядокъ земель между крестьянами удобнымъ и благопріятнымъ для развитія земледѣлія образомъ.

Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, но еще больше остается сдѣлать. Прошедшее завѣщало, въ привычкахъ и воззрѣніяхъ великорусскаго и бѣлорусскаго племени, владѣніе землею дѣльми сельскимъ обществомъ, безъ раздробленія въ частную собственность между отдѣльными домохозяевами. Какъ было показано выше, это образовалось первоначально вслѣдствіе занятія земель дѣльми товариществами или артелями. Положенія 19-го февраля 1861 года возвели это обычное начало въ законъ и, отмѣнивъ прежнія *единогласныя* постановленія всѣхъ домохозяевъ объ обязательныхъ для всѣхъ распорядкахъ земли, ввели, вмѣсто ихъ, постановленія о томъ же предметѣ *по большинству голосовъ*.

Селенія возведены, такимъ образомъ, въ отвлеченныя реальныя, юридическія лица, а дѣйствительныя лица, бывшія когда-то

при существованіи товариществъ обладателями земли, обращены въ представителей и носителей юридическаго лица, т.-е селенія, которое стало настоящимъ собственникомъ, несмотря на смѣну людей и поколѣній.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ основнымъ началомъ введены разныя противорѣчащія ему правила подъ вліяніемъ предубѣжденія, будто, рано или поздно, переходъ общественной земли въ личную собственность долженъ неизбежно совершиться. Такъ, допущенъ выкупъ усадебъ въ личную собственность, безъ пашенъ и другихъ угодій; допущенъ выкупъ цѣлаго надѣла, съ вымежеваніемъ его изъ общинной земли, допущенъ раздѣлъ общинной земли между всѣми домохозяевами; вся выкупная операція, съ пособіемъ отъ правительства, рассчитана на послѣдующее обращеніе общинной земли въ подворную личную собственность; въ земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ, каждому домохозяину предоставлено право продать свой надѣлъ односельцу или постороннему лицу на правахъ собственности. Такимъ образомъ, послѣднимъ результатомъ органическихъ мѣръ по созданію класса свободныхъ землевладѣльцевъ будетъ обращеніе общинной земли въ личную собственность домохозяевъ, а вполнѣдствіи изъ этого неминуемо произойдетъ то, что было вездѣ,—постепенное обезземеленіе крестьянъ и скопленіе ихъ надѣловъ въ рукахъ немногихъ промышленниковъ и капиталистовъ. Еслибъ подобное превращеніе общинной земли въ личную и частную собственность обязательно сопровождалось округленіемъ надѣловъ и выдѣленіемъ ихъ въ особыя хозяйственныя единицы, такую мѣру можно было бы если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, объяснить желаніемъ создать условія, благопріятныя для земледѣлія и культуры, которыхъ мы, при теперешнихъ распорядахъ общинной земли, не находимъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Общинныя земли, обратясь въ личную собственность крестьянъ, по прежнему останутся разбитыми на мелкія полоски съ удержаніемъ черезполосицы. Огмѣнятся, правда, передѣлы и переверстки пашенъ; но измѣнить теперешнее, крайне неудобное и стѣснительное для правильнаго хозяйства распредѣленіе пашенъ станетъ, съ обращеніемъ ихъ въ частную собственность крестьянъ, еще несравненно труднѣе

и не будетъ уже, какъ теперь, зависѣть отъ мірскаго приговора. Такимъ образомъ, теперешняя разорительная трехпольная система увѣковѣчится, и къ улучшенію крестьянскаго хозяйства будутъ закрыты всѣ пути. Теперь, пока выкупная операція еще не совершилась, все это еще поправимо; но когда она разъ завершится и начало личной поземельной собственности окончательно водворится, мы должны будемъ испытать на себѣ всѣ горькія послѣдствія соціальной дезорганизаціи, которая составляетъ ахиллесову пятю и темное пятно въ бытѣ европейскихъ государствъ.

Соединить для крестьянъ всѣ выгоды прочнаго водворенія и наследственнаго владѣнія землею съ условіями, благоприятными для развитія и усовершенствованія земледѣлія можно, по нашему крайнему убѣжденію, лишь признавъ земли, отведенныя въ надѣль крестьянамъ, за *неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставя членамъ обществъ лишь право наследственнаго владѣнія и пользования этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности*. Мы непоколебимо убѣждены въ томъ, что только такимъ устройствомъ землевладѣнія будетъ обезпеченъ и упроченъ бытъ земледѣльческаго населенія не у насъ однихъ, но и всюду, и разрѣшится вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ, озабочивающій теперь правительство, владѣющіе классы и мыслящихъ людей въ цѣломъ мірѣ.

Признаніемъ сельскихъ обществъ вѣчными собственниками земель, отведенныхъ въ надѣль крестьянамъ, безъ права ихъ отчуждать и закладывать, создается крестьянская земля, изъятая изъ обращенія, не подлежащая куплѣ и продажѣ, чѣмъ устраняется всѣ опасности обезземеленія крестьянъ чрезъ скупку ихъ надѣловъ немногими лицами.

Признаніемъ за каждымъ домохозяиномъ права наследственнаго владѣнія и пользования отведеннымъ ему надѣломъ устранится крайне вредный для успѣховъ земледѣлія періодическій передѣлъ земель, необезпеченность правъ лица передъ сельскимъ обществомъ по владѣнію землею. Но вмѣстѣ сохранится весьма драгоцѣнное право общества, по взаимному соглашенію домохозяевъ, уничтожить черезполосицу, измѣнить теперешнее распре-

дѣленіе полей, ввести улучшенную эксплуатацію земли, завести участковое ея владѣніе въ одномъ мѣстѣ, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не въ общихъ поляхъ съ другими и т. п. Этимъ устранятся всѣ невыгодныя послѣдствія теперешняго общиннаго землевладѣнія, но сохранятся и всѣ незамѣнимыя полезныя его стороны, которыя, со введеніемъ личной собственности домохозяевъ на отведенныя имъ надѣлы, должны, къ несомнѣнному вреду земледѣльческаго населенія, совсѣмъ исчезнуть.

Съ отмѣной періодическихъ передѣловъ земли прекратится и уравненіе земель между всѣми членами сельскаго общества и право каждаго изъ нихъ на равный съ другими земельный надѣлъ.

Противъ этого можно ожидать различныхъ возраженій.

Одни увидятъ въ этомъ посягательство на принципъ равнаго права всѣхъ на землю,—принципъ, который будто бы живетъ въ теперешнемъ общинномъ владѣніи. Но поборники этого принципа забываютъ, что такое равенство есть остатокъ не эпохи гражданской свободы крестьянъ, а напротивъ, какъ мы объяснили выше, выработалось изъ условій прикрѣпленія къ землѣ, закрѣпощенія и подушнаго обложенія податями, повинностями и службами, слѣдовательно, и не имѣетъ того значенія, какое имъ приписывается и должно исчезнуть вмѣстѣ съ условіями, которыя его создали. Кромѣ того, право каждаго на землю и равноправности въ надѣлѣ землю есть самообольщеніе, едва ли стоющее опроверженія. Земля нужна только земледѣльцамъ; занимающіеся другими промыслами нуждаются только въ очагѣ и осѣдлости и посмотрѣли бы на земельный надѣлъ какъ на тягость и обузу, или, что еще хуже, какъ на предметъ спекуляціи и наживы. Мало того: невозможно задаваться даже мыслью дать земельный надѣлъ каждому, желающему его получить; на это не хватило бы земли. Вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ могъ бы считаться вполне разрѣшеннымъ, еслибъ самая значительная часть мѣстнаго земледѣльческаго населенія была обеспечена землей и могла съ своими семьями жить, не нуждаясь въ необходимомъ: ибо гдѣ большинство устроено и обеспечено, тамъ около него проживаетъ безбѣдно много народа работой и промыслами всякаго рода. Опасность для общества не въ томъ,

когда есть бѣдныя, а въ томъ, когда большинство бѣдно и обезпечено.

Другіе, не идя такъ далеко и оставаясь на практической почвѣ, укажутъ на невозможность провести предлагаемое нами поземельное устройство при теперешнихъ нашихъ административныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ порядкахъ. Но мы и не считаемъ возможнымъ, при существованіи такихъ порядковъ, провести какую бы то ни было полезную переѣву въ теперешнемъ положеніи нашихъ земледѣльцевъ.

Пока подати и повинности лежатъ на душахъ, необходима паспортная система; пока подати и повинности такъ несоразмѣрно превышаютъ доходы, доставляемые крестьянамъ землею, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи объ упроченіи ихъ быта на теперешнихъ мѣстахъ ихъ осѣлости, такъ-какъ во многихъ мѣстностяхъ земельный надѣлъ не есть право, преимущество или выгода, а напротивъ бремя, тягость, которая навязывается насильно и отъ которой крестьянинъ радъ радостью отдѣлаться; пока существуетъ круговая порука, отвѣтственность всѣхъ домохозяевъ селенія за своихъ односельцевъ, неисправно платящихъ подати и отбывающихъ повинности, до тѣхъ поръ нечего и говорить объ освобожденіи крестьянъ отъ теперешней, почти крѣпостной, ихъ зависимости отъ міра и мірскихъ заправилъ. Въ общественномъ, какъ и во всякомъ организмѣ, все находится въ тѣсной взаимной связи и взаимно одно другое обусловливаетъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ. Нечего и помышлять о правильномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, не измѣнивъ тѣхъ условій, которыя были и суть причиною неправильной, ненормальной постановки у насъ крестьянскаго дѣла. Приврѣпленіе къ землѣ, крѣпостное право, тяжкіе личные налоги и повинности и вытекающія изъ нихъ принудительная круговая порука и паспортная система — логически привели къ рабской зависимости крестьянъ отъ помѣщика, отъ чиновника, отъ міра. Какъ крестьянинъ освобожденъ отъ одного изъ этихъ трехъ видовъ рабства, также точно онъ долженъ быть освобожденъ и отъ остальныхъ двухъ. Прямой налогъ долженъ быть приведенъ къ подати съ земли, не превышающей нѣкоторой и притомъ небольшой части чистаго дохода, которую она теперь приноситъ. Мірской, земскій и другіе сборы

точно также должны быть ограничены небольшою же долею чистаго дохода отъ земли. Разъ, то и другое будетъ сдѣлано, нечего будетъ опасаться безцѣльнаго скитанья крестьянъ, избыванія имъ податей и повинностей. Огромное большинство проростетъ къ землѣ, отъ которой его теперь насильно отрываютъ: нужда, подати и гнетъ общества и мѣстныхъ властей. А тѣ крестьяне, которые занимаются городскими промыслами и не имѣютъ интереса удерживать за собою землю, мало-по-малу со всѣмъ перейдутъ въ города и уступятъ свое мѣсто земледѣльцамъ, къ обоюдной выгодѣ и сель и городовъ.

Замѣна крѣпостной, вынужденной осѣдлости земледѣльцевъ добровольною, связанною съ собственнымъ интересомъ,— вотъ къ чему слѣдуетъ идти. Только съ разрѣшеніемъ этой задачи, давно уже стоящей на очереди, земледѣльческой бытъ у насъ устроится и окрѣпнетъ. Теперь подати, сборы и повинности, гласные и негласные, прямые и косвенные не даютъ большинству крестьянъ возможности подняться и стать на ноги. Надо существенно облегчить ихъ бремя, и они, оправившись и войдя въ силу, легко будутъ платить отъ избытковъ больше теперешняго.

Свободное вступленіе въ сельское общество, свободный выходъ изъ него станутъ возможны лишь съ той минуты, когда съ измѣненіемъ податной системы, отгнѣной круговой поруки и опредѣленіемъ правъ и обязанностей, соединенныхъ съ владѣніемъ и пользованіемъ землей, принадлежащей сельскимъ обществамъ, на правахъ собственности, отгнѣнится теперешняя крѣпостная зависимость крестьянъ отъ міра и сельскаго общества.

При такомъ новомъ порядкѣ дѣлъ, поземельныя права сельскихъ обществъ и поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ, а также и взаимныя ихъ отношенія по землевладѣнію, опредѣлятся въ слѣдующемъ видѣ:

Сельское общество, въ смыслѣ юридическаго лица, станетъ собственникомъ земли, отведенной въ надѣль крестьянамъ, но безъ права закладывать, или какимъ бы то ни было образомъ отчуждать ее. Единственное назначеніе этой земли—служить для раздачи земледѣльцамъ въ безсрочное наследственное владѣніе и пользованіе. Обращать крестьянскіе надѣлы въ выгодныя оброчныя или доходныя статьи, отдаваемые въ содержаніе, должно

быть безусловно запрещено закономъ. Распоряженіе землею, въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ на нее обществу, и съ тѣми ограниченіями, которыя устаноятся въ силу правъ земледѣльцевъ, получившихъ ее во владѣніе и пользованіе, должно, какъ и теперь, принадлежать членамъ общества по установленному закономъ большинству голосовъ. Властямъ, наблюдающимъ за исполненіемъ закона о крѣпостной землѣ, и самимъ заинтересованнымъ лицамъ должно быть предоставлено право жаловаться на незаконныя распоряженія сельскихъ обществъ крестьянскими землями судамъ, составленнымъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ и хотя бы одного юриста.

Земледѣльцы, принадлежащіе къ обществу, держатъ отведенную имъ общественную землю на правахъ безсрочнаго и наследственнаго владѣнія и пользованія. Пока она остается за ними, никто, даже цѣлое общество, не въ правѣ отобрать у нихъ эту землю, развѣ только въ случаѣ неисправности по отбыванію податей и повинностей. При новомъ порядкѣ земель по большинству голосовъ домохозяевъ, каждый изъ нихъ сохраняетъ право получить, въ замѣнъ отходящей отъ него земли, другую, въ томъ же количествѣ и такого же качества. Отчуждать и закладывать землю, полученную отъ общества, владѣлецъ ея не въ правѣ. Выморочные и брошенные владѣльцами участки возвращаются въ распоряженіе общества; въ случаѣ же смерти владѣльца, на участокъ его имѣетъ ближайшее право его жена, дѣти и вообще нисходящее потомство. Никто не имѣетъ права держать безсрочно и наследственно болѣе одного надѣла не только въ одномъ обществѣ, но хотя бы и въ разныхъ обществахъ. Два и болѣе надѣла могутъ быть отданы одному владѣльцу лишь на время, впредь до предъявленія на нихъ правъ другими, не имѣющими своего надѣла. Отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено въ пользу многочисленныхъ семействъ и тому подобныхъ случаяхъ. Какъ принадлежащая на правахъ собственности обществу, а не поселеннымъ на ней крестьянамъ, общественная земля не можетъ быть обращена въ продажу на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій: они падаютъ на строенія и движимое имущество должника и вообще на ихъ личную собственность. При выходѣ изъ общества, вла-

дѣлецъ можетъ сдать свой надѣлъ постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія общества. Во всякомъ случаѣ, владѣльцу надѣла, выходящему изъ общества, принадлежитъ право собственности, кромѣ движимаго имущества, на строенія, возведенныя имъ или его предшественниками на его надѣлѣ; эти строенія онъ можетъ продать (но безъ права на землю) или снести; наконецъ, онъ имѣетъ право получить вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ самими улучшения въ надѣлѣ, возвысившія его доходность. Самый же надѣлъ переходитъ отъ него къ обществу или другому владѣльцу безвозмездно.

Уменьшеніе или увеличеніе *того или другого* надѣла, измѣненіе его очертаній, переверстка и обмѣнъ его частей допускаются не иначе, какъ съ согласія самого владѣльца и общества. Безъ согласія владѣльцевъ допускается, по рѣшенію установленнаго закономъ большинства членовъ общества, въ видѣ общихъ мѣръ, обязательныхъ для всѣхъ владѣльцевъ въ обществѣ: передѣлъ всѣхъ земель, новое распредѣленіе участковъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ размѣра, введеніе новой системы хозяйства и т. п. Всѣ такія *общія* мѣры, подобно частнымъ, касающимся одного надѣла, могутъ быть обжалованы въ судъ, о которомъ сказано выше.

Таковы главныя черты того поземельнаго устройства, которое мы считаемъ необходимымъ для обезпеченія и упроченія быта земледѣльческаго населенія. Оно устранило бы недостатки теперешнаго, на которые было указано выше, и въ то же время возстановило бы основныя черты нашихъ старинныхъ крестьянскихъ общинъ съ тѣми дополненіями и разъясненіями, которыхъ требуетъ болѣе зрѣлая гражданственность и опредѣлившійся бытъ государства. Такое устройство окончательно сняло бы съ сельскаго населенія тройное ярмо вѣрнопостной зависимости, подъ которымъ оно такъ долго стонало, и открыло бы путь всякимъ усовершенствованіямъ крестьянскаго полеводства по мѣрѣ распространенія въ земледѣльческихъ массахъ болѣе правильныхъ понятій о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ. Въ числѣ важныхъ преимуществъ такого устройства слѣдуетъ въ особенности указать на то, что оно близко къ теперешнимъ понятіямъ и привычкамъ крестьянъ и, не ломая, не насилуя ихъ быта, поста-

вило бы всякіе успѣхи и улучшенія въ зависимость отъ ихъ постепеннаго умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія; для тѣхъ же земледѣльцевъ, которые выростутъ изъ тѣсныхъ рамокъ общаго уровня и быта земледѣльцевъ, будетъ открыто, какъ и теперь, обширное поле дѣятельности внѣ сельской общины. Ея единственное назначеніе: успокоить, обезпечить и устроить земледѣльческія массы. Эта цѣль предлагаемымъ устройствомъ будетъ достигнута исподоволь исполнѣ.

Но теперешнее наше законодательство и въ особенности практическое его примѣненіе администраціей и судомъ въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, гдѣ почти исключительно господствовало общинное землевладѣніе, нѣсколько уклонились отъ этой цѣли. Что же касается многихъ мѣстностей имперіи, вмѣвшихъ, до присоединенія къ ней, свою исторію, то въ нихъ успѣли уже глубоко укорениться начала личной поземельной крестьянской собственности. Спрашивается, какимъ образомъ совершить, здѣсь и тамъ, переходъ къ предполагаемому поземельному устройству, не прибѣгая къ насильственнымъ и крутымъ мѣрамъ, которыя, вмѣсто пользы, принесли бы только существенный и неизгладимый вредъ?

Изъ числа наиболѣе сподручныхъ способовъ, для совершенія такого перехода исподоволь, мы укажемъ на слѣдующее:

Въ Положеніяхъ 19 февраля указаны, какъ мы сказали выше, многіе пути для раздробленія общинной земли между домохозяевами въ частную, личную собственность, и ни одного для обращенія мелкой крестьянской поземельной собственности въ общинную, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ селеніяхъ великорусскихъ, сама необходимость часто наталкиваетъ на такого рода превращеніе земли изъ частной собственности, раздробленной на мелкіе куски, въ общинную. Можно, не нарушая ничьихъ правъ и никакихъ народныхъ привычекъ, прекратить на будущее время раздробленіе общинной земли въ личную собственность крестьянъ и выкупъ надѣловъ отдѣльными домохозяевами, съ выдѣленіемъ ихъ изъ общинной земли, и отмѣнить право бывшихъ государственныхъ крестьянъ продавать свои надѣлы, безвозмездно полученные изъ казенныхъ земель. Вмѣсто того, должно постановить правиломъ, что неотчужденная еще общин-

ная земля, приписанная къ селеніямъ, составляет неотчуждаемую и незакладываемую вѣчную собственность селеній и предоставляет послѣднимъ право приобретать вновь землю на имя сельскаго общества и выкупать, въ пользу же общества, надѣлы, приобретенные домохозяевами и купленные у нихъ посторонними лицами въ частную личную собственность. Выкупъ такихъ надѣловъ изъ частной собственности въ пользу общества можно подчинить правиламъ приобретения недвижимой собственности на общепользное употребленіе и поощрить къ такимъ выкупамъ выдачею изъ кредитныхъ установленій долгосрочныхъ ссудъ, съ погашеніемъ ихъ на банковыхъ правилахъ. Такими мѣрами будетъ, по крайней мѣрѣ, остановлено дальнѣйшее распаденіе крестьянскихъ земель и положенъ конецъ начавшемуся уже переходу ихъ въ руки скупщиковъ.

Обращеніе земель, владѣмыхъ на правѣ частной собственности, въ общественныя должно быть допущено безпрепятственно. Теперь нерѣдко случается, что общинныя земли только для виду раздѣляются между крестьянами, чтобъ избѣжать круговой поруки по уплатѣ податей и повинностей. Съ измѣненіемъ податной системы и съ отмѣной круговой поруки, такія раздробленія общественныхъ земель больше не понадобятся, и наго всячески облегчить крестьянамъ возможность отмѣнить такіе фивтивные раздѣлы земель.

Труднѣе обратить въ общественныя земли надѣлы, находящіеся уже на выкупѣ, тѣмъ болѣе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ выкупъ уже совершился. Исправить эту коренную ошибку положенія о выкупной операціи можно лишь постепенно и въ продолженіе долгаго времени. Съ этою цѣлью могли бы быть приняты слѣдующія мѣры:

Во 1-хъ, постановить правиломъ, что на будущее время выкупной платежъ, вносимый каждымъ домохозяиномъ, имѣеть значеніе взноса денегъ по общественной раскладкѣ, дѣлаемой съ цѣлью приобретения выкупаемой земли не въ личную, а въ общественную собственность.

Во 2-хъ, суммы, уплаченныя въ погашеніе капитальнаго дома до изданія такого правила, должны быть возвращены уплатившимъ посредствомъ банковской операціи, если они сами добро-

вольно не согласится считать ихъ за взносы, сдѣланные по общественной раскладкѣ на приобретение земли въ общественную собственность. Мы полагаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьяне, у которыхъ и теперь земля находится въ общинномъ владѣніи, охотно согласится на такое измѣненіе юридическаго характера сдѣланныхъ ими взносовъ капитальнаго долга; ибо вслѣдствіе передѣловъ, переверстокъ, несправнаго взноса платежей нѣкоторыми домохозяевами, вслѣдствіе вступленія новыхъ членовъ въ сельскія общества и выхода изъ нихъ прежнихъ, передачи надѣловъ и тому подобныхъ передвиженій поземельныхъ владѣній, личные расчеты крестьянъ между собою очень запутаны; сверхъ того, далеко не всѣ крестьяне имѣютъ ясное понятіе о юридическомъ характерѣ выкупныхъ взносовъ. Твердо они знаютъ только то, что взносомъ выкупныхъ платежей они приобретаютъ землю въ собственность, но какую именно, частную и личную, или общественную, — объ этомъ они, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ лишь сбивчивое и неясное представленіе. Взаимные ихъ расчеты вертятся только на томъ, кто не доплатилъ и кто переплатилъ лишняго. Гдѣ общинное владѣніе продолжается и по сіе время, тамъ крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, едва ли затруднятся признать землю за общественную, а платежи — за общественныя раскладки на ея выкупъ, если только они будутъ увѣрены, что земля останется въ безсрочномъ неприкосновенномъ и наследственномъ владѣніи и пользованіи. Что касается до *процентовъ, уплачиваемыхъ по выкупнымъ ссудамъ*, то они во всякомъ случаѣ не подлежали бы возврату, такъ-какъ представляютъ въ дѣйствительности лишь арендную плату за владѣніе и пользованіе невыкупленною еще землею, впредь до ея окончательнаго выкупа. При такихъ условіяхъ, размѣръ суммъ, подлежащихъ, въ случаѣ требованія, возврату, не можетъ быть слишкомъ значителенъ, а это обстоятельство существенно облегчало бы дѣло.

Гораздо труднѣе провести новое поземельное устройство въ тѣхъ селеніяхъ и цѣлыхъ областяхъ Россіи, гдѣ начало личной поземельной собственности уже успѣло вполнѣ вытѣснить общинное владѣніе и изгладить всѣ ея слѣды въ нравахъ и привычкахъ сельскаго населенія. Здѣсь это можно не иначе, какъ по-

степенной, въ теченіе долгаго времени, скупкой земель, принадлежащих членамъ сельскихъ обществъ на правахъ собственности и обращеніемъ ихъ въ общественныя по добровольнымъ съ ними сдѣлкамъ. Такія сдѣлки, при бѣдности крестьянъ, могутъ сдѣлаться весьма для нихъ желательными, если они увидятъ и убѣдятся на дѣлѣ, что проданныя ими обществу земли въ дѣйствительности остаются въ ихъ безсрочномъ и наследственномъ владѣніи и пользованіи. При такомъ условіи вся сдѣлка представится имъ лишь отказомъ отъ права продавать и закладывать свои земли за щедрое вознагражденіе, равняющееся стоимости всей земли. Такія сдѣлки и на самомъ дѣлѣ будутъ для большинства крестьянъ лишь измѣненіемъ юридическаго титула, на которомъ они владѣютъ: продать землю за полную цѣну, съ оставленіемъ за собою и дѣтьми навсегда, слишкомъ выгодно, чтобъ многіе не захотѣли воспользоваться подобною сдѣлкой. Наконецъ, въ составъ неотчуждаемыхъ общественныхъ земель должны быть также включены всѣ выморочныя земли членовъ сельскихъ обществъ, которыя теперь по закону поступаютъ въ собственность обществъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу большинство земель, принадлежащихъ членамъ обществъ на правахъ собственности, перешли бы въ собственность обществъ, послѣ чего въ немногимъ, остающимся еще въ частномъ правѣ, могли бы уже быть примѣнены правила обязательнаго выкупа. Такъ-какъ въ проведеніи такой реформы заинтересовано и государство, и земство, и сами крестьянскія общества, то фондъ для такихъ сдѣлокъ могъ бы образоваться постепенными малыми взносами отъ казны, земствъ и сельскихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ операція скупки должна быть ведена самымъ правительствомъ, какъ дѣло государственное. Отдавать его въ руки спекуляціи не слѣдуетъ, ибо въ ея рукахъ она обошлась бы чрезмѣрно дорого, и тѣмъ принесла бы не пользу, а вредъ.

Таковы, въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ, преобразованія въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, которыя мы считаемъ не только необходимыми вообще, но настоятельными и неотложными. О важности и пользѣ ихъ было говорено выше. Теперь сведемъ, для наглядности, все сказанное въ общіе заключительные итоги.

Предполагаемыя преобразованія имѣютъ задачею отмѣнить послѣдніе остатки закрѣпощенія земледѣльцевъ и перенести на сельскія общества права собственности на землю, занимаемую ихъ членами, съ присвоеніемъ послѣднимъ права безсрочныхъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ. Это доставитъ массѣ народа всѣ блага и выгоды поземельной собственности и общиннаго владѣнія безъ вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій вредныхъ или для быта народныхъ массъ, или для успѣховъ земледѣлія.

Вездѣ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ общинное землевладѣніе, т. е. во всей Великороссіи, Бѣлороссіи, предполагаемая реформа закрѣпила и опредѣлила бы юридически существующія уже на фактѣ поземельныя отношенія, не затронувъ ни въ чемъ привычекъ и воззрѣній земледѣльцевъ, что во всякомъ преобразованіи, касающемся народнаго быта, такъ неизмѣримо важно. вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежность земли, на правахъ собственности, обществу, а не отдѣльнымъ домохозяевамъ, дастъ возможность, когда понадобится, устроить поземельное владѣніе внутри сельскихъ обществъ, согласно съ требованіями правильнаго и улучшеннаго земледѣлія, что, при раздробленіи общинной земли между членами общества на правахъ личной собственности, будетъ совершенно невозможно безъ глубокихъ и коренныхъ потрясеній правъ владѣльцевъ. Если хозяинъ земли есть общество, то оно можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, устроить у себя поземельные порядки, какіе оно признаетъ наиболее полезными; когда же каждый хозяинъ будетъ собственникомъ своего надѣла, общество будетъ лишено возможности измѣнять существующій распорядокъ полей и угодій.

Если общинныя земли обратятся въ личную собственность крестьянъ, то внутри обществъ неизбежно начнется то обезземеленіе бѣднѣйшихъ и скопленіе участковъ въ рукахъ наиболее вліятельнаго, зажиточнаго и предприимчиваго меньшинства, какъ это замѣчалось всюду со введеніемъ личной поземельной собственности и начинается, къ несчастію, уже и у насъ. Существенный смыслъ освобожденія крестьянъ съ землею, единственно въ видахъ обезпеченія осѣлости народныхъ массъ, былъ бы въ такомъ случаѣ потерянъ, и надѣлы изъ помѣщичьихъ владѣній послужили бы только къ переводенію земель изъ однихъ рукъ въ другія,

безъ всякой пользы для земледѣльческаго населенія. Напротивъ, если право собственности перейдетъ къ сельскимъ обществамъ и общинныя земли будутъ закрѣплены за ними навсегда, безъ права отчужденія, а крестьяне станутъ безсрочными и наследственными арендаторами этихъ земель, то отсюда произойдутъ два послѣдствія, благотворныя для быта земледѣльцевъ: во-первыхъ, при ограниченіи закономъ захвата многихъ надѣловъ въ однѣ руки, огромное большинство крестьянъ сохранитъ осѣдность и свое хозяйство; во-вторыхъ, арендная плата за земли не будетъ возвышаться по произволу, какъ это дѣлается при отдачѣ земли въ наемъ собственниками; плата эта установится въ умѣренныхъ размѣрахъ самими сельскими жителями, заинтересованными въ томъ, чтобъ она не возвышалась вопреки справедливости. При томъ, арендная плата въ пользу юридическаго лица—сельскаго общества, можетъ быть регулируема судомъ и закономъ, что немислимо относительно личной поземельной собственности.

Далѣе: положеніе отдѣльныхъ крестьянъ относительно общественной земли не будетъ ничѣмъ существенно различаться отъ положенія личнаго собственника. Оставаясь безсрочнымъ и наследственнымъ владѣльцемъ своего участка, крестьянинъ, его семья и потомство столько же обезпечены, какъ и личный собственникъ. Оставляя общество, крестьянинъ получитъ вознагражденіе за капиталъ и трудъ, который имъ затраченъ на улучшеніе и поднятіе доходности аренднаго надѣла, бывшаго въ его владѣніи и пользованіи. Единственное различіе его правъ съ правами личнаго собственника заключалось бы только въ томъ, что онъ не можетъ воспользоваться, подъ залогъ своей земли, благомъ поземельнаго кредита, не можетъ также, продажею владѣемой земли, реализовать капиталъ. Но мелкая недвижимая собственность не пользуется у насъ и теперь выгодами поземельнаго кредита; кредитъ же подъ залогъ движимости и строеній и при предполагаемомъ поземельномъ устройствѣ не только возможенъ и желателенъ для крестьянъ, но, какъ мы постараемся показать впослѣдствіи, составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія. Здѣсь замѣтимъ, что аргументація въ пользу обращенія всѣхъ крестьянъ въ мелкихъ личныхъ поземельныхъ собственниковъ на томъ основаніи, что они, вслѣд-

ствіе того, получать право закладывать и продавать свои земли, грѣшить противъ логики. Намъ говорятъ: мелкій личный собственникъ можетъ продать и заложить свою землю; а владеющій ею на арендномъ правѣ—не можетъ. Это совершенно справедливо; но также справедливо и то, что не имѣющій вовсе собственной земли не можетъ ни продать, ни заложить ее. Въ общихъ разсужденіяхъ о личной выгодѣ или невыгодѣ того или другого права на землю мы не видимъ правильнаго перехода къ разрѣшенію вопроса о прочномъ устройствѣ быта и осѣдлости массъ, который выросъ въ наше время въ вопросъ первостепенной государственной важности. Что лучше разрѣшаетъ этотъ вопросъ: личная или общественная поземельная собственность—вотъ въ чемъ дѣло. Если справедливо, что послѣдняя благоприятнѣе для осѣдлости народныхъ массъ, то она и должна быть предпочтена, хотя бы личная поземельная собственность и представляла, съ личной точки зрѣнія, несомнѣнныя преимущества. Такая постановка вопроса представляется тѣмъ болѣе правильною, что мы предполагаемъ существованіе, рядомъ съ общественной поземельной собственностью, и личной—мелкой, средней и крупной собственности. Кто ее имѣетъ, или можетъ приобрести, пусть владеетъ, пользуется и распоряжается ею, какъ хочетъ, умѣетъ и знаетъ. Крестьянинъ, которому не нравится жить на общественной землѣ и у котораго есть средства, можетъ, если захочетъ, купить себѣ землю, поселиться на ней и стать личнымъ поземельнымъ собственникомъ; онъ можетъ имъ стать, и оставаясь участникомъ въ общественной землѣ. Предлагаемое нами поземельное устройство имѣетъ въ виду не тѣхъ, у кого есть капиталъ, кто предприимчивъ, а огромное большинство крестьянъ маломущихъ, кормящихся изо дня въ день отъ земли. Общественная поземельная собственность обезпечить и оградить отъ случайностей конкуренціи гораздо болѣе, чѣмъ личная поземельная собственность. А мы только это и имѣемъ въ виду. Капиталъ и трудъ, вложенный крестьяниномъ въ общественную землю, во всякомъ случаѣ останется его личною собственностью, которую онъ, оставляя общество, удержитъ за собою или же за которую получить вознагражденіе отъ своего преемника.

Намъ замѣтять, что съ увеличеніемъ населенія и предлагаемое

нами поземельное устройство не въ состояніи будетъ обезпечить землю всѣхъ земледѣльцевъ. Но мы вовсе и не задаемся такой неразрѣшимой задачей. Мы имѣемъ въ виду только устройство быта большинства земледѣльческаго населенія, обезпеченіе ему покойнаго и безбѣднаго существованія и возможности постепенно улучшать хозяйство и свой бытъ. Это необходимо не только для земледѣльцевъ, но вмѣстѣ и для блага государства, высшихъ слоевъ общества и интеллигенціи. Гдѣ масса, именно большинству ихъ, плохо живется, тамъ общее положеніе тоже становится ненормальнымъ. У насъ же, вдобавокъ, массы простого народа кормятся преимущественно отъ земли; поэтому, у насъ вопросъ объ обезпеченіи за ними землевладѣнія естественно получаетъ государственную важность; а такое обезпеченіе даетъ не личная, а общественная поземельная собственность, которую регулировать и приспособить къ потребностямъ земледѣльческаго населенія гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ личную поземельную собственность.

Сказаннымъ исчерпывается все, что мы имѣли сказать о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Не можемъ довольно настаивать на томъ, что дѣло это не терпитъ отлагательства, что за него надо приняться какъ можно скорѣе, ибо каждый пропущенный годъ только ухудшаетъ положеніе и создаетъ трудности въ возрастающей прогрессіи. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и дезорганизациа земледѣльческаго населенія нельзя уже будетъ пособить. Не дай намъ Богъ дожить до этого.

IV.

Читатели, интересующіеся крестьянскимъ дѣломъ, но недостаточно съ нимъ знакомые, быть можетъ, упрекутъ насъ за то, что, предлагая для крестьянъ новое поземельное устройство, мы не обратили должнаго вниманія на сельско-хозяйственную сторону вопроса, тогда какъ она одна изъ важнѣйшихъ, если не самая важная.—По вашей мысли, скажутъ намъ, отъ большинства домохозяевъ должно, какъ и теперь, зависѣть распре-

дѣленіе земель между членами общества, устройство надѣловъ, система полеводства, обязательная для меньшинства, на сторонѣ котораго легко могутъ, однако, оказаться люди, болѣе знающіе и опытные по части сельскаго хозяйства. Въ чемъ же будетъ заключаться экономическое преимущество новаго поземельнаго крестьянскаго устройства передъ теперешнимъ? Въ какомъ отношеніи оно будетъ благоприятѣе для успѣховъ крестьянскаго земледѣлія, чѣмъ общинное землевладѣніе, котораго вредное вліяніе на полевою культуру выяснено со всевозможною очевидностію и признается въ наше время всѣми?

Мы думаемъ, что наиболѣе неблагоприятныя для крестьянскаго хозяйства послѣдствія общиннаго землевладѣнія будутъ устранены, если за каждымъ домохозяйномъ будетъ обеспечено постоянное, наслѣдственное владѣніе и пользованіе землей, на которую онъ имѣетъ право по числу душъ или работниковъ. Этимъ отмѣнится частый переходъ земель отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, въ ущербъ заботливыхъ и достаточныхъ крестьянъ и къ несправедливой выгодѣ нерадивыхъ или бѣдныхъ; но въ то же время крестьяне будутъ обеспечены противъ раздробленія общинныхъ земель, которое мы считаемъ вреднымъ и даже опаснымъ не только для благосостоянія крестьянъ, но и для цѣлаго государства.

Впрочемъ, подъ улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія разумѣется обыкновенно не улучшеніе поземельныхъ условій, а введеніе между крестьянами болѣе правильныхъ сельско-хозяйственныхъ приемовъ, чѣмъ теперешніе. Именно съ этой точки зрѣнія смотрятъ на дѣло тѣ, кто, отвергая необходимость увеличить размѣры крестьянскихъ надѣловъ, настаиваютъ вмѣсто того на распространеніи между крестьянами улучшеннаго полеводства.

Возможно ли въ настоящее время такое улучшеніе, и стоитъ ли теперь этотъ вопросъ на первой очереди, какъ многіе думаютъ? Вотъ что надо рассмотретьъ прежде всего.

Вопросъ объ улучшеніи у крестьянъ земледѣлія возникъ у насъ не такъ давно, но уже имѣетъ за себя многихъ горячихъ сторонниковъ. Это неудивительно. Кто видалъ и знаетъ, какъ плохо и небрежно нашъ крестьянинъ обращается съ навозомъ, пашнею, покосомъ, лошадыю, коровою; какъ неразсчетливо, на авось, онъ сѣетъ, убираетъ хлѣбъ, молотитъ и вѣетъ, сколько

небывших предразсудковъ и невѣжественныхъ понятій вносить въ свои занятія по хозяйству, тотъ естественно приходитъ къ мысли, что улучшение крестьянскаго земледѣлія должно стоять на ближайшей очереди. Вдобавокъ, знающіе люди утверждаютъ, что распложеніе вредныхъ насѣкомыхъ, опустошающихъ всходы, покосы и хлѣба въ Россіи, находится въ причинной связи съ дурной обработкой полей, замѣной культуры озимыхъ хлѣбовъ посѣвомъ яровыхъ, и поднятіемъ пашни не съ осени, а весной. Если эти выводы подтвердятся точными изслѣдованіями, то усиливающейся изъ года въ годъ захватъ нашихъ полей вредными жучками, мухами и гусеницами послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что земледѣліе у насъ не только не улучшается, а въ несчастію падаетъ, и представитъ наглядное, графическое изображеніе распространенія его упадка.

Что земледѣліе у насъ вступило въ періодъ остраго кризиса, это, къ сожалѣнію, правда. Но отъ чего онъ произошелъ и какъ ему помочь, объ этомъ мнѣнія очень различны. Передъ этимъ фактомъ, какъ и передъ другими, одинаково губительными, мы обыкновенію ходимъ въ туманѣ, хватаемся за первое, что попадетъ подъ руку, какъ за якорь спасенія, и строимъ на отрывочныхъ данныхъ цѣлыя взгляды, забывая о другихъ данныхъ, которыя идутъ съ ними рядомъ и могли бы навести на другія соображенія. Къ этому еще присоединяется наша несчастная страсть обращать все на свѣтъ въ орудіе запугиваній, заподозриваній и инсинуацій. Это спутываетъ всѣ наши мысли и не даетъ никакому вопросу выясниться въ его настоящемъ свѣтѣ.

Говорятъ, земледѣліе находится у крестьянъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Это справедливо. Но развѣ у однихъ крестьянъ? За рѣдкими исключеніями, оно тащится въ заржавѣлой рутинной колѣѣ также въ помѣщичьихъ и купеческихъ хозяйствахъ, у арендаторовъ и сѣмщиковъ. Наша хищническая эксплуатація земли, безразсчетное высасываніе изъ нея производительныхъ силъ, не возвращая ихъ инымъ способомъ, вошли въ пословицу. Почему же на крестьянъ преимущественно указывается какъ на небрежныхъ, нерадивыхъ хозяевъ? Они ведутъ свои хозяйства, правда, не лучше, но за то и не хуже огромнаго большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ.

Причинами жалкаго положенія нашего сельскаго хозяйства называютъ: почти поголовное незнакомство съ технической стороною дѣла, недостатокъ, дороговизну и негодность рабочихъ рукъ и служащаго персонала, недостатокъ капиталовъ и дороговизну поземельнаго кредита, неустроенность и неправильность торговли сельскими произведеніями, путей сообщенія и способовъ перевозки, недостатокъ близкихъ и вѣрныхъ пунктовъ сбыта, трудность полученія и дороговизну необходимѣйшихъ предметовъ и орудій правильнаго хозяйства, личную и имущественную необеспеченность, крайне стѣснительное законодательство, которое вѣжетъ по рукамъ и ногамъ и подавляетъ всякую промышленную предпріимчивость и энергію и т. п. Всѣ эти помѣхи успѣшному развитію земледѣлія и сельскаго хозяйства дѣйствительно существуютъ и имѣютъ на него очень вредное вліаніе. Но можно ли назвать ихъ главными? Вѣдь онѣ дѣйствуютъ испоконъ вѣка. Справедливость требуетъ сказать, что многія изъ нихъ, въ наше время, скорѣй ослабли, чѣмъ усилились. Отчего же, не смотря на то, земледѣліе у насъ падаетъ? Положимъ, что у помѣщиковъ оно упало вслѣдствіе сильнаго уменьшенія или потери доророваго труда; а у крестьянъ отчего хозяйства тоже пошатнулись? Вѣдь они, вслѣдствіе освобожденія, несомнѣнно выиграли. Положимъ, свѣдѣнія ихъ въ агрономіи не Богъ вѣсть какія; но вѣдь нѣтъ такого мужика, который бы не зналъ, что суглинокъ и супесокъ нужно хорошо удобрять, а черноземъ пахать поглубже; что для удобренія надо держать побольше скота и т. п. На такой нехитрой агрономической мудрости и было прежде построено помѣщичье и крестьянское хозяйство, и шли они себѣ помаленьку, доставляя средства жить или хоть перебиваться изъ году въ годъ. Отчего же теперь и отъ этой азбуки сельскаго хозяйства крестьяне какъ будто отстали, скота и лошадей противъ прежняго у нихъ убавилось на добрую половину, а мѣстами и гораздо болѣе того, даже тамъ, гдѣ на недостатокъ земли и угодьевъ нельзя пожаловаться? Этого нельзя объяснить обыкновенно приводимыми причинами, даже съ присоединеніемъ къ нимъ пьянства, лѣни и разврата мужика, которые многими особенно подчеркиваются. Главная, коренная причина всему — тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь

тридцать лѣтъ государственный бюджет утроился, денежные земскія повинности учтѣвались. Крупная промышленность до послѣдняго времени пользовалась у насъ всевозможнымъ покровительствомъ и поддержкою государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произволь судьбы. Тяжкое бремя податей, изваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что пошало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства — скоть и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строеніе оставить безъ починки и ремонта. Выжидать хорошихъ цѣнъ на произведенія стало не подь силу, и мелкій капиталистъ-кулакъ забралъ мужика въ неволю, ставить цѣну, какую хочетъ, и тогда, когда крестьянинъ ему продаетъ, и тогда, когда у него покупаетъ. Всѣ мелкія и среднія хозяйства и производства должны были вслѣдствіе того пасть; удержались одни крупныя. Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства. Напирая на второстепенныя условія, неблагопріятствующія его развитію, мы только себя обманываемъ и отводимъ глаза отъ главной причины, которая мѣшаетъ всему. Сперва надо устранить ее и потомъ уже подумать о введеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій. До тѣхъ же поръ возбужденіе у насъ общаго вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронію или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей. Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства, надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ. Чтобы наши слова не показались голословнымъ пессимизмомъ, напомнимъ объ условіяхъ крестьянскаго полеводства, и пусть самъ читатель разсудитъ, преувеличиваемъ мы наше теперешнее печальное положеніе, или говоримъ правду.

Съ чего начинается всякій хозяинъ, собирающійся хоть сколько-нибудь осмысленно вести свое хозяйство? Онъ прежде всего старается округлить и устроить свою землю такъ, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ правильное хозяйство на ней вообще было возможно. Такъ дѣлали и въ Европѣ. Регулированіе и

округленіе владѣній заняли цѣлый періодъ въ сельско-хозяйственномъ развитіи западной Европы и послужили въ Англии и Германіи, какъ извѣстно, поводомъ и предлогомъ къ обезземеленію сельскихъ жителей въ огромныхъ размѣрахъ. У насъ такое округленіе и устройство земли недоступно не только домохозяевамъ, но и цѣлымъ селеніямъ. Положенія 19-го февраля, неизвѣстно по какой причинѣ, лишили крестьянъ права требовать уничтоженія черезполосицы съ владѣльцами. А при черезполосицѣ не только правильное, но часто и никакое вообще хозяйство немислимо.

Изъ множества такого рода стѣсненій, вьжущихъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ въ ихъ полевомъ хозяйствѣ, выхватываютъ одно, съ которымъ крестьянамъ справиться всего легче, потому что оно отъ нихъ самихъ зависитъ,—именно черезполосность и передѣлъ общинныхъ земель, и росписываютъ яркими красками безобразіе, которое отсюда происходитъ. Почему-же такъ нападаютъ именно на общинное владѣніе и благоразумно умалчиваютъ о невозможности или крайнихъ стѣсненіяхъ полевого хозяйства крестьянъ отъ черезполосицы съ владѣльцами. Не потому-ли, что послѣдняя очень выгодна для бывшихъ помѣщиковъ и что общинное владѣніе, каково оно ни есть, мѣшаетъ обезземеленію крестьянъ? Сельско-хозяйственные неурядки, происходящія изъ черезполосицы и передѣловъ общинныхъ земель, съ успѣхами земледѣлія и съ поднятіемъ образованія между крестьянами, непремѣнно и легко будутъ замѣнены болѣе правильнымъ и болѣе благопріятнымъ для сельскаго хозяйства земельнымъ устройствомъ. Но пока стѣснительный для крестьянъ законъ, за-прещающій имъ требовать разверстки земель съ посторонними владѣльцами, не будетъ отмѣненъ, до тѣхъ поръ о сколько-нибудь правильномъ крестьянскомъ хозяйствѣ нечего и говорить, потому-что сами помѣщики врядъ-ли согласятся добровольно отказаться отъ привилегій, доставляющей имъ столько выгодъ въ видѣ денежныхъ платежей, арендъ и рабочей силы.

Далѣе: для того, чтобъ подумать объ улучшеніи хозяйства, крестьянину нужно имѣть въ своемъ распоряженіи хоть какія-нибудь средства на необходимыя затраты. Нужно и скота прибавить, и сѣмянъ купить, и плужокъ; а у него не только ника-

нихъ средствъ въ запасъ нѣтъ, но онъ и необходимое продаетъ, чтобъ подати уплатить и прокормиться съ семьей. Злая нужда гонитъ его изъ деревни и дому на-сторону, чтобъ заработать деньги на насущныя надобности. О какихъ-же улучшеніяхъ земледѣлія можетъ быть рѣчь при такихъ обстоятельствахъ? Вдобавокъ, для крестьянина не существуетъ кредита, не только дешеваго, но на условіяхъ сколько-нибудь сносныхъ. Какъ же онъ начнетъ поправлять свое хозяйство?

Представимъ себѣ, однако, такого крестьянина-счастливица, у котораго и земля отрубная есть, и кое-какія деньги, и добрая воля улучшить свое хозяйство. Гдѣ и какъ онъ научится, что ему дѣлать и какъ привяться за дѣло? Для большихъ и среднихъ хозяйствъ кое-что уже сдѣлано съ этою цѣлью; для мелкихъ, крестьянскихъ — ровно ничего. Давно-ли помѣщики, и то не многіе, принялись за осмысленное хозяйство примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ? У насъ еще не успѣли выработаться и опредѣлиться типы на опытѣ извѣданныхъ, осмысленныхъ, большихъ и среднихъ хозяйствъ для различныхъ мѣстностей, такъ-что каждому начинающему хозяину приходится чуть не Америку открывать въ своемъ имѣніи и идти ощупью, дѣлая на каждомъ шагу кучу ошибокъ и ненужныхъ расходовъ. Крестьянину-же негдѣ ни поучиться, ни посмотреть, ни послушать, ни почитать такого, что бы ему, въ его быту, могло быть полезно.

Вотъ, при какой обстановкѣ ставится у насъ вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія. Не насмѣшка-ли это? Не праздная-ли это мечта, которой мы потому предаемся, что продолжаемъ сквозъ очки смотрѣть на дѣйствительную жизнь. Мы смѣемся надъ мыслями и планами Петра Великаго, въ ребяческой увѣренности, что онъ хотѣлъ поддѣлать изъ насъ голландцевъ и шведовъ. Чѣмъ же, однако, лучше, практичнѣе мысль завести между нашими мужиками усовершенствованную культуру полей? И какими мѣрами завели-бы мы ее у нихъ? При наилучшихъ условіяхъ, при живомъ примѣрѣ подъ глазами, при увѣренности получить помощь и поддержку на переходные годы, они колеблются и не рѣшаются разстаться съ заведенными порядками, имѣя на то свои, весьма вѣскія причины. Не дума-

юти-ли сторонники улучшеній прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, какъ они ихъ затѣвали въ видахъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія? Это было-бы совсѣмъ по-петровски, съ тою только существенною разницею, что Петръ ясно и твердо зналъ, чего хотѣлъ; а современные реформаторы народнаго быта и хозяйства этого не знаютъ, потому-что типы русскаго національнаго хозяйства, какъ сказано, еще не выработались, и пока еще только въ зародышѣ. Къ чему-же мы будемъ принуждать крестьянъ?

Нельзя здѣсь встать не указать на поразительное противорѣчье, которое красной ниткой проходитъ черезъ все, что у насъ теперь дѣлается, по крайней мѣрѣ, дѣлалось до сихъ поръ. Минувшее царствованіе дало крестьянамъ гражданскія права и призвало ихъ къ гражданской жизни. Вслѣдствіе этого, громадное большинство населенія имперіи, долгое время затертое и заслоненное тонкимъ слоемъ господствующихъ классовъ, выросло въ-подъ земли къ человѣческому и гражданскому существованію. Воспитавшись въ теченіи вѣковъ подъ крайне своеобразными опредѣленіями нашего деревенскаго быта, это большинство представляетъ совершенно особый типъ культуры, не имѣющей съ культурою образованныхъ слоевъ почти ничего общаго. Слѣдовало-бы ожидать, что на выработку новыхъ гражданъ, на приобщеніе ихъ къ установившимся уже общественнымъ формаціямъ и условіямъ правильной гражданственности, будутъ направлены всѣ усилія, обращены всѣ наличныя средства. Такъ поступили шведы съ финнами. У насъ-же видимъ совсѣмъ другое. До сего дня предметомъ заботъ остаются, по старому, выдающіеся слои общества, города и промышленные классы. Какую сторону жизни ни взять, — общественную, экономическую, умственную, или нравственную, — по всѣмъ безъ изъятія то и другое, сравнительно даже многое, дѣлается для высшихъ слоевъ, и ничего или почти ничего для огромнаго большинства. Въ этомъ отношеніи направленіе правительственной и частной дѣятельности не различается почти ничѣмъ, и безпрестанныя напоминанія большинства печатныхъ органовъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Идеалы, выношенные и воспитанные въ городской или великосвѣтской средѣ, вскормленные на европейскихъ книгахъ и понятіяхъ, аристократиче-

скихъ, монархическихъ, буржуазныхъ, клерикальныхъ или радикальныхъ, не прилажены къ нуждамъ, потребностямъ и воззрѣнiямъ крестьянскихъ массъ, форма этихъ идеаловъ остается нашему сельскому населенiю непонятною и чуждою. Въ этомъ заключается главная причина, почему сельское населенiе равнодушно къ культурнымъ слоямъ, а они, въ большинствѣ, къ сельскому населенiю. Оба составные элемента русской общественности живутъ каждый своею особенною жизнью, какъ было до дарованiя крестьянамъ гражданскихъ правъ.

Это замѣчанiе вполне относится и къ предмету, который насъ теперь занимаетъ, именно, къ крестьянскому земледѣлю и хозяйству. Улучшенiе его поставлено задачею; но для ея разрѣшенiя, даже для приготовленiя ея разрѣшенiя въ будущемъ, ровно ничего не дѣлается. А дѣла—бездна.

У насъ есть сельско-хозяйственные школы, даже академiи, есть училища для приготовленiя управляющихъ и приказчиковъ, но нѣтъ самыхъ простыхъ незатѣливыхъ школъ, приуроченныхъ къ понятiямъ и потребностямъ крестьянъ, гдѣ бы парень лѣтъ 15-ти и старше, хотя бы безграмотный, могъ практически, съ наглядки, ознакомиться съ простѣйшими улучшенными сельско-хозяйственными приемами, орудiями, сѣянами, скотомъ и лошадьми. Чѣмъ проще, незатѣливѣй такiя школы, чѣмъ онѣ ближе къ уровню теперешнихъ невѣжественныхъ сельскихъ массъ, представляя только нѣкоторое, необходимѣйшее улучшенiе противъ того, что у нихъ есть теперь,—тѣмъ успѣхъ и влiянiе такихъ школъ были бы вѣрнѣе и болѣе обезпечены. Такiя школы должны бы быть разбросаны сотнями по деревнямъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ живутъ крестьяне-земледѣльцы. А у насъ едва ли найдется и одна такая школа.

У насъ есть сельско-хозяйственные фермы, общiя и спеціальныя, устроенныя по всѣмъ правиламъ усовершенствованной агрономiи. Онѣ представляютъ образцы культуры и улучшенныхъ орудiй. Въ научномъ отношенiи онѣ, безъ сомнѣнiя, и полезны, и необходимы. Очень можетъ быть, что онѣ достигаютъ и практическихъ цѣлей въ примѣненiи къ крупнымъ и среднимъ хозяйствамъ. Но для крестьянскихъ хозяйствъ ничего подобнаго нѣтъ. Для крестьянъ нужны не фермы съ лучшими образцами, а такiя,

которыя бы на дѣлѣ, практически имъ доказывали, что улучшенныя приемы и орудія земледѣлія выгоднѣе тѣхъ, какіе они употребляютъ. На такія фермы они охотно стали бы ходить смотрѣть и учиться. Фермы этого рода должны быть самыя простыя, не хитрыя, представлять только мѣстное крестьянское улучшенное хозяйство и показывать крестьянамъ, какъ наимыгоднѣйшимъ образомъ, съ малыми затратами, вести крестьянское хозяйство при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Такія фермы должны быть устроены при сельско-хозяйственныхъ школахъ, ибо самыя эти школы, какъ мы ихъ себѣ представляемъ, должны быть не иное что, какъ такія фермы съ учениками въ видѣ работниковъ. Роль фермъ могли бы также играть и маленькія аренды, размѣрами не больше обыкновенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, сдаваемые на самыхъ льготныхъ условіяхъ хорошимъ хозяевамъ изъ крестьянъ, съ обязательствомъ вести на нихъ хозяйство улучшеннымъ способомъ и улучшенными орудіями. Такія крестьянскія фермы должны быть разсѣяны сотнями посреди земледѣльческаго населенія; затѣмъ, чтобъ хозяйство на нихъ велось какъ слѣдуетъ, долженъ быть установленъ бдительный и серьезный надзоръ, конечно, не бумажный, формальный и стѣснительный, а дѣйствительный и разумный, помогающій дѣлу. При нѣкоторомъ вниманіи, такія фермы сослужили бы, въ какія нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, двѣ великія службы странѣ: живымъ, нагляднымъ и близкимъ примѣромъ онѣ пріохотили бы крестьянъ къ правильному хозяйству и въ то же время выработали бы на практикѣ различныя типы маленькыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, самыхъ подходящихъ къ даннымъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Давнымъ-давно пора подумать о такихъ фермахъ. А у насъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ ни одной.

Скотоводство у крестьянъ-земледѣльцевъ находится въ печальнѣйшемъ положеніи и идетъ, какъ и все ихъ хозяйство, не впередъ, а назадъ. Крестьянскія влечи—маленькія, тощія, слабыя, вошли въ пословицу. Въ газетахъ пишутъ, что созданная Петромъ Великимъ холмогорская порода коровъ и извѣстная порода битюговъ, превосходнѣйшій типъ русской рабочей лошади, начинаютъ на мѣстахъ портиться и изводиться. Помочь улучшенію расъ лошадей и рогатаго скота у крестьянъ могли бы только

всѣмъ доступныя, недорогія случныя конюшни, разбросанныя повсюду. У насъ объ этомъ прежде много думали и кое-что въ этомъ смыслѣ даже сдѣлано. Но со времени освобожденія крестьянъ, когда полное невниманіе къ ихъ нуждамъ было возведено въ административный принципъ и поставлено во главу угла внутренней политики, о случныхъ конюшняхъ даже улучшенныхъ породъ лошадей не стало слышно. А ихъ нужны сотни и тысячи, чтобъ онѣ были у крестьянъ вездѣ по близости, подъ руками, иначе онѣ не принесутъ пользы; не вести же крестьянину своей коровы или лошади за тридцать-сорокъ верстъ на случку; у него на это и средствъ не станеть, еслибъ и была охота. Для крупнаго и средняго землевладѣнія дѣлается у насъ и въ этомъ отношеніи много хорошаго; для крестьянскихъ же хозяйствъ—ничего.

Чтобъ улучшить крестьянскія хозяйства, нужны хорошія сѣмяна и болѣе совершенныя орудія, чѣмъ тѣ, какія теперь въ употребленіи у крестьянъ. Нужда въ плугахъ, въ молотилкахъ, въ вѣлкахъ, простыхъ и дешевыхъ, такъ велика, что здѣсь и тамъ сами крестьяне начинаютъ ихъ изготавлять и они распространяются на большіе районы, заходятъ даже въ отдаленныя мѣста. Такимъ образомъ, сама нужда стучится въ дверь и показываетъ, что нужно. Для крупныхъ и среднихъ хозяйствъ сельскія общества и сельско-хозяйственная администрація уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать многое, чтобы удовлетворить такой нуждѣ; но для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ тоже не сдѣлано ничего по этой части. Небольшихъ складовъ улучшенныхъ сѣмянъ и наипростѣйшихъ, дешевыхъ, необходимѣйшихъ орудій, рассчитанныхъ на крестьянскія надобности, нѣтъ нигдѣ. Нужныхъ крестьянину сѣмянъ и орудій ему не только негдѣ купить, да и посмотрѣть-то на нихъ негдѣ. Какъ же онъ объ нихъ узнаеть, съ ними познакомится? Откуда можетъ у него запастъ въ умъ спасительное сомнѣніе въ непогрѣшимости сельско-хозяйственныхъ приемовъ, заведенныхъ отцами и дѣдами? Будь у него подъ бокомъ то, что ему полезно знать, онъ бы посмотрѣлъ и подумалъ; а теперь ему и въ голову не приходитъ, что можно сдѣлать какъ-нибудь лучше. А то, что онъ видитъ по этой части хорошаго въ большихъ и среднихъ хозяйствахъ ему не по карману, да и не идетъ къ его маленькому хозяйству.

Наконецъ, могучимъ распространителемъ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній между крестьянами могли бы служить просто написанныя, незамысловатыя дешевыя книжки съ чертежами и рисунками, которыя объясняли бы, нагляднымъ и живымъ образомъ, главнѣйшіе недостатки теперешняго крестьянскаго хозяйства и домашняго обихода и необходимѣйшія въ немъ улучшенія, польза и доступность которыхъ бросались бы ему въ глаза. Грамотность дѣлаетъ у насъ въ простомъ народѣ большіе успѣхи, вкусъ къ чтенію повемногу развивается не только между грамотными, но и между безграмотными, изъ которыхъ иные охотно слушаютъ, когда имъ читаютъ. Но и въ этомъ отношеніи у насъ для крестьянъ ничего не дѣлается. Мы больше любимъ высреннія сельско-хозяйственныя соображенія, охотно восходимъ на вершины сельско-хозяйственныхъ знаній, рассчитанныхъ на большія и среднія экономіи; а о томъ, что у насъ цѣлѣе миллионы хозяевъ не знаютъ и азбуки сельскаго хозяйства, что имъ, какъ манна небесная, нужны самыя элементарныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, которыхъ имъ почерпнуть рѣшительно неоткуда, — объ этомъ у насъ почти никто не думаетъ. Не многіе изъ насъ знаютъ даже, что напечатать и пустить въ продажу книжку вовсе еще не значить довести ее до свѣдѣнія простолюдиновъ. Книжки, которыя для нихъ пишутся, до нихъ почти не доходятъ; а у насъ, вдобавокъ, и писать-то для крестьянъ очень рѣдко кто умѣетъ; еще не выучились, за недосугомъ. Наша администрація имѣла бы всѣ средства пропустить полезныя сельско-хозяйственныя публикаціи во всѣ самыя глухія заголустыя имперіи, въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Служила же она пропустить въ нихъ Положенія 19 февраля. Умно и толково написанныя книжки о томъ, что крестьянину крайне необходимо знать въ его домашнемъ обиходѣ, были бы теперь полезны не менѣе Положеній 19 февраля. Но такихъ книжекъ нѣтъ, ихъ никто не имѣетъ и о составленіи ихъ мало кто заботится. А послушайте, — сколько толковъ о любви къ народу вообще и къ крестьянину въ особенности!

Итакъ, вотъ сколько условій нужно для того, чтобъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства стало возможно. Такъ какъ ни одного изъ этихъ условій, начиная съ правильнаго устройства

крестьянского землевладѣнія, нѣтъ, то и нельзя поднимать этого вопроса. Всему свое время и своя очередь. Есть здѣсь и тамъ отдѣльныя мѣстности, отдѣльныя селенія, гдѣ, вслѣдствіе особенно благоприятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства возможно. Но такіе исключительные случаи могутъ быть предметомъ не общихъ мѣропріятій, а частныхъ изслѣдованій и заботливости, и должны быть имъ всецѣло предоставлены. Мы же говоримъ здѣсь объ общихъ мѣрахъ для устройства крестьянскаго быта. При теперешнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, улучшенія крестьянскаго хозяйства общими мѣрами невозможны и немислимы. Чтобъ вести дѣло съ успѣхомъ, надо начинать его съ начала, а не съ конца или середины. Устроимъ сперва поземельныя владѣнія крестьянъ какъ слѣдуетъ, снимемъ съ нихъ чрезмѣрныя подати и повинности, которыя не даютъ имъ вздохнуть свободно. И то уже будетъ огромнымъ успѣхомъ, если, благодаря такимъ мѣрамъ, крестьяне будутъ въ состояніи примѣнять хоть тѣ понятія и знанія о сельскомъ хозяйствѣ и полеводствѣ, какимъ научились у своихъ отцовъ и дѣдовъ. Затѣмъ, облегчимъ имъ всячески способы ознакомиться съ условіями и приѣмами правильнаго хозяйства и примѣнить свои знанія къ дѣлу на своей землѣ; тогда крестьяне сами, скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, перейдутъ и къ многополью, и къ травосѣянію, и къ улучшеннымъ орудіямъ, и къ умноженію и улучшенію скота и лошадей. Ко всему этому побудитъ ихъ собственный интересъ. выгода, гораздо дѣйствительнѣе и вѣрнѣе всякихъ принудительныхъ мѣръ. У насъ же разсуждаютъ какъ разъ наоборотъ, и прежде всего, по преданію и привычкѣ, хватаются за принужденіе, не давая себѣ труда подумать, къ какому результату оно можетъ привести. Принужденіе, возведенное во всеобщій принципъ, какъ у насъ, порождаетъ поцѣ конецъ полнѣйшее равнодушіе ко всему, даже къ собственному интересу, и отучаетъ умъ и волю отъ самостоятельности. Кромѣ того, какъ мы старались показать, принудительныя мѣры, по части улучшенія земледѣлія и хозяйства, не привели бы у насъ ни къ чему, потому что для такого улучшенія нѣтъ необходимой почвы и подготовки; ввелись бы только, къ новому стѣсненію крестьянъ, административная регламентація, надзоръ и контроль со всѣми ихъ докуками и придирами въ

такую область частной дѣятельности; куда они до сихъ поръ, къ счастью, еще не заглядывали. Разъ, они сюда проникнуть, можно быть увѣрену заранѣе, что противъ всякихъ нововведеній по земледѣлю и сельскому хозяйству у крестьянъ вкоренятся такія предубѣжденія, которыхъ потомъ нельзя будетъ искоренить и десятками лѣтъ. Вотъ причина, почему мы, съ своей стороны, были бы даже противъ запрещенія частныхъ передѣловъ общинной земли, — мѣры самой рациональной, относительно полезной и наиболѣе удобоисполнимой изъ всѣхъ обязательныхъ мѣръ, какія предлагались по крестьянскому хозяйству. Когда отмѣнится подушная подать, мало-по-малу ослабѣетъ и исчезнетъ и разверстка земли по душамъ; на мѣсто ея по необходимости выработается понятіе о хозяйственной поземельной единицѣ, различной въ разныхъ мѣстностяхъ; можетъ быть, образуется представленіе о нѣсколькихъ различныхъ единицахъ такого рода, соответствующихъ сильнымъ, среднимъ и малымъ, или слабымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Тогда—но только тогда—наступить время помочь крестьянамъ законодательными мѣрами установить новыя условія быта, ограничить частые передѣлы и переверстки земель внутри селеній, содѣйствовать прекращенію въ нихъ черезполосицы и т. п., словомъ, постепенно урегулировать постоянными правилами поземельные порядки въ селеніяхъ, уже подготовленные измѣнившимися понятіями и убѣжденіями самихъ крестьянъ. Теперь надо приступить къ этому дѣлу съ крайнею осторожностью, предоставляя самой жизни и практикѣ опредѣлить дальѣйшее направленіе и развитіе поземельныхъ отношеній внутри сельскихъ обществъ. Въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ законодательство должно, не забѣгая впередъ, слѣдить за естественнымъ развитіемъ—и только помогать ему, расчищая дорогу.

V.

У крестьянъ есть пословица: «мужикъ что корова — кто пройдетъ, тотъ и подоить». Нужно знать деревню и видѣть вблизи крестьянское житье-бытье, чтобъ вполне понять печальный смыслъ этой горькой ироніи мужика надъ самимъ собой. Только лѣни-вый его не обираетъ. Явные, закономъ установленные поборы, налоги, повинности, службы и работы сами по себѣ составляютъ уже весьма солидное бремя для его скудныхъ средствъ, особливо если сообразить, что, кромѣ налоговъ прямыхъ, онъ платитъ массу косвенныхъ, которые обыкновенно не считаются, но которые онъ долженъ волей-неволей нести. Мы умѣемъ чрезвы-чайно краснорѣчиво распространяться о томъ, что крестьянинъ пропиваетъ несмѣтное количество денегъ, но при этомъ забываемъ, что у насъ, какъ и вездѣ, онъ строго держится заведен-ныхъ обычаевъ, «которые не нами начались и не нами кончатся»; а эти обычаи, въ очень многихъ случаяхъ жизни, не-премѣнно требуютъ покупки вина, хотя бы на него и не было денегъ, и крестьянинъ былъ бы радъ не покупать его вовсе. Обрядъ, обычай неотступно требуетъ угощенія виномъ родныхъ и знакомыхъ на крестинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, похоро-нахъ, въ великіе и храмовые праздники. Попойки на покосахъ, столь обычныя у крестьянъ, обусловлены частью усталостью, не-обходимостью подкрѣпить силы, частью же тоже обычаемъ, ука-зывающимъ на прежде бывшее въ пору покоса какое-то язы-ческое празднество. Заболѣлъ крестьянинъ, легъ въ больницу — плати; отправляется онъ въ заработки, часто по лихой нуждѣ — бери паспортъ и опять плати; попалъ, не только за неправду, а за свою правду въ судъ — опять плати и плати. Ни родиться, ни жениться, ни умереть крестьянинъ не можетъ безданно-без-пошлинно: за все положена плата, иногда не только тяжелая, но просто разорительная. Создалось земство, — ему плати особо, и тоже не мало. О томъ, что придется промазать и такого, о чемъ ни въ какомъ законѣ не написано, нечего и говорить; не-вѣжда и неучъ-мужикъ, не имѣя знакомства и связей, запла-

тить негласныхъ поборовъ больше, чѣмъ гласныхъ и явныхъ, часто за то, отъ чего ему же придется потомъ отплачиваться съезнова и въ три-дорога. Такимъ образомъ, крестьянинъ со всѣхъ сторонъ обремененъ поборами, отплачивается направо и налѣво за все и про все, уплачиваетъ большую премію за свое невѣжество. На покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ у него два источника: продажа своихъ произведеній и личный трудъ. Но по нуждѣ и злой судьбѣ мужика, доходы его отъ этихъ источниковъ доводятся почти до нуля, или же приносятъ ему лишнее бремя и разореніе. Читатель подумаетъ, что мы преувеличиваемъ, бьемъ на эффектъ. Вотъ однако несомнѣнные факты.— Къ «новинѣ», т.-е. къ новому хлѣбу, когда всѣ запасы пришли къ концу и перехватить ихъ не у кого, цѣны на всѣ жизненные продукты сильно возвышаются на рынкѣ: торговецъ спѣшитъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и продаетъ дорого. Убранъ хлѣбъ съ поля, мужикъ отъ нужды спѣшитъ везти на рынокъ продать что можно: тогда цѣны вдругъ сильно падаютъ, торговецъ пользуется случаемъ купить какъ можно дешевле; а мужику продать необходимо,—и продаетъ онъ за то, что ему дають. Слѣдующей зимой или весной ему приходится, чтобъ прокормиться, снова покупать то, что онъ продалъ съ осени за безцѣнокъ, и опять онъ покупаетъ по дорогой цѣнѣ. Такимъ образомъ, продавая дешево и покупая дорого, крестьянинъ всегда въ накладѣ, а причиной одна его нужда и безпомощность.

А трудъ? казалось бы, трудъ, по крайней мѣрѣ, долженъ выручить крестьянина. Въ земледѣльческомъ краю трудъ по воздѣлыванію земли долженъ быть въ цѣнѣ? Но та же лихая нужда и безпомощность обратили и продажу труда въ самый обременительный видъ займа. Трудъ дорогъ ко времени, когда онъ нуженъ; когда же онъ не нуженъ, онъ идетъ ни за что; а крестьянинъ продаетъ свой трудъ въ то время, когда онъ никому не нуженъ! Въ исходѣ зимы, когда у крестьянина хлѣбъ весь, средства поистощились, а надо и подати платить, и прокормиться съ семьей, и кое-что по дому къ весеннимъ и лѣтнимъ работамъ справить, онъ беретъ у землевладѣльцевъ хлѣбъ подъ работу будущимъ лѣтомъ. Землевладѣльцу работа лѣтомъ нужна,

но желающихъ получить хлѣба подѣ работу много. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, онѣ входятъ съ мужикомъ въ такую сдѣлку: выданный хлѣбъ долженъ быть возвращенъ сполна, натурою или деньгами по заранѣе назначенной цѣнѣ, которая верѣдко опредѣляется выше рыночной; а за «пожданье», т.-е. въ видѣ процента, получающій ссуду обязуется убрать съ поля извѣстное количество хлѣба, ярового или озимаго (вдвое меньше противъ ярового), т.-е. сжать или скосить, связать въ снопы, отвезти въ хлѣбный сарай и сложить порядкомъ. Если перевести эти условія на деньги, то выходитъ такой расчетъ: четверть ржи, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, стояла у насъ 6 рублей. Хлѣбъ, занятый въ мартѣ или апрѣлѣ, надо по условію возвратить въ сентябрѣ или октябрѣ, т.-е. черезъ шесть мѣсяцевъ; подѣ уборку десятины ржи или двухъ десятинъ ярового, что по мѣстнымъ цѣнамъ стоило на деньги 3 рубля, выдавалась четверть ржи. И такъ, за заемъ въ 6 рублей, крестьянинъ платилъ 3 рубля въ 6 мѣсяцевъ, т.-е. 50%. Съ тѣхъ поръ, что рожь сильно вздорожала, о такихъ сдѣлкахъ стало мало слышно. Прекратились онѣ или измѣнили свою форму — намъ неизвѣстно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ были очень обыкновенны и чуть ли не повсемѣстны во внутреннихъ земледѣльческихъ густонаселенныхъ губерніяхъ.

Если крайняя нужда крестьянъ обратила продажу ими труда въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и разорительныхъ формъ займа, то легко себѣ представить, на какихъ условіяхъ мужики бываютъ вынуждены занимать не подѣ работу; размѣръ процентовъ въ такихъ случаяхъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Мы слышали о займѣ рубля изъ 10 копѣекъ процентовъ въ недѣлю, что составить въ годъ 520%.

Съ мыслью помочь крестьянамъ въ ихъ кровной нуждѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ихъ къ бережливости, устроены ссудо-сберегательныя товарищества, съ пособіемъ отъ правительства. Основный принципъ этихъ учрежденій есть тотъ, что крестьяне, имѣющіе избытки, образуютъ своими взносами складочный капиталъ, изъ котораго выдаются нуждающимся краткосрочныя ссуды съ уплатою умѣренныхъ процентовъ. Изъ этихъ процентовъ выдается дивидендъ вкладчикамъ. Такимъ образомъ, достигаются

дѣлѣ полезныя цѣли: тѣ крестьяне, которые имѣютъ деньги, находятъ у себя по близости выгодное для нихъ помѣщеніе, и это побуждаетъ ихъ къ бережливости; другіе же, нуждающіеся въ ссудѣ, получаютъ возможность у себя дома, не отлучаясь далеко, дѣлать займы на сравнительно весьма умѣренныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Размѣры и условія вкладовъ и ссудъ рассчитаны по крестьянскимъ нуждамъ.

Полезность этихъ учрежденій неоспорима. Она мѣстами отчасти парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что выданныя ссуды, по крайней бѣдности заемщиковъ, обращаются изъ краткосрочныхъ въ долгосрочныя и переписываются изъ года въ годъ за одними и тѣми же заемщиками. Этому значительно способствуетъ, что займы, какъ говорятъ, часто дѣлаются не для оборотовъ или вообще не съ производительною цѣлью, а на уплату податей и податныхъ недоимокъ, и слѣд. не достигаютъ главнаго своего назначенія доставить крестьянамъ средства для поправленія ихъ состоянія и хозяйства, а только покрываютъ текущія неотложныя нужды, налагая на заемщиковъ новыя тягости въ будущемъ. При такихъ условіяхъ ссудосберегательныя товарищества не могутъ приносить крестьянамъ и малой доли той пользы, какую они могли бы приносить при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что эти учрежденія рассчитаны на нужды крестьянъ торговыхъ и промышленныхъ, а не земледѣльцевъ. Вклады предполагаютъ сбереженія, хотя бы самыя малыя, а краткосрочныя займы предполагаютъ относительно быстрые денежные обороты, которые возможны только въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ земледѣліи. Сельскій трактирщикъ, торговецъ, кабатчикъ, крестьянинъ, имѣющій, кромѣ надѣльной, свою особенную землю, мелкій подрядчикъ всякаго рода работъ, сельскій ремесленникъ-хозяинъ, — вотъ для кого ссудосберегательныя товарищества полезны и какъ кассы сбереженій, и какъ источникъ позайствованій на короткіе сроки и за умѣренные проценты. А кто едва сводитъ концы съ концами, кто считается зажиточнымъ, когда переходитъ изъ одного года въ другой безъ долговъ съ своимъ хлѣбомъ, кто занимаетъ зимой, чтобъ отдать осенью, по продажѣ новаго хлѣба или другихъ произведеній земли, — всѣ эти люди,

то-есть огромное большинство крестьянъ-земледѣльцевъ, не имѣютъ денежныхъ сбереженій и не могутъ обзаводиться срочными коммерческими займами. Имъ нужна помощь извнѣ, обыкновенно небольшая, но рассчитанная по времени, по крайней мѣрѣ, на годовую хозяйственный оборотъ, съ отсрочкой въ случаѣ неурожая, пожара или другого несчастія, нарушившаго однообразный ходъ ихъ обычнаго существованія. Безъ такихъ отсрочекъ, ссуда послужитъ крестьянину-земледѣльцу не спасительной поддержкой и подспорьемъ, а разореньемъ, вынуждая его, для уплаты долга, ослабить свое хозяйство.

Распространеніе въ Россіи однихъ крестьянскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ и совершенное отсутствіе крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій другой формы подтверждаетъ мысль, что мы еще не дѣлаемъ, какъ бы слѣдовало, строгаго различія между потребностями населенія земледѣльческаго и промышленнаго или торговаго. Это замѣчается во всемъ. Давно ли, напримѣръ, мы поняли, что денежные продовольственные капиталы не въ состояніи отвратить нужды въ хлѣбѣ для прокормленія и на посѣвъ, если рядомъ съ ними не будетъ существовать правильно организованныхъ и содержимыхъ въ порядкѣ сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ? Судя по городской жизни и городскому обиходу, который у насъ подъ глазами, руководствуясь примѣромъ Европы, гдѣ почти исключительно господствуютъ условія городского быта, мы совершенно опускаемъ изъ виду особенныя условія земледѣльческаго населенія, преобладающаго у насъ, и рассчитываемъ помочь массѣ нашего крестьянства мѣрами, которыя полезны для населенія промышленныхъ и торговыхъ центровъ. По той же причинѣ, для достиженія несомнѣнно благихъ цѣлей, мы нерѣдко прибѣгаемъ къ мѣрамъ, предполагающимъ большое промышленное и торговое развитіе, чего у насъ вѣтъ, и что при громадныхъ массахъ земледѣльческаго населенія едва ли когда-нибудь будетъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно развилось въ Европѣ и въ немногихъ нашихъ городахъ. Такъ, у насъ долгое время господствовало убѣжденіе, что полезныя для народныхъ массъ экономическія мѣры могутъ быть проводимы при помощи частныхъ предпринимателей и спекуляцій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Гдѣ промышленность

и торговля достигли уже высокой степени развитія и процвѣтанія, тамъ частныя сбереженія естественно обращаются въ большіе капиталы, которые ищутъ и находятъ помѣщеніе, за умѣренные проценты, въ разныхъ общепользныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Частная выгода и стремленіе къ наживѣ, умѣряемыя сильной конкуренціей, совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ пользами общества и являются могущественнымъ и главнымъ способомъ ихъ удовлетворенія. Совсѣмъ не то въ странахъ по преимуществу земледѣльческихъ и бѣдныхъ, какова наша. При огромномъ сельскомъ населеніи, живущемъ изо дня въ день, при слабомъ развитіи промышленности и торговли, при бѣдности капиталовъ и скудости сбереженій, при той же страсти къ наживѣ какъ и вездѣ, но не умѣряемой соперничествомъ, частная предпринимчивость и спекуляція вырождаются у насъ необходимо въ монополію, въ исключительное право, въ кулачество, и приносятъ пользу только частнымъ лицамъ, а не обществу и массѣ народа. Слѣдовательно, у насъ починъ и самое приведеніе въ исполненіе общепользныхъ мѣръ должны принадлежать не частнымъ предпринимателямъ, а обществу или государству, особливо когда онѣ составляютъ неотложную общественную потребность и имѣютъ государственную важность. Мы не обратили вниманія на это различіе и съ дѣтской поспѣшностью передавали, однѣ за другими, разныя общепользныя мѣры въ руки частныхъ предпринимателей и спекулянтовъ, убаюкивая себя сладкой мечтой, что акціонерныя общества и компаніи возьмутся потомъ и за осуществленіе всѣхъ остальныхъ необходимыхъ и общепользныхъ предпріятій. Эти грезы, несогласованныя съ условіями дѣйствительности, имѣли весьма печальный исходъ: частная спекуляція оказалась несостоятельною, въ концѣ-концовъ государство должно было принять на себя бремя издержекъ, вызываемыхъ всенародными нуждами, но сдѣлало это въ формѣ самой убыточной для государственной казны и прибыльной для частныхъ лицъ и спекулянтовъ, — въ формѣ субсидій, выданныхъ частнымъ предпринимателямъ.

Для поднятія разстроеннаго крестьянскаго быта необходимо, рядомъ съ поземельнымъ устройствомъ крестьянъ, принять дѣльный радъ мѣръ, клонящихся къ огражденію ихъ хозяйствъ отъ тѣхъ

бездисциплинарныхъ случайностей, которыя внезапно разоряютъ ихъ въ конецъ и изъ достаточныхъ людей обращаютъ въ нищихъ. Пожары, градобитіе, неурожай, внезапныя паводки, ураганы и бури, падежи скота и лошадей, вонючительство, повальные и другія болѣзни, особливо когда онѣ продолжительны и лишаютъ человѣка возможности работать, сразу уничтожаютъ матеріальное довольство крестьянина и, при полной беспомощности противъ такихъ напастей, лишаютъ его бодрости, что дѣйствуетъ на него еще хуже разоренія, которому онъ подвергся. Кому не случилось видѣть, какъ исправный крестьянинъ, послѣ одного или двухъ такихъ несчастій, совсѣмъ падалъ духомъ, спивался съ кругу, или налагалъ на себя руки. Сравнительно достаточный хозяинъ обѣднѣетъ и опускается, послѣ двухъ-трехъ истратъ или уводовъ рабочихъ лошадей, въ короткіе промежутки времени, или когда эта обѣда надъ нимъ страшась въ самую рабочую пору. Мы знали случай, что состоятельный и хорошій крестьянинъ обѣднѣлъ отъ того, что проболѣлъ долго; чтобъ не сдѣлаться несостоятельнымъ, онъ, человѣкъ очень честный, рѣшился даже на кражу. Противъ всѣхъ такихъ разорительныхъ случайностей есть спасительное и вѣрное средство — это широкое развитіе страхованія. Различные виды его слѣдовало бы слить вмѣстѣ и установить одну общую обязательную страховку. Премія была бы очень незначительна, еслибъ страховая операція обнимала всю имперію. Само собою разумѣется, что страхованіе крестьянскаго имущества и жизни, какъ мѣра государственная, не должно быть отдано въ руки спекуляціи; ему слѣдуетъ оставаться въ завѣдываніи самого общества и государства и ихъ органовъ. Необходимо также, при выработкѣ страхованія крестьянскаго имущества и жизни, тщательно устранить ненужныя проволочки и формальности при полученіи страховыхъ денегъ, всѣ тѣ гвозди и шпильки, которыми у насъ съ какимъ-то сладострастіемъ и виртуозностью уснащаются регламенты и инструкціи. При хорошей постановкѣ крестьянскаго страхованія всѣ главнѣйшія хозяйственныя невзгоды и разореніе, падающія внезапно на голову крестьянъ, будутъ существенно ослаблены. Съ тѣмъ вмѣстѣ мѣры народнаго продовольствія и обмѣненія полей, въ случаѣ неурожая, не требуютъ отъ общества и государства такихъ огромныхъ затратъ,

какія понадобились въ 1881 году и все-таки не могли побороть всѣхъ послѣдствій народнаго бѣдствія.

Съ твердой и прочной постановкой крестьянскаго страхованія, крестьянскія ссудныя кассы, въ которыхъ многіе видятъ якорь спасенія противъ всѣхъ бѣдъ крестьянина, будутъ служить весьма полезнымъ и благотвѣтельнымъ подспорьемъ для поддержанія его въ случаѣ внезапной и неожиданной нужды въ небольшой суммѣ денегъ, часто въ нѣсколькихъ рубляхъ. Но необходимо, чтобъ такія кассы были примѣнены къ привычкамъ и быту земледѣльческаго населенія. Строгое требованіе уплаты въ назначенный срокъ, обезпеченіе каждой ссуды залогомъ, немедленная продажа залога въ случаѣ неисправности, словомъ, характеръ городскихъ ссудныхъ кассъ долженъ быть въ сельскихъ учрежденіяхъ такого рода значительно смягченъ, и облегченъ отсрочки. Крестьянинъ вообще хорошій плательщикъ. Долгъ за нимъ рѣдко пропадаетъ, но примѣненіе къ нему строгихъ коммерческихъ правилъ платежа и взысканій легко можетъ разорить его, и ссудная касса, дѣйствующая по такимъ правиламъ, не облегчитъ его, а скорѣй запутаеъ. Очень были бы также желательны какія-нибудь дѣйствительныя мѣры, въ огражденіе крестьянъ противъ неправильной, кулаческой, торговли произведеніями земли. Но придумать ихъ чрезвычайно трудно. Мелкія крестьянскія ссудныя кассы противъ нея также безсильны, какъ и полицейскіе законы. Единственнымъ дѣйствительнымъ и радикальнымъ средствомъ были бы общества и товарищества землевладѣльцевъ для установленія правильной торговли своими произведеніями. Никто лучше ихъ не могъ бы справиться съ мелкими скупщиками и кулаками по хлѣбной торговлѣ. Но о такихъ товариществахъ теперь и думать нечего. Чтобъ они могли состояться и дѣйствовать правильно, надо, чтобъ сперва крупныя и средніе землевладѣльцы серьезно занялись своими имѣніями и хозяйствами и поняли солидарность своихъ интересовъ съ крестьянскими, а до этого намъ теперь еще какъ до звѣзды небесной далеко. Не таковы еще наши понятія и наши нравы, и совсѣмъ не похоже на то, чтобъ они скоро измѣнились къ лучшему. Наши земскія и общественныя кассы пусты; иначе, въ видѣ палліативной мѣры противъ хищничества кулаковъ, могли бы быть устроены, на-

примѣръ, при сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, хлѣбные склады, съ приѣмомъ отъ крестьянъ хлѣба, когда онъ дешевъ, и съ выдачею, подъ залогъ его, денежныхъ ссудъ, для продажи въ то время, когда на рынкѣ установятся на него правильныя цѣны. Хозяинъ платилъ бы умѣренное полежалое за храненіе и процентъ съ выданной ссуды. Наконецъ, на помощь крестьянамъ могли бы придти небольшіе капиталисты, ищущіе своимъ деньгамъ вѣрное помѣщеніе за умѣренные проценты. Такія лица могли бы отъ себя устроить склады крестьянскаго хлѣба, когда на него цѣны низки, съ выдачею за него авансомъ рыночной цѣны и съ продажей засыпаннаго хлѣба въ пользу крестьянъ, когда продавать его выгодно. Такіе хлѣбные складчики получали бы процентъ за комиссію и за выданныя авансомъ деньги, а крестьяне, благодаря авансамъ, могли бы повременить продажею хлѣба и выждать хорошихъ цѣнъ. Обѣ стороны были бы въ выгодѣ на счетъ кулаковъ-скупщиковъ. Чтобы такіе обороты приносили обоюдную выгоду, нужны, конечно, кромѣ капитала, добросовѣстность, распорядительность и довѣріе со стороны крестьянъ, а такія условія рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ. Притомъ у насъ рѣдко кто желаетъ посвятить себя служенію общеплезному дѣлу: большинство предпочитаетъ нажать поскорѣ рубль на рубль, не задумываясь о выгодѣ другихъ, особливо крестьянъ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, что у всѣхъ и у правительства раскрылись глаза на печальное положеніе крестьянства, выдвинулся на первый планъ и обсуждается вопросъ о крестьянскомъ управленіи, въ которомъ справедливо видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго быта. Что крестьянское управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне плохо — понимаютъ всѣ. Но о томъ, что и какъ сдѣлать, чтобы его улучшить, высказываются самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія, доказывающія что по этому вопросу мы тоже ходимъ въ туманѣ, и не успѣли еще додуматься до ясной и опредѣленной мысли. Можно смѣло сказать,

что она и не выяснится до тѣхъ поръ, пока мы не разберемъ дѣла по существу, не возведемъ недостатковъ теперешняго положенія къ принципамъ, изъ которыхъ они происходятъ, и не поищемъ въ самыхъ условіяхъ нашего общественнаго быта и строя основаній для болѣе удовлетворительной организаціи крестьянскаго управленія.

Въ чемъ заключаются его недостатки? Они сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ слѣдующимъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе; на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, и это *дѣйствительное* управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно. Органы крестьянскаго самоуправления во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ поставлены въ полную, совершенную зависимость отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и всѣ, указанныя въ законѣ, гарантіи ихъ самостоятельности и самостоятельности существуютъ только на бумагѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы кое-какъ и помириться, еслибъ отсутствіе самоуправления выкупалось несомнѣнными достоинствами заведенныхъ для крестьянъ на дѣлѣ порядковъ: строгою законностью и справедливостью, безукоризненною честностью, вниманіемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ, просвѣщенною заботливостью о ихъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ и нравственномъ развитіи. Къ несчастію, такія черты встрѣчаются въ крестьянскомъ управленіи лишь здѣсь и тамъ, въ видѣ рѣдкаго изытія. Часто, напротивъ, встрѣчаются примѣры полнѣйшаго произвола, явнаго нарушенія несомнѣнныхъ правъ, злоупотребленій съ корыстною цѣлью, грубаго невѣжества и незванія законовъ, а чаще и больше всего, почти въ видѣ общаго правила, замѣчается совершеннѣйшее пренебреженіе къ прямымъ обязанностямъ, полное бездѣйствіе, полное равнодушіе къ интересамъ, нуждамъ и положенію крестьянъ. Результатъ всего этого есть хаосъ, безурядица и анархія въ управленіи ими.

Такое положеніе вещей многіе надѣются измѣнить къ лучшему кое-какими частными поправками: оживленіемъ крестьянскаго самоуправления посредствомъ измѣненія его атрибутовъ и

формъ; новой комбинаціей властей, на самомъ дѣлѣ управляющихъ крестьянами; измѣненіемъ существующихъ теперь отношеній крестьянства и крестьянскаго управленія къ земству и коронной администраціи и т. п. Отъ такихъ подправокъ и заплатъ мы, признаемся, не ожидаемъ ничего, кромѣ горькихъ разочарованій въ ближайшемъ будущемъ. Крестьянское самоуправленіе оказалось несостоятельнымъ, уступило мѣсто другому управленію, и послѣднее оказалось тоже никуда негоднымъ не по одной злой волѣ людей; послѣдніе только воспользовались слабыми сторонами существующихъ порядковъ. Причины лежатъ гораздо глубже, и пока мы ихъ не дойдемъ и не войдемъ въ самую глубь вопроса, до тѣхъ поръ всѣ попытки улучшить крестьянское управленіе не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Противъ всѣхъ элементовъ, на которыхъ построено и предполагалось или предполагается построить крестьянское управленіе, приводятся, въ интересахъ крестьянъ, весьма серьезныя и вѣскія возраженія.

Начнемъ съ самоуправленія, которое, съ самаго призванія крестьянъ къ гражданской жизни, долгое время считалось надежнѣйшимъ оплотомъ ихъ самостоятельности, самымъ прочнымъ обезпеченіемъ ихъ интересовъ. Оно имѣетъ многочисленныя и ярыхъ противниковъ. Какое, говорятъ они, возможно самоуправленіе у безграмотныхъ, невѣжественныхъ и полудикихъ мужиковъ? За ведро вина они готовы выбрать кого угодно, постановить какой угодно приговоръ, праваго сдѣлать виноватымъ, виноватаго правымъ. Развѣ они имѣютъ малѣйшее понятіе о сколько-нибудь порядочномъ веденіи общественныхъ дѣлъ? Мало-мальски грамотный писарь дѣлаетъ изъ ихъ выборныхъ властей все, что хочетъ; мало-мальски смысленный и достаточный мужикъ вертитъ цѣлымъ обществомъ, какъ ему вздумается! Горляны и безогвѣтная, равнодушная, покорная толпа—вотъ мѣръ. Одинъ лѣнливый не помыкаетъ имъ. Предоставьте мужиковъ самимъ себѣ, отстраните отъ нихъ всякое начальство, они сами придутъ просить, чтобъ кто-нибудь взялъ надъ ними власть и привелъ ихъ къ уму-разуму: имъ самимъ отъ себя житья не будетъ. Устройте между ними идеальное самоуправ-

леніе, оно непремѣнно сведется къ тому, что одинъ кто-нибудь забереть ихъ въ руки и будетъ ими возводствовать по своей прихоти. Отъ того, а не почему-либо другому, они и попали подъ полный произволъ чиновниковъ. У нихъ въ крови сидеть быть подъ чьей-нибудь командой. А гдѣ самъ человѣкъ за себя не стоить, тамъ какіе уставы и регламенты самоуправленія ни дать, все, силою вещей, придетъ къ тому же чиновничьему произволу.

Отбросимъ крайности и преувеличенія такого строгаго приговора и взглянемъ на дѣло совершенно спокойно и безпристрастно. Можно ли, положиа руку на сердце, сказать, что въ этомъ описаніи крестьянскихъ общественныхъ порядковъ нѣтъ ни слова правды? Мы, по совѣсти, этого не думаемъ. Общественная самодѣтельность, смыслъ къ общественному самоуправленію и у крестьянъ, и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества, развиты очень слабо. Одни раскольники и сектанты составляютъ исключеніе изъ правила. По нимъ мы можемъ заключать, что недостатокъ общественнаго почина, равнодушіе и безучастіе къ дѣламъ общественнымъ не есть наше прирожденное свойство, что при благоприятныхъ обстоятельствахъ, самоуправленіе можетъ выработаться и окрѣпнуть въ народной массѣ. Но это пока въ будущемъ. Рѣчь идетъ о томъ, можно ли, какъ нѣкоторые думаютъ, теперь же отдать крестьянское управление исключительно въ руки самихъ крестьянъ? Нашъ взглядъ на дѣло мы изложимъ ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь пойдемъ далѣе.

Какъ сказано, управление крестьянами въ дѣйствительности находится теперь въ рукахъ органовъ дворянства, земства и коронной администраціи.

Противъ участія всѣхъ этихъ элементовъ въ управленіи крестьянами дѣлаются многія и сильныя возраженія. Ему приписывается многими дурное состояніе крестьянъ и крестьянскаго дѣла.

Что касается до дворянства, какъ особаго *сословія*, то ему, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ быть ввѣрено управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Дворянство, — мы, конечно, не говоримъ здѣсь объ отдѣльныхъ лицахъ, — до сихъ поръ все еще не вполне освободилось отъ крѣпостныхъ

возврънній, воспоминаній и привычек; къ тому же интересы дворянъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Естественно, что первые, во вредъ послѣднимъ и въ ущербъ справедливости, проводятъ то, что имъ выгодно и полезно въ земскихъ раскладахъ, въ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ дѣлахъ поземельныхъ, въ веденіи школьнаго дѣла.

Въ составѣ земствъ, въ большинствѣ губерній, по закону и фактически, преобладаетъ дворянство, и потому къ земствамъ относится въ настоящее время все то, что сказано выше о неудобствѣ и невозможности ввѣрить дворянству управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Но нельзя не замѣтить, что земства стали по-преимуществу дворянскими не по мысли, лежащей въ основаніи земскихъ учреждений, а вслѣдствіе ошибочнаго направленія, кабое получило развитіе ихъ съ самаго начала. Къ участию въ земскомъ управленіи законъ призываетъ всѣ сословія и всѣ общественные элементы. Такъ какъ дворянство изъ всѣхъ сословій есть самое образованное и почти исключительно знакомое съ дѣлами и практикой управленія, то естественно, что его представителямъ даны, въ земскихъ учрежденіяхъ, нѣкоторыя преимущества передъ другими земскими элементами. Но законъ, очевидно, и не помышлялъ отдать земскія дѣла въ руки дворянства; онъ имѣлъ въ виду, для пользы общей, привлечь къ веденію земскихъ дѣлъ только лучшія силы изъ среды этого сословія. Къ сожалѣнію, основная мысль земскихъ учреждений была пренебрежена; при практическомъ ихъ осуществленіи лучшею частью дворянства была признана та, которая преслѣдовала особенныя, узко-сословныя его цѣли и всячески старалась, насколько возможно, удержать за собою исключительныя права, которыми дворянское сословіе обладало до отмены крѣпостной зависимости. Лучшіе, самые просвѣщенные элементы дворянства не пользовались никакой поддержкой, напротивъ были по возможности устранимы или устранены сами отъ веденія земскихъ дѣлъ и уступили мѣсто дворянскому большинству, которое, имѣя развязанныя руки, успѣвшило воспользоваться своимъ вліяніемъ на крестьянское управленіе въ дурно-понятыхъ сословныхъ интересахъ. Огромную поддержку получило оно въ чрезвычайныхъ

полномочіяхъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ сословныхъ и земскихъ собраній, и въ направленіи, какое давалось земскому дѣлу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Такой оборотъ земскаго дѣла, противный духу земскихъ учрежденій и вредный не только для крестьянъ, но и вообще для развитія цѣлаго общества и самого государства, можетъ быть устраненъ лишь совершенной отмѣной дворянскихъ привилегій въ земскихъ учрежденіяхъ и чрезвычайныхъ полномочій предсѣдателей собраній, пониженіемъ имущественнаго ценза и введеніемъ, рядомъ съ нимъ, ценза образовательнаго; наконецъ, значительнымъ пониженіемъ возраста для избирателей и избираемыхъ въ земскіе гласные и должности. Необходимо возстановить въ земскихъ учрежденіяхъ равновѣсіе силъ и элементовъ, нарушенное чрезмѣрнымъ преобладаніемъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ надъ образованіемъ и личными качествами.

Но еслибы земская жизнь и была снова, послѣ длиннаго періода ошибокъ и искаженій, направлена въ русло, предназначенное ей смысломъ и духомъ законодательства, слѣдовало ли бы ввѣрить земскимъ учрежденіямъ управленіе крестьянами? Объ этомъ, равно какъ и о крестьянскомъ самоуправленіи, мы скажемъ ниже.

Остается рассмотреть роль коронныхъ чиновниковъ въ управленіи крестьянами. О ней отзывы тоже крайне неблагоприятны. Большому участію административныхъ должностныхъ лицъ въ крестьянскомъ управленіи, сильному ихъ вліянію на крестьянскія дѣла приписываются, главнымъ образомъ, вопіющія несправедливости и злоупотребленія, разоряющія крестьянъ въ конецъ. Ввѣрить управленіе крестьянами однимъ короннымъ чиновникамъ, какъ было съ государственными крестьянами до преобразования ихъ устройства, само собою разумѣется, совершенно невозможно; нельзя также защищать и роль коронной администраціи въ управленіи крестьянами. Но справедливость и безпристрастіе требуютъ сказать, что дѣятельность полицейскихъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, по отношенію къ крестьянамъ, если и не лучше, то ужъ никакъ и не хуже выборныхъ должностныхъ лицъ дворянства и земства. Простой народъ и не различаетъ ихъ, — такъ для него нечувствительна ихъ разница. Въ сѣтова-

нѣхъ и жалобахъ на правительственныхъ чиновниковъ, съ указаніемъ то на дворянство, то на государственное представительство, то на земство, какъ на средства улучшить мѣстное управленіе, слышится голосъ общихъ политическихъ воззрѣній на наше теперешнее внутреннее положеніе и на средства изъ него выдти, а не выводъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ мѣстной жизни. Что наше мѣстное чиновничество оставляетъ желать очень много—не подлежитъ никакому сомнѣнію; что оно, по своему образованію и нравственнымъ свойствамъ, не удовлетворяетъ своему назначенію; что въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ слишкомъ часто царитъ совершенный произволъ, на который рѣдко можно добиться управы; что дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи запечатлѣны очень часто бездушнымъ, бессмысленнымъ и беспощаднымъ формализмомъ, который давитъ жизнь, вовсе не принимая въ соображеніе ея требованій и дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла; что бездѣйствіе, безпечность и совершенное равнодушіе чиновниковъ и прорастающая отсюда баснословная медленность въ распоряженіяхъ и отправленіи дѣлъ, при другихъ существенныхъ недостаткахъ мѣстнаго управленія не могутъ не вызывать справедливаго неудовольствія и ропота населенія,—все это къ несчастію совершенная правда. Но для правильной оцѣнки положенія и средствъ, которыя могли бы измѣнить его къ лучшему, надо строго различать недостатки, присущіе самой бюрократической системѣ управленія отъ ненормальной, неправильной постановки ея у насъ, отъ специфическихъ пороковъ русской администраціи; а этого, въ большинствѣ случаевъ, у насъ не дѣлается. Наше мѣстное чиновничество мало образовано, потому что вообще число образованныхъ людей въ Россіи очень не велико, и ихъ на нашъ огромный административный составъ, очевидно, недостаетъ. Ничтожное содержаніе, котораго, при растущей дороговизнѣ, не хватаетъ на самое скромное существованіе, конечно не можетъ привлекать въ уѣздную и губернскую службу и тѣхъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, какіе у насъ есть; а устарѣлость нашихъ административныхъ уставовъ, въ которыхъ нѣтъ ни точныхъ опредѣленій обязанностей и отвѣтственности должностныхъ лицъ, ни какихъ бы то ни было обезпеченій подчиненныхъ про-

тивъ произвола и злоупотребленій начальства, естественно отпугиваютъ отъ мѣстной службы людей съ достаткомъ, и привлекаютъ только тѣхъ, которые умѣютъ въ мутной водѣ рыбу ловить, или же такихъ, которые, находясь въ безысходной нуждѣ, готовы идти на все, чтобъ не умереть съ голоду. Наконецъ, нашъ бюрократическій формализмъ, не знающій соображеній справедливости и здраваго смысла и падающій всею своею тяжестью больше всего на безграмотный, невѣжественный, безпомощный и безответный деревенскій людъ, есть сложный продуктъ многихъ причинъ. Его производятъ и питаютъ всѣ коренные недостатки нашего административнаго механизма—его дурной личный составъ, неспособный живымъ образомъ отнестись къ дѣлу, глубокое недоверіе къ нему самого правительства которому онъ служитъ органомъ, и полная необеспеченность младшихъ передъ старшими, подчиненныхъ передъ начальствомъ. Всѣ эти недостатки, вмѣстѣ взятые, сводятъ дѣло къ бумагѣ, живое явленіе къ формѣ, дѣйствительную отвѣтственность за дѣйствія и поступки и дѣйствительный за ними контроль—къ бумажной исправности и повѣркѣ служебныхъ дѣйствій не по ихъ результатамъ, а по слѣду, оставленному ими въ перепискѣ. Пока въ служебныя отношенія, дѣйствія и распоряженія не вдохнется живой души, пока идеаломъ административной дѣятельности будетъ считаться одинъ только правильный ходъ заведенной машины, до тѣхъ поръ формализмъ останется ея девизомъ, и ея безпощадное отношеніе къ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни останется неизмѣненнымъ и неотвратимымъ. Мы жалуемся на чрезмерное, подчасъ бессмысленно-жестокое вмѣшательство полиціи въ жизнь и бытъ народа, мечтаемъ о мѣстной администраціи съ мягкими, челоуѣволюбивыми и просвѣщенными приѣмами, исполненными вниманія къ нуждамъ народа и заботливой пощадой къ его скудости и безпощадности. Но пока существуютъ непомерно тяжкія подати и повинности, превышающія платежныя средства крестьянъ, мечтать объ этомъ, значить предаваться несбыточнымъ грѣзамъ и маниловскимъ фантазіямъ. Еслибъ полицейскіе чиновники, становые пристава и исправники не подвергались сами суровой отвѣтственности за неисправное поступленіе податей, недоимокъ и взысканій, ихъ безпощадность

могла бы быть отнесена къ ихъ винѣ, жестокости и безсердечію. Но вѣдь съ нихъ самихъ строго взыскивается то, чего ласковыми и мягкими мѣрами добиться нельзя. Поговорите съ должностными лицами полиціи: они вамъ поразкажутъ, каково бываетъ присутствовать при продажѣ крестьянскаго имущества, съ публичнаго торга за долги и недоимки. Большинство ихъ не безсердечные и не злые люди; они часто бываютъ жестоки скрѣпя сердце, потому что нужно самимъ кормиться и кормить семью. Не ставьте ихъ въ необходимость дѣлать зло, не требуйте отъ нихъ героизма и самоотверженія, и большинство ихъ будетъ поступать хорошо. Съ измѣненіемъ теперешней системы податей и повинностей отпадетъ самъ собою и безобразный произволъ полиціи относительно крестьянъ; а до тѣхъ поръ никакіе законы, контроли, суды и разглагольствованія не будутъ въ состояніи измѣнить строгую логику вещей, роковымъ образомъ выводящую послѣдствія изъ данныхъ условій.

Мы разсмотрѣли элементы, участвующіе теперь въ организаціи крестьянскаго управленія. Ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію, а другихъ нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей приходится придумывать различныя ихъ сочетанія, чтобъ создать хоть сколько-нибудь сносное управленіе народными массами, вмѣсто теперешняго, никуда негоднаго. Такъ и дѣлается. Никто не предполагаетъ передать крестьянъ исключительно въ завѣдываніе дворянскаго сословія или коронной администраціи, слѣдовательно, о неудобствахъ и невозможности такихъ комбинацій и говорить нечего. Разсмотримъ другія, которыя съ перваго взгляда какъ будто имѣютъ за себя многое. Мы говоримъ о двухъ, пользующихся, въ извѣстныхъ кружкахъ, сочувствіемъ, именно объ устройствѣ всесословной волости и о сосредоточенія управленія крестьянами въ рукахъ земства.

Вопросъ о всесословной волости возникъ у насъ со времени освобожденія крестьянъ, и съ тѣхъ поръ, до настоящей минуты, раздѣляетъ мнѣнія на два рѣзко-противоположныя, враждебные лагеря. Теперь составъ волости есть исключительно сословный, крестьянскій. Предполагается преобразовать ее въ территориальную, и чрезъ это сдѣлать всесословной. Всѣ лица, живущія на пространствѣ земли, образуемъ волость, какого бы ни были

сословія, званія или общественнаго положенія, должны войти въ ея составъ, быть ея членами и участвовать въ завѣдываніи ея дѣлами на основаніи закона, опредѣляющаго организацію волости и порядокъ управленія ею.

Мысль эта горячо поддерживалась и до сихъ поръ поддерживается людьми совершенно противоположныхъ воззрѣній. Одни надѣются внести, посредствомъ всесословной волости, свѣтъ, политическую и общественную мысль, культуру, привычку къ веденію общественныхъ дѣлъ и авторитетность высшихъ образованныхъ и зажиточныхъ слоевъ общества въ приниженную, необразованную крестьянскую среду, мало смыслящую въ дѣлахъ общественныхъ и управленія. Этою мѣрою думаютъ поднять ее, возвысить, влить въ нее правовую жизнь, придать ей вѣсъ и значеніе въ глазахъ администраціи и такимъ способомъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій и притѣсненій мелкаго провинціальнаго чиновничества. Другіе, совсѣмъ напротивъ, хотѣли бы ввести различные общественные элементы въ крестьянство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе забрать его въ свои руки, и—безъ всякой помѣхи, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и на законномъ основаніи, заставить крестьянъ служить своимъ сословнымъ или частнымъ и личнымъ интересамъ. Послѣ неудачной попытки удержать при освобожденіи крестьянъ за помѣщиками право вотчинной полиціи на манеръ остзейскихъ бароновъ, всесословная волость представлялась самой удобной формой достигнуть той же цѣли. При помощи вина, подкупа и экономическаго давленія, помѣщикъ, фабрикантъ, ростовщикъ, кабатчикъ, скупщикъ и кулакъ, живущіе въ предѣлахъ волости, могли бы легко попасть въ волостные старшины, судьи, сельскіе старосты и, прикрываясь законною властью, обдѣлывать свои сословныя и личныя дѣла и дѣлишки какъ вздумается; всякое сопротивленіе ихъ хищничеству и насиліямъ облекалось бы тогда въ форму сопротивленія власти и начальственнымъ распоряженіямъ. Этимъ маневромъ воспользовался во времена оны и ханъ Букѣвской орды, и еще недавно нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ, передъ отмѣной этого учрежденія. Несостоятельность, бѣдность, невѣжество крестьянъ и наслѣдственная безответность ихъ передъ всякимъ начальствомъ такъ велики, что включеніе въ составъ во-

лости элементовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, заставляетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, опасаться именно этихъ послѣдствій и лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія, тѣхъ благодатныхъ результатовъ, о которыхъ мечтаютъ благонамѣренные поборники всесословной волости. Если волостные старшины изъ крестьянъ часто забираютъ въ свою власть мужиковъ и дѣлаютъ безнаказанно все, что хотятъ, то нетрудно угадать, что могутъ дѣлать люди много ихъ опытиѣе, образованиѣе и вліятельнѣе.

Въ настоящее время многіе предлагаютъ передать управленіе крестьянами земству. Будучи образовано изъ всѣхъ мѣстныхъ элементовъ, оно, по своему личному составу, представляетъ, какъ думаютъ поборники этого мнѣнія, наибольшія гарантіи совершеннаго безпристрастія; въ то же время, какъ мѣстное учрежденіе, и притомъ заправляющее мѣстными хозяйственными дѣлами, земство непосредственно и всего болѣе заинтересовано въ томъ, чтобъ крестьяне управлялись какъ можно лучше. Но мы видѣли, что въ большинствѣ земствъ преобладаютъ теперь дворянскіе интересы, почему не только исключительное завѣдываніе земства крестьянскими дѣлами, но и самое участіе большинства теперешнихъ земствъ въ управленіи крестьянами, какъ доказываютъ опытъ и практика, не могутъ быть полезны для крестьянъ. Допустимъ, однако, что земства стали тѣмъ, чѣмъ они должны быть — вполнѣ безпристрастными, чуждыми всякихъ сословныхъ стремленій, представителями мѣстныхъ нуждъ, пользы и интересовъ. Спрашивается, на какомъ справедливомъ основаніи можно было бы возложить на нихъ завѣдываніе крестьянскими дѣлами? Почему же управленіе крестьянъ, а не дворянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ должно быть подчинено земствамъ? Вѣдь законъ призываетъ всѣ мѣстныя сословія и общественные разряды къ завѣдыванію мѣстными дѣлами, слѣдовательно признаетъ ихъ въ этомъ отношеніи равноправными: отчего же эта равноправность можетъ быть нарушена только по отношенію къ крестьянамъ, которые, наравнѣ съ другими, участвуютъ въ земскомъ управленіи посредствомъ своихъ представителей? Одно изъ двухъ: или дѣла всѣхъ составныхъ элементовъ земства должны быть переданы въ его завѣдываніе,

или ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться подъ его управленіемъ. Передача крестьянъ въ завѣдываніе земствъ имѣла бы необходимымъ послѣдствіемъ подчиненіе однихъ сословій другимъ, подчиненіе массы крестьянъ нѣкоторымъ изъ нихъ, вошедшимъ въ составъ земства, въ которомъ они находятся, фактически, въ меньшинствѣ, и должны волей-неволей подчиняться голосу и мнѣніямъ представителей другихъ сословій.

Такимъ образомъ, выходитъ, что ни одинъ изъ мѣстныхъ элементовъ въ отдѣльности и никакая ихъ комбинація не представляютъ прочнаго основанія для созданія сколько-нибудь правильнаго и удовлетворительнаго управленія крестьянами. Такой выводъ прямо показываетъ, что въ самую постановку задачи вкралась ошибка, до сихъ поръ не замѣченная, которая спутываетъ наши сужденія и приводитъ къ неправильнымъ результатамъ. Мы думаемъ, что ошибка заключается въ самой предпосылкѣ всѣхъ нашихъ разсужденій о крестьянскомъ и земскомъ дѣлѣ, которую мы вводили въ соображеніе, не подвергнувъ сперва анализу и провѣркѣ. Мы смѣшиваемъ земское и крестьянское управленіе, считая послѣднее необходимою составною частью перваго, и вслѣдствіе того считаемъ крестьянское устройство и веденіе крестьянскихъ дѣлъ низшей ступенью земскихъ и коронныхъ административныхъ учреждений и ихъ дѣятельности. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ объясненію всѣхъ затрудненій и вмѣстѣ указаніе, какъ изъ нихъ выдти.

Разсуждая объ управленіи дѣлами купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, мы не помышляемъ воспользоваться ихъ сословной организаціей и сословными учреждениями для городскихъ, земскихъ или административныхъ дѣлъ, и очень хорошо понимаемъ, что эти учрежденія существуютъ только для, такъ сказать, домашнихъ сословныхъ дѣлъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. То же самое должно сказать о дворянствѣ. До учрежденія земствъ, дворянскія сословныя учрежденія имѣли значеніе и сословное, и вмѣстѣ земское, по той первенствующей роли, какая принадлежала дворянству въ мѣстномъ управленіи; но гдѣ введены земскія учрежденія, тамъ ббольшая часть мѣстныхъ дѣлъ перешла къ нимъ, а за дворянствомъ удержаны лишь нѣкоторые атрибуты земской власти; въ остальномъ же дворянскія учрежденія обратились въ чисто-

сословныя, завѣдывающія только дѣлами дворянства. Только къ крестьянскому управленію мы примѣняемъ иной масштабъ. Терперщія волостныя и сельскія учрежденія соединяють въ себѣ двойственный характеръ: они, въ одно и то же время, и сословныя крестьянскія, и вмѣстѣ административныя, правительственныя и земскія. На нихъ лежатъ полицейскія обязанности, обязанности по производству дознаній, дѣла рекрутскія, раскладка податей и повинностей, дѣла по земскому страхованію. Такое смѣшеніе частныхъ сословныхъ и общихъ мѣстныхъ, правительственныхъ и земскихъ функцій и создаетъ искусственно вопросъ о завѣдываніи крестьянами и крестьянскими дѣлами. Когда рѣчь идетъ о неспособности крестьянъ къ самоуправленію, о несостоятельности крестьянскихъ властей и учреждений, о необходимости держать ихъ подъ опекою дворянской, правительственной или земской и т. п., рѣчь идетъ о земской и правительственной роли крестьянъ и крестьянскихъ учреждений; ибо свои домашнія сословныя дѣла крестьяне знаютъ какъ нельзя лучше, не хуже другихъ сословій, и если въ веденіи этихъ дѣлъ безнаказанно совершаются большія злоупотребленія, то вина этого всецѣло падаетъ на ошибочную и неудовлетворительную организацію крестьянскихъ властей и судовъ, а также на отсутствіе выработаннаго законодательства для крестьянъ. Для пользы земскаго и крестьянскаго дѣла необходимо строго, точнымъ образомъ, разграничить то, что, въ нанихъ понятіяхъ и въ нашемъ законодательствѣ, слито въ одно. Съ этого и слѣдуетъ начать реформу крестьянскихъ и земскихъ учреждений. Пока такого разграниченія не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ впадать въ неисходныя противорѣчія: или будемъ обращаться къ крестьянскимъ учрежденіямъ съ требованіями, которыми, они, по степеніи культуры крестьянъ, удовлетворить не въ состояніи; или же ставемъ отказывать имъ въ той долѣ самостоятельности, на которую они имѣютъ право наравнѣ съ другими сословіями и которой они, безъ явной несправедливости, не могутъ быть лишены. Напротивъ, какъ только дѣла мѣстнаго и сословнаго управленія будутъ разграничены и одни послѣднія останутся въ завѣдываніи крестьянъ, а первыя отойдутъ по принадлежности къ земскимъ или правительственнымъ органамъ.

вся путаница исчезнетъ, вопросы чрезвычайно упростятся, земское и крестьянское дѣла начнутъ развиваться, не мѣшая другъ другу.

Чтобы правильно провести границу между кругомъ завѣдыванія крестьянъ и различными сферами мѣстнаго управленія, необходимо сперва ясно опредѣлить, что именно входитъ въ кругъ сословныхъ крестьянскихъ интересовъ, и какъ далеко простирается смыслъ и навыкъ крестьянъ въ дѣламъ общественнымъ. То и другое не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Крестьянскія общества не суть только личныя, какъ другія сословныя общества, но вмѣстѣ и территоріальныя, поселенныя на извѣстномъ пространствѣ земли, которая, на томъ или другомъ правѣ, находится во владѣніи и пользованіи крестьянъ, принадлежащихъ къ обществу; съ территоріальнымъ же или поземельнымъ характеромъ находятся въ тѣснѣйшей связи различныя общественныя функціи, имѣющія не частный сословный, а публичный земскій характеръ. Такъ, наприм., охраненіе личной и имущественной безопасности, въ обществахъ съ личнымъ характеромъ, естественно принадлежитъ общей мѣстной полиціи, тогда какъ въ обществахъ территоріальныхъ обязанности общей полиціи и общественныхъ сословныхъ властей по этому предмету, по необходимости, соприкасаются и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже совпадаютъ. Замѣчаніе это относится и ко многимъ другимъ функціямъ. Что касается смысла, навыка и интереса къ дѣламъ общественнымъ, то они у крестьянъ обыкновенно ограничиваются ближайшимъ обиходомъ и тѣсными предѣлами общаго поселенія; за предѣлами села или деревни привычки и интересы общественности дѣйствуютъ уже гораздо слабѣе, и рѣдко когда переходятъ границы волости. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, спѣшимъ прибавить, что мы здѣсь говоримъ не о сочувствіяхъ и сознаніи, которыя у крестьянъ, какъ и у другихъ людей, могутъ обнимать и обнимаютъ цѣлый край или все государство; рѣчь идетъ только о подробномъ знаніи и ясномъ пониманіи дѣлъ общественныхъ и о живомъ дѣятельномъ къ нимъ интересѣ, который побуждаетъ человѣка въ нихъ участвовать и охоту ими заниматься, приложить къ нимъ свои руки. Такого рода общественный духъ и общественный смыслъ

несомнѣнно развить у крестьянъ, но онъ нейдетъ далѣе села, деревни, много-много волости. Теперь и этотъ общественный смыслъ и духъ ослабляются у обитателей деревень вслѣдствіе опеки, которой подчинены крестьянскія общественныя власти въ качествѣ низшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія. Дѣльные, толковые, энергическіе крестьяне, которые, отлично бы умѣли вести домашнія крестьянскія общественныя дѣла и гордились бы своею дѣятельностью и своею ролью, теперь всячески сторонятся отъ общественныхъ должностей изъ боязни попасть подъ отвѣтственность по завѣдыванію тѣмъ, что не относится къ общественному крестьянскому обиходу, въ чемъ они мало смыслятъ и потому волей-неволей попадаютъ въ руки писарей, въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ. Съ этими фактами должно сообразоваться при разграниченіи крестьянскаго сословнаго управленія отъ общаго мѣстнаго, правительственнаго и земскаго. Крестьянскому самоуправленію должны быть предоставлены одни лишь домашнія крестьянскія общественныя дѣла въ границахъ сельской и волостной территоріи; но волости не должны быть обширны; надобно, чтобъ онѣ обнимали лишь ближайшее сосѣдство, за предѣлы котораго связи и частныя сношенія, а съ ними общественный смыслъ и общественное участіе у крестьянъ не простираются; изъ общихъ же мѣстныхъ дѣлъ въ завѣдываніи крестьянъ должны быть оставлены только тѣ, которыя находятся въ такой непосредственной и неразрывной связи съ домашними крестьянскими, что никакъ не могутъ быть отъ нихъ отдѣлены, и притомъ оставлены только въ той мѣрѣ, какъ это совершенно необходимо для правильнаго хода мѣстной общественной жизни. Но и въ этихъ тѣсныхъ границахъ крестьянское самоуправленіе, по низкой степени культуры и развитія крестьянъ, принесетъ имъ и земскому дѣлу не пользу, а вредъ, если не будетъ обставлено условіями, обеспечивающими его правильность и добросовѣстность. У насъ часто смѣшиваютъ самоуправленіе съ автономіей и самосудомъ, тогда какъ между ними есть большая разница. Самоуправленіе крестьянъ, въ означенныхъ выше предѣлахъ, не только желательно, но и необходимо, тогда какъ автономія и самосудъ, при теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ, повели бы только къ не-

устройствамъ и вопіющимъ нарушеніямъ самыхъ неотъемлемыхъ правъ. Обеспеченіемъ правильнаго хода крестьянскаго самоуправленія послужать, во-первыхъ, хорошій сельскій уставъ, точно, ясно и просто опредѣляющій организацію крестьянскихъ учреждений и властей, порядокъ и формы ихъ дѣятельности, ихъ права и обязанности, и во-вторыхъ, судебныя гарантіи. По всѣмъ дѣламъ крестьянскаго самоуправления должны быть устроены, кромѣ крестьянскаго, еще особые суды, близкіе и доступные крестьянскому населенію, для обжалованія рѣшеній крестьянскихъ судовъ, а также дѣйствій и распоряженій крестьянскихъ учреждений и властей. Такіе суды должны быть образованы изъ крестьянъ, съ придаткомъ образованныхъ, знающихъ и опытныхъ юристовъ, и служить регуляторомъ крестьянскаго самоуправления. Въ то же время, они будутъ служить посредниками и связью между крестьянскимъ и общимъ мѣстнымъ управленіемъ.

Съ выдѣленіемъ крестьянскаго сословнаго управленія, всѣ остальные мѣстныя дѣла должны быть изъяты изъ завѣдыванія крестьянскихъ сословныхъ учреждений и должностныхъ лицъ и переданы, по принадлежности, въ руки общихъ мѣстныхъ правительственныхъ и земскихъ учреждений и властей. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какъ и на какихъ началахъ надлежало бы организовать общее мѣстное управленіе, освобожденное отъ чуждой ему сословной примѣси: предметъ этотъ не входитъ въ нашу задачу и отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только мимоходомъ, что точное ограниченіе его отъ сословнаго крестьянскаго упростило бы его существенно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы теперь не знаемъ, какъ согласить довольно высокія требованія отъ волостныхъ старшинъ съ невѣжествомъ и безграмотностью лицъ, избираемыхъ въ эту должность, какъ улучшить личный составъ волостныхъ писарей, которые, при смѣшеніи крестьянскаго управленія съ общимъ мѣстнымъ и прѣ теперешнемъ состояніи крестьянства, не могутъ не играть выдающейся роли въ веденіи дѣлъ; мы ломаемъ себѣ голову, какимъ бы образомъ сдѣлать участіе крестьянъ въ дѣлахъ земства болѣе дѣятельнымъ и полезнымъ и установить въ земскомъ управленіи равновѣсіе между различными земскими элементами и интересами. Всѣ эти и многіе имъ подобные вопросы, кажушіеся почти неразрѣши-

ыми, отпали бы вовсе или разрѣшились легко и просто, съ извѣтiемъ общихъ мѣстныхъ дѣлъ изъ завѣдыванiя крестьянъ. Волостныя правленiя обратились бы тогда въ чисто крестьянскiя сословныя учрежденiя; волостные писаря сдѣлались бы вовсе ненужными; на мѣсто ихъ появились бы органы мѣстнаго управленiя, непосредственно зависящiе отъ общихъ мѣстныхъ учрежденiй, дѣйствующiе подъ ихъ контролемъ и по ихъ указанiямъ, и сами отвѣчали бы за свои дѣйствiя. Вопросъ о представительствѣ различныхъ мѣстныхъ элементовъ въ земскихъ учрежденiяхъ, съ выдѣленiемъ крестьянскаго управленiя въ особую, самостоятельную группу, въ значительной степени потерялъ бы свою важность, въ особенности, если, какъ и слѣдуетъ ожидать, образовательный цензъ займетъ приличное ему мѣсто въ уставѣ о земскомъ представительствѣ.

Чтобы пояснить нашу мысль, укажемъ, въ общихъ чертахъ, какiя дѣла слѣдовало бы, при такомъ разграниченiи, отнести къ общему мѣстному, и какiя — къ крестьянскому управленiю.

Самимъ крестьянамъ и ихъ учрежденiямъ надлежало бы, по самому существу дѣла, предоставить на всемъ пространствѣ крестьянской территорiи прекращенiе всякихъ дѣйствiй и фактовъ, нарушающихъ личную неприкосновенность и безопасность, а также владѣнiе и имущественныя права; задержанiе людей, совершившихъ преступленiе; раскладка, сборъ и внесенiе, куда слѣдуетъ, денежныхъ податей; распределенiе и отправленiе натуральныхъ повинностей между лицами, принадлежащими къ составу сельскаго или волостнаго общества; составленiе и представленiе списковъ лицъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность; завѣдыванiе и распоряженiе землями, входящими въ составъ общественной территорiи, и вообще движимымъ и недвижимымъ общественнымъ имуществомъ, въ предѣлахъ правъ, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; наконецъ, призрѣнiе сиротъ и бѣдныхъ. Всѣ прочiя дѣла управленiя, какъ-то: по народному продовольствiю, народному образованiю, полицiи народнаго здравiя, путей сообщенiя, строительной, пожарной, торговой, фабричной и ремесленной и т. п., должны быть совершенно исключены изъ крестьянскаго управленiя и всецѣло перейти въ завѣдыванiе общихъ мѣстныхъ учрежденiй и властей.

Крестьянскія общества не должны быть, ни подъ какимъ предлогомъ, обременяемы ни перепиской, ни срочными вѣдомостями, ни требованіемъ свѣдѣній по такимъ дѣламъ. Имъ только должно быть вмѣнено въ обязанность доводить до свѣдѣнія ближайшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія о событіяхъ извѣстнаго рода, какъ наприм., о появленіи заразы, повальныхъ болѣзней, вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ и т. п.; но всѣ обязанности такого рода должны быть точно и опредѣлительно перечислены въ сельскомъ уставѣ; они могутъ быть расширяемы лишь закономъ, а не по усмотрѣнію властей. Въ то же время крестьянскія общества и власти должны имѣть право доводить до свѣдѣнія общаго мѣстнаго управленія, или его органовъ, обо всемъ, на что, по соображенію крестьянъ, нужно или полезно обратить вниманіе общаго мѣстнаго управленія.

Остается часть судебная и нотаріальная. Она, какъ мы думаемъ, подлежитъ коренному преобразованію.

Во-первыхъ, компетенція крестьянскихъ судовъ должна быть ограничена спорами и нарушеніями только по такимъ предметамъ, которые предоставлены завѣдыванію крестьянъ, съ ограниченіемъ гражданскихъ тяжбъ извѣстною небольшою суммою, а наказаній — извѣстною незначительною суммою денежнаго штрафа и непродолжительнымъ арестомъ. Прочія затѣмъ спорныя дѣла и нарушенія должны быть отнесены къ компетенціи мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій. Во-вторыхъ, необходимо возстановить юрисдикцію сельскихъ обществъ по дѣламъ, касающимся ихъ членовъ, или возникающимъ въ предѣлахъ сельской территоріи; волостной же юрисдикціи должны быть подвѣдомы тѣ же самыя дѣла, но между различными сельскими обществами или членами разныхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ одной и той же волости. За исключеніемъ этого различія компетенція сельскихъ и волостныхъ судовъ должна быть совершенно одинакова, съ апелляціею, на рѣшенія и постановленія тѣхъ и другихъ судовъ, въ суды, образованные изъ крестьянъ и юристовъ. Послѣдніе суды должны рѣшать всѣ дѣла окончательно. Сельская юрисдикція можетъ быть, по желанію и усмотрѣнію крестьянъ, отнесена къ сельскимъ сходамъ, или къ особымъ сельскимъ судамъ. Организанія сельскихъ сходовъ, въ качествѣ судеб-

ныхъ утреждений, судовъ сельскихъ, волостныхъ и апелляціонныхъ, а равно и правила процедуры и исполненія рѣшеній и приговоровъ должны быть опредѣлены въ главныхъ чертахъ, безъ мелочныхъ подробностей, въ особомъ крестьянскомъ судебномъ уставѣ, который давно уже составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей.

Точно такую же потребность составляетъ и нотаріальный крестьянскій уставъ, съ точнымъ и яснымъ опредѣленіемъ компетенціи крестьянскаго нотаріата, его организаціи и законной силы крестьянскихъ нотаріальныхъ актовъ. Всякаго рода договоры и условія въ предѣлахъ волости, до извѣстной суммы, могутъ быть, какъ мы думаемъ, совершаемы при волостныхъ судахъ, хотя бы лица, заключающія договоры и сдѣлки, не принадлежали къ числу крестьянъ; завѣщанія же крестьянъ могутъ быть, по ихъ желанію, совершаемы при апелляціонныхъ крестьянскихъ судахъ и утверждаемы ими къ исполненію, если завѣщатели живутъ въ округѣ того суда. Наконецъ, при тѣхъ же апелляціонныхъ судахъ могутъ быть совершаемы крѣпостные акты на недвижимое имущество, не превышающее извѣстной цѣны или извѣстнаго пространства земли.

Таковы должны быть общія черты крестьянскаго управления, какъ мы его себѣ представляемъ. Мы глубоко убѣждены, что только въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать разрѣшенія задачи, которая теперь занимаетъ правительство, обсуждается въ земскихъ собраніяхъ и глубоко интересуетъ всѣхъ мыслящихъ людей. При нашемъ теперешнемъ положеніи, едва ли возможенъ другой выходъ изъ тѣхъ трудностей, на которыя мы наталкиваемся на каждомъ шагѣ при обсужденіи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ земскаго и крестьянскаго управления.

Ознакомившись съ нашимъ взглядомъ, читатели, можетъ быть, заподозрятъ насъ въ желаніи возвратиться къ прежнему раздѣленію русскаго общества на сословія, значительно ослабленному реформами минувшаго царствованія. Но такое подозрѣніе было бы несправедливо. Говоря о необходимости выдѣлить и обсуждать особливо вопросъ объ устройствѣ и управленіи крестьянъ, мы далеки отъ мысли разсматривать ихъ, какъ особое, замкнутое сословіе; также мало хотѣли бы мы увѣковѣчить ихъ тепереш-

нию изолированность посреди другихъ слоевъ рускаго общества. Но нельзя закрывать глаза на то, что прошедшее, исторія завѣщала намъ до сихъ поръ еще рѣзко между собою различныя общественныя и государственныя разряды или „чины“, которые до Петра Великаго почти походили на касты. Только въ XVIII вѣкѣ они переименованы въ сословія. Непереступаемыя границы, раздѣлявшія ихъ между собою, въ теченіе того же и текущаго столѣтія значительно вывѣтривались, частью совсѣмъ сгладились; но созданныя долгою жизнью по разрядамъ и сословіямъ бытовыя различія нравовъ, привычекъ и возрѣній удержались до нашего времени, такъ же какъ и бывшія прежде взаимныя отношенія этихъ разрядовъ и сословій. Кромѣ того, различіе занятій и общественныхъ положеній создаетъ и навсегда удержитъ разные интересы, раздѣляющіе или соединяющіе людей. Разсуждая объ общественномъ устройствѣ и управленіи нельзя не принимать въ соображеніе этихъ историческихъ и бытовыхъ различій; волей-неволей мы должны съ ними считаться. Безъ сомнѣнія, надо всячески стараться соединять и сводить вмѣстѣ разныя общественныя группы въ дѣлахъ общаго ихъ интереса; но будемъ помнить и то, что отъ нашего желанія и постановки задачи факты вдругъ по щучьему велѣнію не перемѣняются и лишь медленно, черезъ многія поколѣнія исчезаютъ или получаютъ новый видъ. Пока еще живы взаимныя бытовыя предубѣжденія разныхъ нашихъ классовъ, пока ихъ интересы еще сталкиваются и расходятся, хотя бы только вслѣдствіе ошибочныхъ понятій и предрассудковъ; пока не только степень, но и самый характеръ культуры нашихъ различныхъ званій и общественныхъ разрядовъ очень замѣтно между собою разнятся, до тѣхъ поръ надо всячески облегчать переходы изъ одного класса въ другой, устранять всѣ препятствія къ ихъ взаимному сближенію, но невозможно, на основаніи одной юридической или политической фикціи, строить общественное зданіе и мѣстное управленіе. Крестьянство есть особая бытовая группа, имѣющая свои особыя интересы, нравы, понятія, складъ ума и весьма отсталая по культурѣ. Всѣмъ этимъ она поставлена особнякомъ между другими группами, и потому должна быть въ нихъ выдѣлена не юридически или политически, а по самому факту, и имѣть возможность оставаться выдѣленною, пока ея особенности будутъ того требовать.

Кромѣ того, низшая степень развитія крестьянъ, своеобразныя условія и формы ихъ быта настоятельно требуютъ восстановления учрежденія, когда-то у насъ существовавшаго подъ разными формами, но впоследствии отмѣненнаго и теперь забытаго. Мы говоримъ о стряпчихъ по дѣламъ крестьянскимъ. Принадлежа, въ видѣ особаго сословія, къ составу общества и государства, крестьяне находятся, внѣ тѣснаго круга своей общественной жизни, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другими классами и сословіями, съ сословными, земскими и правительственными, мѣстными и центральными учреждениями и должностными лицами. Эти сферы мало имъ извѣстны или неизвѣстны вовсе, а общественная и государственная жизнь, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ ступеней къ вершинамъ, по самому существу дѣла становится сложнѣй, искусственинѣй и формальнѣй. Въ этой, чуждой ему средѣ, крестьянинъ совершенно теряется и ходитъ какъ въ лѣсу. Оно и понятно. Чтобъ найтись въ ней, мало одной бытовой умѣлости и сметки, которая выручаютъ въ тѣсномъ кругу мелкихъ интересовъ и ежедневныхъ сношеній: нужно знаніе законовъ и людей, извѣстная степень образованности, знакомство съ дѣлами суда и администраціи и нѣкоторая опытность въ ихъ веденіи. Всего этого крестьянину недостаетъ. Оттого, выйдя изъ круга близкихъ ему сельскихъ отношеній, онъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, путается, дѣлаетъ массу ошибокъ, которая тяжко отзываются на его карманѣ; нерѣдко становится по незнанію нарушителемъ законовъ, безвинно подвергается различнымъ карамъ и попадаетъ, беззащитный, въ руки разныхъ обманщиковъ и проходимцевъ, которые, подъ видомъ помощи и заступничества, безсовѣстно и безстыдно его обираютъ. Во времена крѣпостнаго права, естественными оберегателями, совѣтниками и ходатаями помѣщичьихъ крестьянъ были, въ такихъ случаяхъ, помѣщики; нѣкоторые изъ нихъ исправляли эту обязанность очень усердно и добросовѣстно. Потребность въ оберегателяхъ личности и имущества крестьянъ ясно сознавало во времена оны и правительство. Для удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ были учреждены особые стряпчіе, которыхъ обязанность состояла въ ходатайствѣ по дѣламъ крестьянскимъ. Но съ отмѣною крѣпостнаго права и соединеніемъ всѣхъ крестьянъ въ

одно свободное крестьянское состояніе подъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, охрана со стороны помѣщиковъ исчезла, должность стряпчихъ упразднена, и крестьяне предоставлены собственнымъ силамъ, правильнѣе сказать — собственной слѣпотѣ и беспомощности и выданы головою нахальному и алчному безстыдству частныхъ ходатаевъ. О восстановленіи охраны и защиты крестьянъ и ихъ интересовъ въ прежнемъ видѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Патронать и опека надъ крестьянами извращали принципъ такой охраны и защиты, въ существѣ совершенно правильный и отвѣчавшій дѣйствительной потребности: огражденіе крѣпостныхъ крестьянъ зависѣло отъ доброй воли помѣщика; стряпчіе чиновники навязывали не всегда безкорыстно свою помощь крестьянамъ и обратили ее во власть и подчиненіе. Съ тѣхъ поръ, что крѣпостное право и опека надъ крестьянами упразднены, старинныя формы попечительства надъ ними не могли удержаться; но потребность въ попечительствѣ, конечно, въ другомъ видѣ и въ другихъ формахъ, существуетъ и долго будетъ существовать вездѣ, гдѣ быть, культура и возрѣнія высшихъ и низшихъ слоевъ общества существенно различны, гдѣ рядомъ съ сложнымъ правительственнымъ механизмомъ и болѣе зрѣлой гражданственностью живутъ большія земледѣльческія массы, туго, медленнодвигающіяся въ условія культурной жизни и культурной обстановки. Только благодаря незнанію и непониманію русской дѣйствительности, попечительство надъ крестьянами могло быть забыто во время крестьянской реформы и вычеркнуто изъ числа крестьянскихъ учреждений. Давно пора его установить вновь, въ формахъ, соответствующихъ новому положенію вещей. Необходимо, чтобъ крестьяне имѣли, когда имъ нужно и когда они сами захотятъ, къ кому обратиться съ полнымъ довѣріемъ за указаніемъ, совѣтомъ, помощью и защитою по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Къ ихъ услугамъ должны быть поставлены люди добросовѣстные, знающіе, опытные, назначенные правительствомъ и имъ рекомендуемые. Потребность въ такихъ попечителяхъ или ходатаяхъ и стряпчихъ для крестьянъ указывается самою жизнью. Въ кругѣ присяжной адвокатуры есть не мало почтенныхъ лицъ съ выдающимся положеніемъ и именемъ, которыя охотно и безкорыстно

отдают свое время и свои труды на защиту крестьянъ въ судахъ. Въ нашемъ молодомъ образованномъ поколѣніи сочувственное отношеніе къ крестьянству составляетъ характеристическую черту. Изъ этого матеріала было бы легко выработать институтъ официальныхъ крестьянскихъ попечителей и стряпчихъ, въ замѣну теперешнихъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ, къ которымъ крестьяне невольно попадаютъ въ руки, не зная къ кому обратиться. При заботливомъ и тщательномъ выборѣ лицъ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, а по дѣйствительнымъ качествамъ, достоинствамъ и любви къ дѣлу, такіе попечители и ходатаи, официально признанные въ этомъ званіи, съ обязанностью давать совѣтъ и помощь крестьянамъ, съ правомъ вести ихъ дѣла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, за условное или определенное умѣренное вознагражденіе, принесли бы огромную пользу, предохраняя крестьянъ во многихъ случаяхъ отъ большихъ потерь и разоренія. Такіе официальные повѣренные и стряпчіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ; смотря по надобности, ихъ должно быть по нѣскольку. О существованіи ихъ должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе понятнымъ и доступнымъ и для малограмотныхъ людей образомъ, чтобъ крестьяне знали, къ кому могутъ съ полнымъ довѣріемъ обращаться съ своими дѣлами и нуждами.

Окончимъ этотъ очеркъ крестьянскихъ учреждений и крестьянскаго управленія однимъ общимъ замѣчаніемъ. Теперь съ разныхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости сближенія между различными слоями русскаго общества и въ особенности о необходимости засыпать ту бездну, которая раздѣляетъ крестьянство отъ образованныхъ классовъ и интеллигенціи. Къ этой задачѣ подходить все чаще и чаще, съ самыхъ различныхъ сторонъ, всѣ направленія русской мысли, враждебныя другъ другу во всемъ остальномъ и въ самой постановкѣ вопроса. Это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что задача назрѣваетъ и выдвигается на первый планъ насущными потребностями дѣйствительной жизни, которая у насъ къ сожалѣнію слишкомъ часто опережаетъ мысль и застаётъ насъ врасплохъ, неприготовлен-

ними. Пока мы съ ожесточеніемъ споримъ о народной правдѣ и народномъ духѣ, котораго никто еще не разгадалъ, прежній бытъ крестьянскихъ массъ, ихъ міросозерцаніе и вѣрованія разлагаются, и это разложеніе, какъ вездѣ и всегда, обнаруживается въ крайне ненормальныхъ, оттапливающихъ явленіяхъ, рядомъ съ свѣтлыми проблесками, указывающими на попытки замѣнить старинныя основанія жизни и возрѣній другими, ближе подходящими къ стремленіямъ и понятіямъ культурныхъ слоевъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это явленіе, но оно показываетъ, что на встрѣчу направленію, побуждающему образованные классы сближаться съ крестьянскими массами, въ послѣднихъ тоже идетъ бессознательная, темная, стихійная работа, приближающая ихъ, пока еще медленно, къ культурнымъ и образованнымъ слоямъ. Посреди хаоса и мрака, въ которыхъ мы влечимъ нашу убогую жизнь, каждому мыслящему человѣку, безъ сомнѣнія, случалось наталкиваться на факты, доказывающіе, что такая двойная работа у насъ дѣйствительно совершается. Только крайняя близорукость или вольное и невольное ослѣпленіе могутъ помѣшать ихъ разглядѣть или понять ихъ громадное значеніе для нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. Что результатомъ такой работы будетъ, рано или поздно, коренное перерожденіе и высшихъ, и низшихъ слоевъ русскаго народа, — это можно предсказать уже теперь, не будучи пророкомъ. Пора отнестись къ этому нарождающемуся факту, благодатному зародышу лучшаго будущаго, со всею серьезностью и вниманіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ по своей неизгнѣримой важности. Пора, давно пора разстаться съ напрасными надеждами снова забрать крестьянство въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, промышленной и торговой буржуазіи, или, напротивъ, воспользо-ваться крестьянскими массами для политическаго или соціальнаго переворота; но пора также и перестать бояться соприкосновенія интеллигенціи и нарождающихся молодыхъ силъ съ крестьянскимъ населеніемъ. Такая боязнь совершенно понятна со стороны тѣхъ, которые все еще надѣются, тѣмъ или другимъ способомъ, въ томъ или другомъ видѣ, удержать народныя массы въ черномъ глѣбѣ и забрать ихъ въ руки высшихъ слоевъ; но съ точки зрѣнія правильной внутренней политики подобная боязнь —

большое недоразумѣніе и ошибка, уже повлекшія за собою самыя горестныя послѣдствія. Судить по нѣкоторой и притомъ небольшой части молодежи о всей молодежи такъ же странно и несправедливо, какъ по нѣкоторымъ органамъ печати составлять себѣ понятіе о всей печати, или по нѣкоторымъ офицерамъ и чиновникамъ произносить приговоръ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ. Интеллигентная молодежь вездѣ отражаетъ въ себѣ, въ преувеличенномъ видѣ, мысли и направленія образованнаго общества, котораго нельзя же разобщить съ простымъ народомъ. Въмѣсто того, чтобъ задерживать естественный порывъ молодыхъ силъ къ дѣятельности, — ими, напротивъ, надо воспользоваться въ интересахъ общества и государства и направить ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Безкорыстная, самоотверженная, идейная любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣденныхъ нищетой, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ, — въ должностяхъ народныхъ учителей, низшихъ полицейскихъ служителей, письмоводителей, станovýchъ, исправниковъ, мировыхъ судей и сѣздовъ, земскихъ управъ, въ званіи фельдшеровъ и т. п. Такая мысль покажется инымъ безумной, пожалуй даже злонамѣренной и преступной; но мы глубоко убѣждены, что будь она осуществлена ранѣе, не было бы многихъ несчастій, которыя мы пережили, много сохранилось бы молодыхъ силъ, потраченныхъ и погибшихъ даромъ, бесплодно, и броженіе, пайда естественный выходъ, не приняло бы остраго характера, который надѣлалъ столько зла. Не зная народа, склада его ума и возрѣвій, мы, со словъ генерала Фадѣева и ему подобныхъ, воображаемъ, что наши земледѣльческія крестьянскія массы — волнующееся море западно-европейскихъ рабочихъ и пролетаріевъ, что стоитъ бросить въ нихъ искру, чтобъ произвести всеобщій пожаръ; а на повѣрку оказывается, что и европейскіе фабричныя рабочіе и пролетаріи со всѣмъ не такой легко-воспламеняющійся матеріалъ, какимъ намъ его изображали писатели скарятинскаго образа мыслей; наши же сельскія массы и подавно далеко не такъ политически подвижны, какъ многимъ думается. Еслибъ нашей интеллигентной молодежи были настезь открыты двери въ низшія должности, имѣющія не-

посредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго. Фразеры, болтуны, рисующіеся либерализмомъ, скоро бы соскучились въ средѣ, гдѣ фразами и словами ничего не подѣлаешь и гдѣ жадныхъ слушателей, эплодирующихъ либеральнымъ воззрѣніемъ, не существуетъ. Простой народъ въ деревняхъ фразами не поднимешь. Ему, въ его низменной долѣ, нужны дѣла, услуги, факты: имъ только оны повѣрять, но и то не вдругъ, а годами. Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь какова она есть, и найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великою пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хоть кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехъ-лѣтней службы, выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и, что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе. Теперь такихъ полезныхъ дѣятелей было бы уже много между нами. Очистивъ темныя дебри сельскаго и низшаго чиновничества, они бы пригодились и въ провинціальной, и центральной службѣ.

На простую мысль—обновить у насъ низшій служебный персоналъ молодыми образованными силами, у насъ теперь начинаютъ указывать съ разныхъ сторонъ. Земства желаютъ пониженія имущественнаго ценза и возраста для вступленія въ земскую службу и введенія ценза образованія, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ привлечь въ провинцію молодыхъ образованныхъ силы и дать имъ возможность тамъ, на мѣстѣ, подготовиться къ земской дѣятельности. Возникаетъ и другая, весьма плодотворная, мысль поднять должность волостного писаря и соединить съ нею приличное содержаніе, для того, чтобъ образованные молодые люди съ этой должности начинали свою службу и не могли занять никакого мѣста по министерству внутреннихъ дѣлъ иначе, какъ прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостными писарями. Рано или поздно, въ той или другой формѣ, мы должны, наконецъ, придти къ убѣжденію,

что образованныя молодая силы могут съ пользою начать служить государству и странѣ не прежде, какъ хорошо ознакомившись на мѣстахъ, практически, съ бытомъ, привычками и возрѣніями народной массы. Этимъ путемъ достигнута, въ одно и то же время, двѣ полезныя цѣли: гнѣть безобразнѣйшаго и хищническаго приказнаго сельскаго люда, тяготѣющій теперь на народныхъ массахъ, будетъ существенно облегченъ; мракъ, царящій въ нихъ, понемногу начнетъ рѣдѣть подѣ влияніемъ справедливости и человѣческихъ понятій, которыя образованная молодежь внесетъ въ свои отношенія къ народу; а въ то же время въ составъ земства и въ государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ внесутся свѣжіе элементы, теоретически образованные и выѣстѣ практически знакомые съ народнымъ бытомъ и народными потребностями, чего намъ такъ недостаетъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Образование, рано или поздно, должно пробраться и проникнуть въ народныя массы и коренно преобразовать ихъ бытъ и нравы; лучше же, чтобъ оно проникало этимъ, нормальнымъ путемъ, видимымъ для всѣхъ, чѣмъ потайными боковыми источниками, которые текутъ во мракъ, незамѣтно ни для кого, и раздражаются внезапностями, часто опаснаго характера, которыхъ невозможно предвидѣть и отстранить во-время. До сихъ поръ мы старались вносить въ массы образование чрезъ усиленіе влиянія и власти зажиточныхъ, владѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ слоевъ общества, и ничего этимъ не достигли, только усложнили и запутали наше внутреннее положеніе. Остается избрать другой путь, который мы до сихъ поръ упорно отвергали, какъ вредный и опасный. Онъ на дѣлѣ окажется наилучшимъ и принесетъ благіе плоды.

VII.

Какъ бы ни были сами по себѣ полезны и благотворны иѣры, предлагаемыя для устройства и поднятія у насъ крестьянскаго быта, онѣ, смѣло можно сказать, не приведутъ ни къ чему, пока наши крестьяне будутъ оставаться на той степени умственнаго, нравственнаго и гражданскаго развитія и культуры, на какой теперь находятся. Мы говоримъ преимущественно о великорусскихъ крестьянахъ, съ которыми ближе знакомы. Они составляютъ огромное большинство въ русскомъ государствѣ и потому естественно занимаютъ самое видное мѣсто во всѣхъ разсужденіяхъ и заботахъ объ устройствѣ сельскаго населенія имперіи. Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія. Объ нее, какъ о подводный камень, разбиваются въ прахъ всѣ самыя энергическія усилія, откуда бы они ни шли, къ улучшенію нашего внутренняго положенія. О чемъ бы мы ни заговорили — о самоуправленіи, гражданскихъ и политическихъ правахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о водвореніи у насъ добрыхъ нравовъ, о промышленности, торговлѣ, судѣ, полиціи — вездѣ и во всемъ мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ невѣжествомъ крестьянъ, ихъ неразвитостью, отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ культурныхъ понатій и привычекъ. Они представляютъ то упорнѣйшее, непобѣдимое препятствіе, передъ которымъ всякая сила въ концѣ-концовъ ослабѣваетъ, въ сознаніи своей несостоятельности и ничтожества. Народное образованіе, — вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными.

Къ несчастію, именно по этому предмету существуетъ въ нашихъ образованныхъ слояхъ самое рѣзкое разномысліе, самыя странныя и поразительныя недоразумѣнія. Ни въ чемъ разбродъ

мыслей не выражается съ такою яркостью и выпуклостью, какъ во взглядахъ на народное образованіе. Мы вообще бѣдны интеллигенціей и культурными силами; а разногласіе по важнѣйшей изъ всѣхъ нашихъ современныхъ задачъ парализуетъ дѣятельность и тѣхъ немногихъ, какія есть на лицо, и борьба съ нарочитымъ невѣжествомъ, предрасудками, дурными привычками и безобразными понятіями и нравами по необходимости отлагается; а время, между тѣмъ, уходитъ, увеличивая трудности для будущихъ поколѣній. Несмотря на то, что вопросъ о народномъ образованіи поднятъ и обсуждается у насъ уже давно, мы не только не успѣли согласиться въ мѣрахъ и способахъ, какъ вести это дѣло, но не могли даже столковаться о томъ, — нужно ли народу образованіе или нѣтъ, полезно оно ему, или вредно, и споръ объ этомъ грозитъ сдѣлаться нескончаемымъ.

Многіе отрицаютъ необходимость народнаго образованія, — странно сказать, во имя національнаго величія и доблестей русскаго народа! Патриоты этого пошиба разсуждаютъ такъ: русскій народъ основалъ обширное и могущественное государство, выказалъ великія военныя и гражданскія добродѣтели и политическій смыслъ въ битвахъ, въ эпохи внутреннихъ настроеній и смутъ; онъ сумѣлъ сохранить и поддержать государственную власть неприкосновенной въ години самыхъ тяжелыхъ испытаній. Какое же ему еще нужно воспитаніе и образованіе, когда онъ всею своей жизнью и исторіей доказалъ, что воспитанъ и образованъ болѣе, чѣмъ многіе другіе народы, считающіеся образованными?

Ошибочность такого взгляда бросается въ глаза. Поборники его останавливаются на однихъ крупныхъ событіяхъ и эпохахъ русской исторіи, когда національная и политическая живучесть русскаго народа, подвергнутая испытанію великими народными бѣдствіями, выразилась съ особенной силой, соединяютъ эти событія и эпохи въ дѣйствительно знаменательную и поразительную картину и по ней составляютъ себѣ понятіе объ образованіи и культурѣ русскаго народа. Но національное сознаніе, національный духъ не имѣютъ съ ними ничего общаго. Живучесть, чувство само-сохраненія присущи великимъ историческимъ народамъ, пока они живутъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, и въ эпоху дикости,

и въ эпохи высокаго просвѣщенія. Культура не касается этой стороны народной жизни, а выражается въ ежедневномъ будничномъ, общественномъ и домашнемъ бытѣ народа.

И дикіе, и образованные народы могутъ быть и не быть одушевлены національнымъ чувствомъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что ненормальныя, болѣзненные явленія въ ежедневномъ, домашнемъ бытѣ народа, съ которыми онъ не умѣетъ справиться по недостатку культуры, часто отражаются, въ концѣ-концовъ, и на внѣшней политической его жизни.

Такъ-называемые славянофилы занимаютъ въ вопросѣ о народномъ образованіи своеобразное положеніе, послѣдовательно вытекающее изъ ихъ основныхъ возрѣній. Такъ какъ взглядъ ихъ чрезвычайно распространенъ и раздѣляется значительнѣйшимъ большинствомъ русскаго общества, въ томъ числѣ множествомъ лицъ, не принадлежащихъ къ славянофильскому лагерю, то необходимо разсмотрѣть этотъ взглядъ подробнѣе.

Славянофилы не отрицаютъ необходимости народнаго образованія. Напротивъ, они относятся къ нему весьма сочувственно, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно строго сообразовалось съ направлениемъ, которое они, съ своей точки зрѣнія, считаютъ единственно полезнымъ и благотворнымъ для русскаго народа. А ихъ точка зрѣнія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: всѣ качества и добродѣтели въ высшей степени соединены въ русскомъ народѣ, какимъ его воспитала и выработала древняя, до-петровская Россія. Простой русскій народъ, незараженный европейскими вліяніями, представляетъ по преимуществу типъ челоуѣка. Въ основаніи всѣхъ его духовныхъ и нравственныхъ качествъ лежитъ глубокая религіозность, внѣдренная въ него православіемъ. Такъ-называемое образованіе, которое приходитъ къ нему изъ городовъ и отъ культурныхъ слоевъ русскаго общества, пропитано европейскими вліяніями, сосредоточено, какъ и въ Европѣ, на улучшеніяхъ внѣшняго быта, но чуждо нравственныхъ и религіозныхъ началъ, и потому, вмѣсто истиннаго образованія, несетъ съ собою только внѣшнее благообразіе и внутреннее духовное растрѣпаніе. Благодаря ему, въ деревняхъ добрыя старыя нравы и обычаи падаютъ; вмѣсто единенія, христіанскаго смиренія, любви и довѣрія, между людьми

водворяются раздоръ, злоба, неправда и обманъ, развращеніе нравовъ, ослабленіе семейныхъ связей. Такое мнимое образованіе приноситъ рускому народу не пользу, а вредъ, и усиливать, распространять его, значить ускорять и обострять процессъ разложенія здоровой нормальной русской жизни и русскаго національнаго быта. Истинное, желательное у насъ образованіе народа должно заключаться въ утвержденіи его въ ученіи православной церкви, въ послушаніи ея постановленіямъ, въ соблюденіи, во всей чистотѣ, добрыхъ старшихъ нравовъ и народныхъ преданій.

Вся эта аргументація, съ ея предпосылками, выводами и заключеніями, кажется намъ ошибочной, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Славянофильскій взглядъ предполагаетъ, какъ доказанное и несомнѣнное, что извѣстныя умственныя и нравственныя качества народа, его религіозныя вѣрованія и воззрѣнія, его бытъ, нравы, обычаи и привычки должны неизмѣнно оставаться одни и тѣ же, что ихъ ослабленіе и измѣненіе есть признакъ упадка народной жизни и народнаго духа. Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Изученіе исторіи доказываетъ, что вѣрованія, воззрѣнія, бытъ и нравы народа, въ любое данное время, представляютъ результатъ различныхъ эпохъ культуры, пережитыхъ народомъ, слѣдовательно, не суть прирожденные, не явились вдругъ, сразу, а создавались постепенно, измѣнялись и переходили черезъ разные фазисы или эпохи развитія. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе и упадокъ вѣрованій и формъ народнаго быта еще не доказываетъ упадка народной нравственности или религіозности; это служитъ только вѣрнымъ признакомъ, что послѣдняя фаза или эпоха развитія народа приходитъ къ концу и нарождается другая, потребность которой всегда является сначала въ видѣ равнодушія къ существующему, и болѣе или менѣе рѣзкаго сознательнаго его отрицанія. Вотъ почему невозможно смѣшивать природныя народныя качества и свойства съ установившимися обычаями, воззрѣніями и вѣрованіями и принимать послѣднія за первыя. Народныя качества и свойства выражаются въ разныхъ эпохи развитія въ разныхъ формахъ, свойственныхъ данному времени и обстоятельствамъ, часто бываютъ скрыты и какъ-бы вовсе не существуютъ, а потомъ, при благоприятныхъ

условіяхъ, выступаютъ съ большою рельефностью; также и наоборотъ: извѣстныя черты народнаго характера, ярво выдававшіяся сначала, въ послѣдствіи совсѣмъ исчезаютъ. Только у долго существовавшаго и дѣйствовавшаго народа, при пристальномъ изученіи его въ разныя эпохи его исторіи, удается подмѣтить нѣкоторыя особенности и характеристическія свойства, которыя красной ниткой проходятъ чрезъ всю его жизнь и могутъ быть признаны за отличительныя черты его національнаго характера. Смѣшивать ихъ съ добродѣтелями и пороками, свойственными той или другой эпохѣ, значило бы заранѣе сдѣлать невозможнымъ правильный выводъ о характерѣ и свойствахъ народа и о значеніи переходовъ и колебаній, которымъ быть его и вѣрованія подвергаются въ продолженіе его исторіи.

Славянофилы объясняютъ всѣ совершенства русскаго народа воспитаніемъ его въ до-петровской Россіи въ духѣ православія и потому требуютъ, чтобъ въ томъ же духѣ образованіе народа продолжалось и теперь. Такое требованіе, хотя бы оно и было справедливо и вѣрно по отношенію къ православному населенію, не можетъ сдѣлаться программой народнаго образованія для цѣлаго государства, считающаго раскольниковъ, сектантовъ и ино-вѣрцевъ десятками милліоновъ. Чѣмъ же замѣнить ее для нихъ? Религіознымъ направленіемъ народнаго образованія въ духѣ той вѣры, какую каждый исповѣдуетъ? Но программа славянофиловъ систематически враждебна такому отвѣту на вопросъ, ибо она признаетъ только православіе религіозной истиной и только его считаетъ способнымъ вести людей къ совершенству. Или исключеніемъ религіи и вѣроученія изъ программы образованія тѣхъ, которые не исповѣдуютъ православія? Но это было бы столько же противно доктринѣ, ставящей вѣроученіе во главу угла народнаго воспитанія и образованія. Такимъ образомъ, взглядъ славянофильской школы не разрѣшаетъ весьма важнаго вопроса: въ какомъ направленіи должно быть ведено образованіе неправославныхъ подданныхъ русскаго государства. Съ этой неполнотой еще можно было бы помириться, еслибъ самая программа славянофиловъ, признающая православіе за единую истину и строящая на этой истинѣ всю систему народнаго образованія, не порождала въ крайнихъ ея ревнителяхъ и поборникахъ со-

вершено естественнаго стремленія водворить истину православія и между неправославными подданными. Разъ великороссъ признавъ идеаломъ истиннаго христіанина и человека, стремленіе обратить всѣхъ не только въ православныхъ, но и въ великороссовъ рождалось само собой, и И. С. Аксаковъ весьма послѣдовательно отрицалъ у малорусскаго нарѣчія право на существованіе въ видѣ литературнаго языка.

Пойдемъ далѣе. Славянофилы потому признають православіе основаніемъ народнаго воспитанія и образованія, что оно самымъ совершеннымъ образомъ выражаетъ смыслъ и духъ Христова ученія; въ послѣднемъ же заключается послѣднее слово всякой истины. Но христіанство, какъ сама жизнь, неисчерпаемо. Оно имѣетъ безчисленное множество сторонъ. Одному болѣе доступна догматическая истина Христова ученія, и въ ней онъ по преимуществу сосредоточивается; другому, напротивъ, практическая, — дѣло любви, милосердіе и личное нравственное совершенствованіе; одному ближе къ сердцу созерцательная жизнь, удаленіе отъ соблазна, отреченіе отъ міра и его страстей, умерщвленіе плоти; другой, напротивъ, видитъ верхъ христіанскаго совершенства въ борьбѣ и побѣдѣ надъ своими грѣховными влеченіями и зломъ, въ мірѣ, посреди его соблазновъ. Который же изъ этихъ различныхъ способовъ воспріятія истины христіанской болѣе отвѣчаетъ духу и смыслу Христова ученія? Который долженъ быть признанъ ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ совершенству въ духѣ христіанства? Даетъ ли въ этомъ отношеніи православіе какія-либо положительныя указанія? На послѣдній вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Въ исторіи православной церкви мы находимъ всѣ эти направленія или рядомъ, или же съ преобладаніемъ, въ тотъ или другой періодъ, то одного, то другого. Въ исторіи русской церкви замѣчаемъ также различныя пониманія православія. Наша церковь была православной съ самаго начала; такую же остается она и теперь. Но православіе понималось, напримѣръ, въ XVI и XVII вѣкѣ такъ различно, что изъ этого возникъ расколъ, раздѣлившій вѣрующихъ на два враждебные лагеря, и то, что считалось православнымъ до XVII вѣка, впоследствии отвергнуто какъ лжеученіе. Раскольники, оставшіеся вѣрными старинѣ, считаютъ православными только

себя, а наст...ить. Такимъ образомъ, слово „православіе“ не довольно точно и опредѣлительно выражаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ. Оно обнимаетъ правосѣріе догматическое и практическое, созерцательное, монашеское и дѣятельное, свѣтское, мирское, русское до XVII вѣка и начиная съ XVII вѣка. Напрасно стали бы намъ возражать, что правосѣріе одно и обнимаетъ всѣ указанные направленія. Исторія нашей церкви доказываетъ, что различныя направленія такъ между собою могутъ расходиться, что доводить до вражды и преслѣдованій. Но допустивъ, что православіе обнимаетъ всѣ эти направленія, мы стоимъ на томъ, что необходимо—точно указать, которое именно изъ нихъ должно быть преимущественно примѣняемо въ воспитаніи и образованіи народа, а именно на это мы и не находимъ указаній въ программѣ славянофиловъ.

Въ письмѣ къ покойному Ѡ. М. Достоевскому ¹⁾ мы изложили наши мысли о различныхъ сторонахъ христіанства и воспріятіи его людьми. Каждый народъ, какъ и каждый человекъ, усваиваетъ себѣ изъ него то, къ чему наиболѣе расположенъ и подготовленъ, и притомъ настолько, насколько можетъ и способенъ принять по степени своего развитія. Вотъ почему христіанство весьма различно воспринимается различными народами и отчего одинъ и тотъ же народъ, въ разныя эпохи своего развитія съ большею или меньшею вѣрою, горячностью и увлеченіемъ, относится къ тому или другому изъ его безчисленныхъ направленій и отгѣнковъ. На эту чрезвычайно важную сторону вопроса славянофилы не обратили вниманія. Но подразумеваемый отвѣтъ на вопросъ, неразрѣшаемый ихъ программю, опредѣляется всею совокупностью и духомъ славянофильскаго ученія. Ихъ идеаль совершенства есть старинный русскій человекъ допетровскаго періода; народное воспитаніе должно сохранить этотъ типъ у насъ на всегдашнія времена; слѣдовательно, и православіе должно ему внушаться въ томъ направленіи, смыслѣ и духѣ, въ какомъ его восприняли, поняли и усвоили себѣ наши предки до Петра Великаго. Но оставляя въ сторонѣ, что наши предки различно понимали православіе въ XVI и XVII вѣкѣ, замѣтимъ,

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1880, ноябрь, стр. 431 и слѣд.

что вообще такая постановка еще болѣе служиваетъ народно-образовательную программу славянофиловъ: мы можемъ, оставаясь православными, чувствовать сердечную потребность и настоятельную необходимость развить въ себѣ ту сторону христіанскаго ученія, на которую, по обстоятельствамъ и степени развитія, до сихъ поръ меньше обращали вниманія, и наоборотъ, сдѣлаться менѣе чувствительными и воспримчивыми къ той, которая до сихъ поръ исключительно нами владѣла, занимала нашъ умъ и наполняла наше сердце. Программа, которая потребуетъ отъ народа, чтобъ онъ во вѣки вѣковъ оставался таковъ, каковъ былъ во времена оны, при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ,—не разрѣшитъ вопроса о народномъ воспитаніи и образованіи; она только помѣшаетъ его правильному развитію. Славянофильскія возрѣвія, очевидно, вовлечены въ ошибку правильностью, цѣльностью и законченностью нашей культуры въ московскій періодъ. Все въ ней спѣто и слажено въ цѣломъ и подробностяхъ; одни и тѣ же начала, сверху до низу, опредѣляютъ быть. Глядя на такое зданіе, выстроенное по одному плану и отдѣланное до мелочей въ одномъ стилѣ, невольно увлекаешься архитектурическою его стороною, особливо, когда время, старина скрадываетъ коренные недостатки плана и шероховатости деталей. Думается, что людямъ жилось хорошо въ этомъ зданіи, сооруженномъ многими поколѣніями въ теченіе вѣковъ. Невольно приходишь въ мысли, что было бы лучше, еслибъ его поддерживали, исправляли, ремонтировали искусной рукой; вмѣсто того, пришелъ Петръ, разрушилъ зданіе, всколебалъ мирную и правильную жизнь, набросалъ проектъ какого-то новаго зданія въ самыхъ общихъ чертахъ, смыслъ которыхъ понималъ только онъ самъ и горсть его сотрудниковъ, и умеръ, оставя послѣ себя хаосъ, въ которомъ мы до сихъ поръ не можемъ разобраться. Быть народный, глубоко потрясенный внезапностью и насиліемъ, былъ надорванъ; мысль народная, выбитая изъ колен, мечется изъ стороны въ сторону и до сихъ поръ не можетъ придти въ себя и успокоиться. Увлеченіе готовымъ, установившимся, законченнымъ по сравненію съ нарождающимся, еще нескланымъ, рѣзкимъ, на добрую половину только отрицательнымъ, сулящимъ много впереди и мало дающимъ въ настоящемъ, было и долго

еще будет камнем преткновенія для мыслящихъ людей, историковъ, романтиковъ, поэтовъ и археологовъ. Самъ Гёте не уберется отъ идеализированія священной Римской имперіи съ ея чинами, сословіями, галдіями и цехами, разрушенной французской революціей и наполеоновскими войнами. Нѣмецкая романтическая школа возвела въ идеалъ средневѣковой бытъ, о которомъ мы теперь хорошо знаемъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ такую же ошибку впалъ въ свое время и «божественный» Платонъ, и римскіе республиканцы временъ имперіи. Ошибка заключается въ томъ, что историческое, археологическое, художественное созерцаніе отворачивается отъ требованій практической жизни, не знаетъ ихъ. Вглядѣвшись пристально въ дѣйствительную жизнь, схваченную и уложенную въ превосходно отдѣланныя рамки, вслушавшись въ ея неудовлетворенныя требованія, громко выраженыя современниками, защитники старины и преданій поняли бы, что привело рамки къ упадку и разрушенію; они замѣтили бы также, что старина и преданіе, до своего разрушенія, были уже сильно поколеблены въ народныхъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Но созерцаніе, романтизмъ не любятъ живой дѣйствительности. Они охотно уходятъ въ ствлеченности, изукрашаютъ ихъ отъ себя цвѣтами воображенія, и эти прикрасы принимаютъ за бывшую когда-то дѣйствительную жизнь, о которой воздыхаютъ. Хороша или дурна была степень культуры древней Великороссіи, вполне зырѣвшей и опредѣлившейся въ своихъ формахъ въ московскій періодъ—вопросъ праздный, ни къ чему не ведущій. Она была подготовлена предшествующими событіями, условіями и обстоятельствами и глубоко вошла въ нашу жизнь, такъ что и до сихъ поръ, въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ и не смотря на реформу Петра, мы далеко еще отъ нея не освободились. Славянофилы совершенно правы, утверждая, что великорусское крестьянство сохранило въ чистотѣ и неприкосновенности преданія обычай и нравы добраго стараго времени, именно степени культуры, разрушенной Петромъ. Какая же ея существенная, характерная черта? Та самая, которая и до сихъ поръ характеризуетъ нашего крестьянина и нашъ деревенскій бытъ. Крестьянинъ прежде и больше всего безусловный послѣдователь и приверженецъ обряда, обычая, за-

веденнаго порядка, преданія. Вся его дѣятельность, воззрѣнія, привязанности и предубѣжденія опредѣлены уже впередъ, и въ нихъ онъ движется, въ нихъ укладываетъ всю свою жизнь, не внося отъ себя лично ничего, не стараясь видоизмѣнить окружающее своей изобрѣтательностью или усиліями своего личнаго ума, своей личной воли. Его вѣра состоитъ въ исполненіи церковнаго устава; его бракъ устроенъ не имъ самимъ, а помимо него, родительскою властью. Весь его домашній и хозяйственный обиходъ предопредѣлены тѣмъ, какъ ихъ завели и устроили отцы и дѣды; но и они тоже не выдумали ихъ отъ себя, а приняли готовыми отъ своихъ предковъ. Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за нее Бога, но принимаетъ и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить. Все въ его жизни дано, предопредѣлено, предустановлено. Быть его мѣняется, съ переменной обстоятельствъ и обстановки; но эти переменны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью. Полное отсутствіе самодѣятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что приходитъ извнѣ, — вотъ основной принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина. Имъ опредѣляется вся его жизнь. Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ, или внезапнымъ, дикимъ порывомъ разрушенія. Иначе и не можетъ поступать человѣкъ, котораго воззрѣнія по принципу исключаютъ творческую, зиждительную дѣятельность людей какъ начало, источникъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, какъ орудіе противъ золъ и напастей. Теперь, конечно, замѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ такого міросозерцанія, и если мы, здѣсь и тамъ, видимъ признаки народненія другого, признающаго участіе человѣка въ созданіи собственной судьбы, то это пока только лишь одни проблески, намеки. Много пройдетъ времени, пока слабые зачатки перевоспитанія народной массы окрѣпнутъ и пустятъ корни.

Славянофилы не обращаютъ вниманія на эту основную, господствующую, характерную черту народнаго міросозерцанія, и усматривая въ глубокомъ фатализмѣ и пассивности христіанское сми-

реинномудріе и покорность волѣ Провидѣнія, не понимаютъ ни характера и значенія Петровской реформы, ни того, что происходитъ въ наше время. Тамъ, гдѣ человекъ самъ по себѣ ничего не значитъ, гдѣ онъ вполне, исключительно зависитъ отъ внѣшнихъ фактовъ и обстановки, которые представляются величіями судьбы и невидимыхъ, добрыхъ или враждебныхъ силъ, тамъ преобразования и не могли начинаться съ перемѣны взглядовъ, убѣжденій, какъ въ другихъ странахъ, а могли заключаться только въ перемѣнѣ обстановки и условій жизни. Реформа Петра по необходимости могла выдти только внѣшнею. И долго послѣ, грубый, внѣшний фактъ имѣлъ въ нашихъ глазахъ больше авторитета, чѣмъ мысль, убѣжденіе. Далеко-ли мы ушли теперь? Предпочитаемъ-ли мы и теперь силу мысли, убѣжденія, нравственной духовной стороны внушительности внѣшняго факта и внѣшнихъ обязательныхъ мѣръ? Къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ слишкомъ еще мало довѣрія къ могуществу мысли и побужденіямъ нравственнаго характера.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ, не боясь, вызвать какія-либо недоразумѣнія, утверждать, что воспитаніе и образованіе народа въ направленіи и духѣ до-петровской Россіи было бы не только не полезно, но положительно вредно. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, оно призвано перевоспитать народныя массы, ослабить въ нихъ страдательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, внушить довѣріе къ силѣ мысли и знанія, вызвать самодѣтельность и подорвать въ мнѣніи народа, невѣжество, грубость и предрасудки.

Кромѣ славянофильскихъ взглядовъ на народное образованіе у насъ есть и другіе, хотя далеко не такъ распространенные. Скажемъ и о нихъ нѣсколько словъ.

Въ послѣднее время, съ поднятіемъ народнаго духа, съ развитіемъ народнаго самосознанія, выросла и широко распространилась въ нашихъ образованныхъ слояхъ привязанность и любовь къ русскому простому народу, помимо всякихъ школьныхъ доктринъ, воззрѣній и теорій. Это явленіе громадной важности, служащее живымъ опроверженіемъ славянофильскихъ теорій о несовмѣстимости нашего образованія на европейскій ладъ съ любовью къ русскому народу, показываетъ, что образованность и

культура перестают у насъ быть экзотическимъ растеніемъ, переходятъ въ нашу плоть и кровь. Но многіе послѣдователи этого плодотворнаго и весьма симпатичнаго строя мыслей, существующаго у насъ въ разныхъ отбѣнкахъ, впадаютъ, какъ мы думаемъ, въ ошибку, очень понятную, естественную и извинительную, но на которую, въ интересъ дѣла, нельзя не указать. Глубоко сочувственное отношеніе къ печальной долѣ крестьянина и сильно развитое національное чувство скрадываютъ въ ихъ глазахъ темныя стороны нашего крестьянства и тѣмъ ослабляютъ и притупляютъ критическое къ нему отношеніе. Зная и понимая, отчего крестьянинъ таковъ, какимъ мы его видимъ, люди этого направленія, особливо молодежь, склонны изъ-за смягчающихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ видѣть однѣ хорошія и сочувственныя его стороны. Эта своего рода идеализація ведетъ тоже, хотя и безсознательно, и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ у славянофиловъ, къ перецѣнкѣ качествъ и свойствъ русскаго простаго народа. Отсюда — какое-то равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія. Это — не враждебность къ нему или къ тому, или другому его направленію, а увѣренность, что воспитывать намъ народъ въ томъ или въ другомъ направленіи вовсе не нужно. Народъ хорошъ каковъ онъ есть; ему только недостаетъ грамотности, да техническихъ знаній; ихъ-то и надо ему дать и больше ничего не нужно. Такимъ образомъ, люди отличнаго направленія, сами того не замѣчая, въ вопросахъ народнаго образованія подаютъ руку злѣйшимъ его врагамъ. Одно это уже обнаруживаетъ ихъ ошибку. Мало дать нашему народу средства для образованія и для матеріальнаго улучшенія его быта; народъ нашъ долженъ быть кореннымъ образомъ перевоспитанъ для правильной личной и гражданской жизни. Безъ этого онъ не въ состояніи будетъ воспользоваться и данными ему въ руки средствами для устройства своего матеріальнаго положенія.

Наконецъ, не мало у насъ людей, сознательно не желающихъ никакого образованія для народа. Они могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Одни находятъ въ невѣжествѣ массу прямой свой расчетъ, полагая, что чѣмъ онъ неразвитѣй, тѣмъ легче и удобнѣе извлекать изъ нихъ пользу и выгоду. Эти люди очевидно не знаютъ или забываютъ, что если грубаго невѣжествен-

наго простолюдина и можно дешевле нанять и содержать, заставить за стаканъ вина лишнее сработать, то онъ и хуже работаетъ, и меньше сдѣлаетъ, и больше испортитъ, и меньше на него можно положиться, чѣмъ на образованнаго и порядочнаго рабочаго. Другіе убѣждены, что въ интересахъ государственной власти и общественнаго порядка лучше держать народныя массы въ невѣжествѣ и закоснѣлости. Съ неразвитыми массами, думаютъ они, легче управиться, чѣмъ съ понимающими и рассуждающими людьми. Если-моль народное образованіе есть необходимое зло, то надо допускать его какъ можно въ меньшихъ размѣрахъ. Выучка, дрессировка—вотъ что нужно простому народу, по мнѣнію этихъ людей, а никакъ не ученіе, не образованіе, всего менѣе развитие; послѣднее положительно вредно и опасно. Черни нужно только умѣть читать, писать, считать, да выучиться техническимъ знаніямъ съ практическимъ примѣненіемъ къ тому или другому мастерству. Такія и подобныя имъ разсужденія обыкновенно опираются на опытъ Западной Европы. Но именно опытъ Европы и нашъ собственный какъ разъ доказываютъ противное. Образованныя и развитыя народныя массы гораздо труднѣе поддаются всякому нелѣпому и бессмысленному слуху или возбужденію, чѣмъ невѣжественная, темная и грубая чернь, которая вѣрится всякому слуху и волнуется безъ всякаго разумнаго повода. Наши домогощенные враги народнаго образованія во имя государственныхъ и политическихъ интересовъ, вдобавокъ, смѣшиваютъ земледѣльческія деревенскія массы съ городскими и фабричными рабочими и примѣняютъ къ первымъ то, что нѣкогда о послѣднихъ говорилось, но теперь уже давно не говорится и въ Европѣ. Европейцы хорошо знаютъ по опыту, что и низшіе слои городского населенія, въ которыхъ образованіе естественно развиваетъ вкусы образованной жизни и наводитъ на сравненія жалкаго быта бѣдныхъ съ бытомъ зажиточныхъ классовъ,— что и эти слои городскихъ жителей, при образованіи, гораздо трезвѣе и спокойнѣе обсуждаютъ свое положеніе, чѣмъ грубые и невѣжественные пролетаріи, воображающіе, что можно насиліемъ и бунтомъ добиться всякаго благополучія и довольства. Послѣ этого, о необходимости и пользѣ образованія земледѣльческаго сельскаго на-

селенія и говорить нечего. Объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Будь наши народныя, почти исключительно земледѣльческія массы образованнѣе и просвѣщеннѣе, ихъ, конечно, было бы гораздо труднѣе волновать слухами о какихъ-то золотыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ, приглашающихъ грабить евреевъ, или о наборѣ дѣвокъ для отсылки къ царской дочери въ бѣлую Арапію.

При такой разногласиѣ сужденій о народномъ образованіи, весьма важно было бы знать мнѣніе, взглядъ самихъ крестьянъ. Но съ этой стороны до сихъ поръ нельзя добиться никакихъ, сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній. У насъ много говорится о единствѣ, цѣнности народной жизни, народныхъ воззрѣній; но даже у великорусскихъ крестьянъ оно больше этнографическое, чѣмъ сознательное, духовное. Между ними, какъ и въ образованныхъ слояхъ, сколько головъ, столько и умовъ. Старые обычаи глубоко потрясены; въ народныхъ массахъ совершается переходъ къ другому порядку жизни и воззрѣній. Каковы они будутъ — нельзя еще предвидѣть; ясно и несомнѣнно то, что прежній строй вѣрованій, понятій и привычекъ веетъ и разрушается. Индивидуализмъ, прежде пассивно, безъ всякой реакціи, подчинявшійся вѣшнимъ условіямъ и обстановкѣ жизни, начинаетъ мало-по-малу, медленно и робко, заявлять о своемъ существованіи. Теперь, на первыхъ порахъ, эти нетвердые еще шаги крестьянства на пути къ созданію новой гражданственности и новаго міросозерцанія выражаются пока, какъ сказано, отрицательнымъ образомъ, въ ослабленіи и упадкѣ старыхъ обычаевъ и нравовъ, въ постепенномъ распаденіи стараго строя жизни, въ перемѣнѣ привычекъ ежедневнаго быта и въ большой порчѣ нравовъ, всегда появляющейся тамъ, гдѣ унаслѣдованныя вѣрованія, теряя свой авторитетъ, свою обязательность, еще не замѣнились другими, равносильными убѣжденіями. Вотъ почему нельзя теперь и требовать отъ нашего простого народа какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на народное образованіе. Крестьяне еще не успѣли подняться въ своихъ понятіяхъ выше самаго первобытнаго, грубаго, непосредственнаго утилитаризма и не могутъ составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія не только о томъ, какого рода образованіе имъ нужно, но даже о томъ, нужно

ли оно вообще или нѣтъ, полезно или вредно. Замѣтки и отзывы о сужденіяхъ народа по этому предмету такъ разнообразны и противорѣчивы, что по нимъ нельзя придти къ какому-нибудь общему заключенію. Одни говорятъ, что народъ любитъ ученіе и желаетъ имѣть школы; другіе увѣряютъ, что онъ къ нимъ равнодушенъ, считая ихъ бесполезными; по отзывамъ однихъ, народъ желаетъ въ школахъ прежде всего религіознаго наставленія, чтенія церковныхъ книгъ и обученія молитвамъ и церковно-славянской грамотѣ; послушать другихъ, народъ требуетъ отъ школы одной грамотности, обученія чтенію и письму; третьи говорятъ, что народъ соединяетъ съ школой понятіе объ обученія поведовству или ремесламъ, и безъ нихъ считаетъ школу совсѣмъ не нужной; одни, со словъ крестьянъ, передаютъ, что школа безъ строгихъ наказаній не школа, а баловство; другіе, тоже со словъ народа, требуютъ отъ учителя ласковаго, кроткаго, любовнаго отношенія къ учащимся и говорятъ, что строгость, хотя бы и справедливая, отпугиваетъ не однихъ дѣтей, но и ихъ родителей отъ школы. Всѣ эти отзывы вполнѣ вѣрны; мы сами не разъ слышали ихъ отъ крестьянъ. Это доказываетъ, что и въ крестьянствѣ тотъ же хаосъ мнѣній и взглядовъ на народное образованіе, какой замѣчается и въ образованныхъ слояхъ. Чтожъ удивительнаго, что оно у насъ идетъ крайне плохо; что народныя школы больше существуютъ на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ; что тѣ, которыя существуютъ, за немногими исключеніями, находятся въ очень печальномъ положеніи; что преподающіе, въ большинствѣ, по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, не удовлетворяютъ и скромнымъ требованіямъ; что народное образованіе далеко не приноситъ тѣхъ плодовъ, которыхъ общество и государство отъ нихъ ожидаютъ.

скіе люди на задачи и цѣли государства и народнаго образованія, и далеко еще впереди то время, когда преобразовательная роль того и другого прекратится. Теперь, пока; ни государство, ни школа не могутъ отъ нея отказаться, безъ существеннаго вреда для русскаго народа. Измѣняться могутъ и должны, вмѣстѣ съ успѣхами нашего національнаго самосознанія, начала, основанія, идеалы, во имя которыхъ совершается преобразование; но оно должно, для блага народа, идти дѣятельно, безъ остановокъ, впередъ, пока не исполнитъ своего историческаго назначенія. Смѣшеніе потребности преобразования съ ея задачами и цѣлями было одною изъ главныхъ причинъ злосчастныхъ задержекъ въ нашемъ національномъ развитіи, имѣвшихъ самыя печальныя послѣдствія. Изъ того, что идеалы, во имя которыхъ совершалось преобразование, отжили свой вѣкъ, вывели заключеніе, что и преобразовательная роль государства и школы пришла къ концу. Пробужденіе народнаго самосознанія, ростъ и развитіе народной жизни истолкованы были въ смыслѣ возвращенія къ старымъ, отжившимъ и вывѣтрившимся ея формамъ. Ихъ стали поддерживать и возстановлять и тѣмъ задерживать, тормазить естественный и необходимый ходъ національной жизни, національнаго развитія. Въ этой роковой ошибкѣ ключъ всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій въ минувшія два царствованія. Необходимость реформы, остановившейся на полудорогѣ въ высшихъ, образованныхъ сферахъ, съ особенною силою и настоятельностью чувствуется въ народномъ бытѣ, народныхъ привычкахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ, которыхъ она еще не коснулась. Государство должно, для блага страны и народа, кореннымъ образомъ измѣнить условія крестьянскаго быта; образованіе должно точно такимъ же кореннымъ образомъ перевоспитать народъ, создать въ немъ другія понятія, другое мировоззрѣніе, вызвать къ дѣятельности и жизни индивидуальныя, умственныя и нравственныя его силы, которыя начинаютъ просыпаться, но, за недостаткомъ воздуха и свѣта, бродятъ на угадъ, въ темнотѣ и бездѣйствіи. Напрасно думаемъ мы отдѣлаться отъ задачи, которая намъ предстоитъ, школами грамотности, чтеніемъ житій святыхъ и обученіемъ по часослову; напрасно надѣемся обойти Вія съ опущенными рѣсницами, преподнесеніемъ ему техническаго обуче-

ня, на которое тоже скупимся не по разуму. Всего этого мало; онъ начинаетъ задавать себѣ вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ священныхъ исторіяхъ, катехизисахъ и молитвенникахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они ему преподаются, и бѣжитъ искать ихъ у раскольниковъ и сектантовъ. Размноженіе и разнообразіе сектъ, которыя вырастаютъ какъ грибы, показываютъ, чего ищетъ народъ, и какъ мало удовлетворяетъ его то, что ему даетъ школьное вѣручение; а возрастающее параллельно съ тѣмъ, въ большихъ размѣрахъ, растлѣніе нравовъ въ простомъ народѣ, отсутствіе руководящихъ нравственныхъ началъ, падкость къ наслажденіямъ, быстрой наживѣ и тунеядству, поддерживаемыя невозможными экономическими, юридическими и административными условіями народнаго быта, ясно показываютъ, что прежняя обстановка и употребительные доселѣ приемы воспитанія и обученія крестьянъ отжили свой вѣкъ, не удовлетворяютъ болѣе своему значенію.

Мы заранѣе знаемъ, что такой нашъ взглядъ на дѣло народнаго образованія будетъ очень многими встрѣченъ съ величайшимъ неодобреніемъ и педовѣріемъ. Въ отвѣтъ мы можемъ только сказать слѣдующее: до сихъ поръ послѣдовательно и безпощадно проводились взгляды, которыхъ мы не раздѣляемъ. Какой же былъ результатъ такихъ усилій? Улучшилось ли отъ нихъ наше положеніе? Нѣтъ, они оказались безсильными въ борьбѣ со зломъ, которое растетъ изъ года въ годъ. Очевидно, противъ него необходимо принять совсѣмъ другія мѣры, пока еще есть время.

Прежде всего, приготовимся къ огромнымъ затратамъ на народную школу, на которую до сихъ поръ удѣляли скудныя крохи, расходуя нашъ скромный бюджетъ народнаго просвѣщенія почти исключительно на среднее и высшее образованіе. Запущенная народная школа потребуетъ большихъ жертвъ и не одновременныхъ, а ежегодныхъ, которыя будутъ расти и увеличиваться многіе и многіе годы, пока народныя массы придутъ въ состояніе принять часть этихъ издержекъ на себя и разовьются настолько, что будутъ это дѣлать охотно.

Разстанемся, далѣе, одинъ разъ навсегда съ злосчастною и пагубною мыслью, будто народная школа должна и можетъ слу-

жить какии бы то ни было другимъ цѣлямъ, кромя умственнаго и нравственнаго развитія людей и гражданъ и сообщенія имъ необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній. Школа, какъ церковь, судъ, наука, должна стоять въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ или общественныхъ партій и интересовъ. Перенесеніе арены этой борьбы въ школу, вовлеченіе жизни, школы и ученія въ безпрестанно измѣняющіяся условія и шансы этой борьбы убиваютъ народное воспитаніе и образованіе въ самомъ зародышѣ. Всѣ партіи, всѣ интересы, всѣ направленія должны въ этомъ сойтись, подать другъ другу руку и вымежевать школу, какъ общее самое дорогое достояніе всѣхъ и каждого, котораго никто не долженъ касаться. Пока этотъ основной принципъ не укоренится во всеобщемъ сознаніи, мы не будемъ въ состояніи справиться съ вопросомъ о народномъ воспитаніи и образованіи. Народная школа не можетъ и не должна ставить себѣ задачей отучить тотъ или другой народъ отъ роднаго его языка, выучить той или другой вѣрѣ и отклонить отъ своей, внушить тотъ или другой политической образъ мыслей, или помѣшать развитію ума и замѣнить его виѣшней дрессировкой человѣка, выучкой его тому или другому практическому дѣлу. Народное образованіе представляетъ, по своимъ задачамъ, двѣ стороны, которыя необходимо различать. Оно заключается въ сообщеніи необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній и въ развитіи ума, сердца и воли. Достиженіе первой цѣли составляетъ задачу школъ грамотности и такъ называемыхъ профессиональныхъ, а второй — среднихъ и высшихъ классовъ народныхъ школъ или училищъ. Предметъ школъ грамотности — обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариметики. Въ мнѣніи огромнаго большинства все народное образованіе должно этимъ и ограничиваться, съ прибавленіемъ начатковъ вѣроученія, о которомъ скажемъ ниже. Обученіе чтенію, письму и начальнымъ правиламъ ариметики должно доставить невѣжественной, безграмотной массѣ самыя простыя умственные средства, улучшить свой бытъ и свое положеніе; но и эта азбука народнаго обученія находится у насъ въ плачевнѣйшемъ состояніи: она до сихъ поръ еще не пользуется полными правами гражданства, существуетъ какъ-бы изъ милости, терпима — не болѣе. Въ бюджетахъ земствъ она даже не попала

въ отдѣлѣ обязательныхъ расходовъ и въ росписи расходовъ министерствъ выражается самыми мизерными цифрами. Неудивительно, что между всѣми народами, причисляющими себя къ образованнымъ, мы блистаемъ безграмотностью. Мы бы еще поняли, еслибъ министерство народнаго просвѣщенія (1866—80 г.), относясь прежде недовѣрчиво и даже отрицательно къ умственному и нравственному развитію крестьянства, взаимнѣ того дало полный ходъ и просторъ грамотности, необходимость которой признають даже злѣйшіе враги народнаго образованія. Но оно не захотѣло сдѣлать даже этого простого различія, и подчинило самое обученіе грамотѣ такимъ стѣснительнымъ условіямъ, при которыхъ даже существованіе и размноженіе школъ грамотности сдѣлалось крайне затруднительнымъ. На право обучать чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариметики нужно свидѣтельство; школы грамотности подчинены мелочной инспекціи. Благодаря этому, онѣ сужены, стѣснены, едва прозябають. Вмѣсто того, чтобъ размножаться, число ихъ во многихъ мѣстностяхъ уменьшается. И это въ то время, когда сами крестьяне начинаютъ понимать ихъ пользу!

Обученіе грамотѣ не можетъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи. Оно должно быть совершенно освобождено отъ связывающихъ его теперь путъ и предоставлено безконтрольно всѣмъ и каждому. Пока школы грамотности не окрѣпнутъ и не будутъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи и поддержки, правительство должно взять это дѣло въ свои руки, систематически распространять ихъ всюду и вмѣнить ихъ распространеніе въ непремѣнную обязанность городскимъ обществамъ и земствамъ, а между тѣмъ исподоволь готовить средства для введенія со временемъ обязательнаго обученія грамотѣ. Обязательность его сдѣлается возможной лишь тогда, когда безграмотность станетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Какъ ни простъ, самъ по себѣ, вопросъ объ обученіи крестьянъ чтенію, письму и первымъ правиламъ счисленія, но дѣло это такъ пренебрежено и запущено и ведено такъ неправильно, что потребуются, кромѣ большихъ издержекъ, не мало усилій, труда и времени, чтобъ поставить его на ноги. Вызвать снова частную инициативу послѣ репрессивныхъ мѣръ, съ которыми

она такъ долго боролась и передъ которыми должна была, наконецъ, поникнуть, будетъ уже теперь гораздо труднѣе. Стѣняемая вслѣдствіемъ естественнымъ своимъ защитникомъ и поощрителемъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, грамотность наша себя убѣжище и пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ, которое вынуждено было, въ виду неотложной практической потребности въ грамотныхъ солдатахъ, принять на свое попеченіе и заботу то, чтó должно было дѣлать министерство народнаго просвѣщенія, и чего оно систематически не дѣлало. По какой-то ироніи судьбы, примѣровъ которой у насъ не мало, оба министерства перемѣнились ролями: обязанности одного приняло на себя другое, и расходы государства на школы грамотности попали въ бюджетъ военнаго министерства.

Къ трудностямъ, вызваннымъ ошибками и неправильнымъ взглядомъ, присоединяются у насъ въ этомъ дѣлѣ и препятствія, которыхъ не знаетъ остальная Европа. Таковы: рѣдкость и разбросанность населенія, иногда нѣсколькими дворами, при огромности территоріи и неустроенности путей сообщенія; суровость нашего климата; невозможность прохода къ школьмъ отъ непогодъ, снѣжныхъ заносовъ и вьюгъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ, когда только и возможно ученье. Наша печать и педагогическая литература давно придумываютъ мѣры, какъ устранить эти препятствія. Ихъ труды и усилія, едва обращавшіе на себя вниманіе, когда грамотность народа считалась ненужной и даже опасной, представляютъ обильный и весьма полезный матеріалъ для проведенія въ практикѣ обученія крестьянъ грамотѣ.

Профессиональныя крестьянскія школы должны сообщить крестьянамъ необходимыя техническія свѣдѣнія и практически обучить правильнымъ приѣмамъ по различнымъ производствамъ и ремесламъ, существующимъ въ крестьянскомъ населеніи и составляющимъ предметъ ихъ занятій и заработковъ.

Профессиональное обученіе—предметъ спеціальныи, техническій, о которомъ могутъ съ пользою подавать голосъ только знатоки дѣла, изучившіе его въ подробности; самое обсужденіе его выходитъ изъ рамокъ журнальной статьи. Мы позволимъ себѣ высказать, по поводу профессиональнаго обученія крестьянъ, только нѣсколько мыслей и соображеній, касающихся не самой

сути дѣла, а лишь общей постановки его въ крестьянской средѣ.

Во всей не-черноземной полосѣ Россіи почти нѣтъ мѣстности, гдѣ бы крестьяне, рядомъ съ земледѣіемъ, не занимались какимъ-нибудь ремесломъ или производствомъ. Одними они промышляютъ на сторонѣ, другими у себя дома. Нерѣдко дѣлныя деревни живутъ и промышляютъ на мѣстахъ однимъ производствомъ, которое въ такомъ случаѣ называется кустарнымъ промысломъ, и въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ подробнаго изученія и изслѣдованія.

Этотъ видъ народнаго труда, чрезвычайно разнообразный, оставался до нашего времени въ совершенномъ пренебреженіи, какъ вообще все крестьянское. Онъ гложетъ и угасаетъ не только отъ бѣдности крестьянъ, недостатка капиталовъ и кредита, конкуренціи городскихъ, заводскихъ и фабричныхъ промысловъ и производствъ, поддержанныхъ сильными денежными капиталами и банками, но и отъ недостатка техническихъ знаній, незнакомства съ усовершенствованными приѣмами и способами производства и требованіями рынка, которыя измѣняются, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и быстрѣе. Помочь этому недостатку могутъ только профессиональныя школы; но ихъ у насъ для услугъ крестьянъ нѣтъ. Крестьянинъ лишь случайно можетъ попасть въ городъ и поучиться тамъ тому, что ему нужно для его ремесла или промысла: большинству крестьянъ городскія школы недоступны, или не подъ силу, по ихъ малообразованности. Но кромѣ того, есть и другое, весьма важное обстоятельство, которое дѣлаетъ городскія, фабричныя и ремесленныя школы для крестьянъ не совсѣмъ пригодными: городъ, фабрика, заводъ работаютъ обыкновенно, по бѣльшей части, на городскихъ потребителей и образованные классы, а сельскіе ремесленники и производители — на крестьянское населеніе. Но потребности, вкусы и требованія тѣхъ и другихъ такъ расходятся, что превосходный городской ремесленникъ можетъ никуда не годиться и остаться безъ работы въ деревнѣ, и наоборотъ, деревенскій мастеръ изъ мастеровъ — быть поставленъ ниже плохого подмастерья въ городѣ. Стоитъ вспомнить шубниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, иконописцевъ, ткачей, кузнецовъ, слесарей и

т. п., въ городѣ и деревнѣ, чтобъ признать справедливость этого замѣчанія. Вотъ, почему профессиональное обученіе крестьянъ, въ городѣ или въ деревнѣ, городскими, фабричными или заводскими мастерами не можетъ у насъ привиться, по крайней мѣрѣ привьется не скоро. Помочь теперешнему, крайне печальному положенію крестьянскихъ производствъ, ремеслъ и техническихъ промысловъ, кромѣ другихъ средствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, могутъ лишь профессиональныя школы, устроенныя на мѣстахъ, посреди крестьянскаго населенія, и притомъ школы самыя невзвѣдливыя, приспособленныя къ низкой степени образованія крестьянъ и къ существующимъ уже у нихъ производствамъ. Онѣ отнюдь не должны обучать чему-либо совсѣмъ новому, не существующему между крестьянами и имъ неизвѣстному, а лишь помочь имъ дѣлать лучше, дешевле то, чѣмъ они уже сами занимаются и къ чему привыкли. Главная ихъ задача должна быть чисто практическая; теоретическое ученіе должно служить въ нихъ только необходимымъ подспорьемъ практическому умѣнью и сообщать лишь то, безъ чего послѣднее не можетъ быть улучшено или упрочено. Разъ, знаніе будетъ пропущено въ невѣжественную и темную среду крестьянскихъ рутинистовъ въ видѣ только практически полезнаго и пригоднаго, оно будетъ принято охотно, пустить корни и легко акклиматизируется въ сельскомъ населеніи: тогда оно само за нимъ пойдетъ и будетъ его искать и требовать. Вся трудность — кромѣ матеріальной стороны дѣла — въ приготовленіи учителей. Въ нихъ не только желательно, но совершенно необходимо сліяніе знанія и городского, и сельскаго или деревенскаго промысла; безъ этого дѣло не пойдетъ въ деревняхъ. Самое лучшее было бы, еслибъ, съ одной стороны, званіе учителя и мастера-хозяина, а съ другой — ученика и работника сливались въ одномъ лицѣ. Для этого слѣдовало бы устроить нѣчто въ родѣ профессиональныхъ семинарій въ городахъ, которые лежатъ посреди или по близости крестьянскаго населенія, занимающагося какимъ-нибудь производствомъ или ремесломъ, и привлекать въ нихъ сыновей мастеровъ и молодыхъ рабочихъ на годъ, на два. Возвратившись въ свои семьи, они сдѣлались бы рассадниками улучшеннаго производства и техническихъ знаній въ деревняхъ и селахъ. Гораздо

труднѣе было бы распространить ихъ посредствомъ настоящихъ школъ, съ учителями не изъ туземцевъ, а откуда попало, приготовленныхъ въ городскихъ профессиональныхъ семинаріяхъ. Учитель, не связанный интересами съ мѣстностью, незнакомый подробно съ заведенною рутинною производствомъ или ремесла, ни съ потребностями обычнаго рынка, не будетъ имѣть никакого вліянія, развѣ природа надѣлила его чрезвычайнымъ талантомъ и умѣнемъ приживаться къ людямъ; а такіе, какъ извѣстно, большая рѣдкость. Кромѣ того, мы думаемъ, что для профессиональнаго преподаванія въ правильно устроенныхъ школахъ по деревнямъ время еще не наступило. Наши крестьяне до него не доросли; а можетъ быть, эта форма обученія не свойственна вообще русскому простому человѣку, въ особенности крестьянину. Такъ или иначе, но отъ такого способа профессиональнаго преподаванія мы теперь пока не ожидаемъ никакой пользы въ крестьянской средѣ.

Если обученіе крестьянъ грамотѣ и сообщеніе имъ практически полезныхъ знаній у насъ едва, можно сказать, начинаются и представляютъ столько серьезныхъ трудностей, то что сказать о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, которое составляетъ главную задачу народнаго образованія? Оно у насъ даже не въ зародкѣ, самая мысль о немъ еще въ далекомъ, туманномъ будущемъ; въ настоящемъ, помыслы о немъ считаются иллюзіями, опасными для спокойствія и будущности государства, или фантазіями пустоголовыхъ болтуновъ. Всѣ усилія къ тому направлены, чтобъ понятія и вѣрованія крестьянъ оставались вѣрными завѣту отцовъ и дѣдовъ, развѣ признано будетъ нужнымъ, по соображеніямъ политическимъ, претворить ихъ изъ иновѣрцевъ въ православныхъ, изъ инородцевъ въ русскихъ. Но для достиженія той и другой цѣли именно умственное и нравственное развитіе крайне неудобны. Въ нихъ уже скрывается зародышъ умственной и нравственной самостоятельности и свободы, отъ котораго недалеко до сомнѣній, разбора, критики, а тамъ и до стремленія проводить въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, тѣ или другія понятія и убѣжденія, несогласныя съ обстановкой и данными условіями жизни. Стало быть—такъ разсуждаемъ у насъ большинство,—гораздо лучше и благонадежнѣе не разви-

вать, а только обучать практически необходимому и полезному. Умственные и нравственные потребности, особенно простого народа, насколько онъ безопасны для общества и государства, могутъ быть съ избыткомъ удовлетворены предписаніями и наставленіями церкви и примѣрами въ жизни святыхъ угодниковъ. Знаніе молитвъ, краткаго катехизиса, сокращенной священной исторіи ветхаго и новаго заветъа и пониманіе литургіи и церковной службы дадутъ простолюдину все, что ему нужно для удовлетворенія его запросовъ по высшимъ тайнамъ бытія и міра и для нравственнаго руководства въ дѣлахъ житейскихъ. Всякія излишнія умствованія, развивая критическія способности ума, безъ соотвѣтствующаго увеличенія запаса знаній, которыхъ простому человѣку неоткуда взять, только рождаетъ сомнѣніе и отвлекаетъ въ сторону умственныхъ упражненій, которымъ онъ и будетъ предаваться въ ущербъ практической дѣятельности, полезной, здоровой и необходимой для его ближайшихъ цѣлей...

Вотъ обычный и весьма распространенный у насъ взглядъ на умственное и нравственное развитіе крестьянъ и простыхъ людей. Постараемся опредѣлить, что въ немъ есть правильнаго и что ошибочно и ложно.

Отвлеченныя умозрѣнія, предполагающія и достаточный запасъ знаній, и нѣкоторую опытность въ умственныхъ упражненіяхъ, конечно, совершенно неумѣстны въ народной школѣ. Но, сколько извѣстно, никто еще не предлагалъ у насъ ввести ихъ въ кругъ начальнаго народнаго образованія. Весь вопросъ въ томъ: достаточно-ли для крестьянина одной выучки, или ему нужно умственное и нравственное развитіе? и если ему послѣднее дѣйствительно нужно, то какими средствами и способами всего легче и удобнѣе этого достигнуть? Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній нужно прежде всего условиться въ точномъ смыслѣ словъ. Умственное развитіе состоитъ въ осмысленномъ отношеніи къ предметамъ, въ осмысленномъ усвоеніи того, чему учать. Ему противоположно затверживаніе наизусть, на память, безъ яснаго пониманія и усвоенія себѣ того, что заучивается. Нравственное развитіе состоитъ въ усиленіи чувства добра, въ сознательномъ усвоеніи нравственныхъ правилъ, въ привычкѣ имъ слѣдовать, ихъ держать въ мысляхъ и поступкахъ. Но въ

этомъ смыслѣ кругъ познаній и дѣятельности не имѣетъ никакого отношенія къ степени умственного и душевнаго развитія, и смѣшивать ихъ между собою никакъ не слѣдуетъ; а противуположеніе круга познаній и дѣятельности умственному и нравственному развитію, мысль, что первое по своему существу исключаетъ послѣднее, именно основана на такомъ смѣшеніи. Можно знать очень мало, имѣть самый ограниченный кругъ дѣйствій и быть очень развитымъ умственно и нравственно; наоборотъ, можно имѣть обширныя знанія, обширную сферу дѣятельности—и быть крайне поверхностнымъ, безхарактернымъ и развратнымъ. Кругъ знаній, сфера дѣятельности только расширяютъ или суживаютъ умственную и нравственную омытность: сила и степень сознательности воли и стойкости въ нравственныхъ правилахъ и привычкахъ отъ нихъ не зависятъ и не измѣняются необходимо въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями. Иной, съ расширеніемъ круга знаній, развиваетъ свой умъ; у другого онъ, напротивъ, теряетъ способность свободно ими распоряжаться. Совершенно то же замѣчается и по отношенію къ нравственной сторонѣ, съ расширеніемъ круга дѣятельности: одинъ при этомъ растетъ нравственными силами, другой, на болѣе обширной аренѣ, падаетъ. Точно также нѣтъ прямой зависимости и связи между нравственною и умственною развитостью, которыя мы такъ часто смѣшиваемъ. Дѣятельность умственная и душевная, заключающаяся въ желаніяхъ, замыслахъ, намѣреніяхъ и поступкахъ, очень часто находятся въ рѣзкомъ противурѣчій другъ съ другомъ. Далеко не всегда сильному характеру и нравственному направленію соответствуетъ развитой умъ; всѣмъ также извѣстно, что есть люди очень развитые умомъ и въ то же время безхарактерные или безнравственные.

Зная и понимая это, надо прежде всего очертить предѣлы народнаго образованія, а не чураться развитія народа. Странно, что такія азбучныя истины, избитыя до тривіальности, у насъ приходится еще обсуждать и доказывать! Безъ развитія, мы получимъ не образованныхъ дѣтей или крестьянъ, а куколъ, манекеновъ, негодныхъ и неспособныхъ ни къ чему толковому, гоголевскихъ Петрушекъ, услаждающихся процессомъ чтенія; приобрѣ-

такими ими ограниченными свѣдѣніями, безъ развитія, не послужать имъ ни къ какому полезному употребленію, и въ скоромъ времени перезабудутся, потому что къ нимъ у неразвитыхъ людей и не лежитъ душа, а пользы и необходимости ихъ они не понимаютъ и потому ими не дорожатъ. У насъ теперь во многихъ мѣстахъ жалуются на бесполезность народной школы въ виду множества рецидивистовъ безграмотности, разучившихся всему, чему они учились. А отъ чего это происходитъ? Только отъ того, что начальная школа, по господствующимъ понятіямъ, должна только обучать, а не развивать. Но рецидивы такого рода еще не самая большая бѣда. Бываетъ и хуже. Способный ученикъ приобрѣтаетъ, благодаря обученію, новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ему умственные средства. Если умъ, сердце и воля его остаются неразвитыми, онъ легко поддается соблазну воспользоваться этими средствами для совершенія разныхъ противузаконныхъ проступковъ, на примѣръ, для поддѣлки или составленія фальшивыхъ актовъ, паспортовъ и проч. Къ чему у насъ грамотность, говорили у насъ еще не такъ давно, ея противники: развѣ для того, чтобъ еще больше расплодить поддѣльщиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и документовъ? И они были правы: выучка безъ развитія легко создаетъ рецидивистовъ невѣжества и усовершенствованныхъ негодяевъ, и только случайно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, порядочныхъ и полезныхъ людей.

Съ нравственнымъ образованіемъ у насъ горе своего рода. По господствующему взгляду и принятой системѣ, нравственность воспитывается и укрѣпляется въ народѣ вѣроученіемъ или законоученіемъ, и притомъ, когда оно преподается духовнымъ, а не свѣтскимъ учителемъ. Взглядъ этотъ проводится строго въ народной школѣ. Уроки закона Божія занимаютъ въ обученіи самое видное мѣсто и берутъ много времени; отмѣтки по этому предмету имѣютъ рѣшительное вліяніе на аттестацію; нельзя получить свидѣтельства, дающаго право на сокращенный срокъ обязательной военной службы, если законоучителемъ не было духовное лицо. Какіе результаты принесли такія мѣры? Улучшилась ли народная нравственность? Ни въ школѣ, ни въ жизни она не идетъ впередъ, а падаетъ. Возрастающая порча нравовъ во всѣхъ слояхъ русскаго народа и общества составляетъ обыч-

ную, излюбленную тему всѣхъ нашихъ разговоровъ и жалобъ. Это доказываетъ ошибочность принятой у насъ системы нравственнаго воспитанія. Мы обратили нравственность въ предметъ преподаванія; но она не преподается, а *воспитывается* всею обстановкою человѣка. Чтобы быть нравственнымъ, мало знать, что нравственно и что безнравственно: надо это почувствовать; надо имѣть твердую рѣшимость и навыкъ удаляться отъ зла и творить благо; а такая рѣшимость и такой навыкъ приобрѣтаются не заучиваньемъ, внушаются не балльными отмѣтками, аттестатами и взысканіями, а живымъ примѣромъ и руководствомъ нравственныхъ людей, горячимъ убѣжденіемъ, проводимымъ въ ежедневной жизни, во всѣхъ поступкахъ. Испорченный человѣкъ, живя въ обстановкѣ, гдѣ правила нравственности не остаются пустыми словами, а дѣйствительно примѣняются, мало-по-малу тоже становится нравственнымъ. Большинство людей впадаетъ въ безнравственность только потому, что потеряли вѣру въ осуществимость нравственныхъ правилъ, видя, какъ кругомъ ихъ всѣ говорятъ о нравственности, исповѣдуютъ ее на словахъ, а на дѣлѣ поступаютъ совсѣмъ иначе и вовсе не сообразуются съ ея началами.

Нравственности и нравственнаго воспитанія въ объясненномъ смыслѣ у насъ почти не существуетъ, или они существуютъ въ видѣ рѣдкаго изъятія. Въ народной школѣ, собственно говоря, на нихъ не обращается никакого вниманія. Отъ преподавателя и законоучителя требуется только извѣстный запасъ знаній, педагогическая сноровка и формальная безукоризненность, особливо по отношенію къ религіозному и политическому образу мыслей. Его характеръ, добропорядочность, любовь къ дѣлу, отношенія къ воспитанникамъ, нравы и привычки въ обыденной жизни совсѣмъ не принимаются въ расчетъ. Народная школа, съ этой стороны, въ большинствѣ случаевъ ниже посредственности. Она еще можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, обучить чему-нибудь, а ужъ никакъ не развить въ воспитанникахъ чувства добра и правды, вѣру въ нравственные принципы, рѣшимость и привычку проводить ихъ въ жизни; а именно эта-то сторона народнаго образованія и чрезвычайно важна, и ничѣмъ не уступаетъ собственно такъ-называемому обученію и развитію умствен-

ныхъ способностей, потому что въ ней-то и заключается по преимуществу преобразовательная роль воспитанія въ Россіи. Народное образованіе должно, рядомъ съ обученіемъ, развитіе человѣка въ нравственномъ смыслѣ, искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ немъ нравственно-дурныя привычки, загрубѣлость, безсердечіе, которыя онъ выноситъ съ собою изъ ежедневной дѣйствительности, воспитать чувство и сознаніе своей и чужой нравственной личности, замѣнить обычнаго взгляда крестьянъ на человѣка какъ на пассивную арену, на которой свободно и безпрепятственно разыгрываются внѣшнія силы и всякія вліянія. Въ современной народной школѣ нѣтъ и намека на такое ея преобразовательное назначеніе. Обстановка ея, въ нравственномъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ ниже всякой критики, и потому нечего удивляться, что крестьяне относятся къ ней безучастно. Народная школа, по нравственнымъ качествамъ преподающихъ, надзирающихъ и попечителей, должна высоко стоять надъ общимъ уровнемъ, а она у насъ зачастую гораздо ниже его. Говорятъ: откуда же взять людей? Ихъ нѣтъ. — Напротивъ, они есть и ихъ довольно; но ихъ надо искать, выбирать; а у насъ выборъ опредѣляется не внутренними, умственными и нравственными качествами, а шаблонными, вдобавокъ изветшавшими формальными наружными примѣтами, которыя всего менѣе могутъ служить мѣркой нравственныхъ и душевныхъ качествъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ основаніе народнаго образованія положены у насъ два ошибочныхъ начала: стремленіе стѣснить умственное развитіе и замѣнить его выучкой, дрессировкой и дать нравственное воспитаніе посредствомъ усиленія законоученія или вѣроученія. Благодаря этимъ двумъ ошибочнымъ мыслямъ, на которыхъ построено обученіе въ народной школѣ, она не пользуется сочувствіемъ и остается безъ всякаго вліянія на народныя массы. Роль ея ограничивается обученіемъ грамотѣ. Пока умственное и нравственное развитіе народа не станетъ единственною задачею народной школы, до тѣхъ поръ значеніе ея будетъ, какъ теперь, почти ничтожно.

Что нравственное развитіе возможно только посредствомъ нравственной обстановки, живыхъ нравственныхъ людей и нравственныхъ фактовъ, объ этомъ уже сказано выше. Разсмотримъ

теперь, какимъ образомъ, посредствомъ какихъ предметовъ, можетъ быть достигнуто умственное развитіе крестьянъ.

У насъ теперь признается, что преподаваніе закона Божія вполне отвѣчаетъ умственнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія. Оно, говорятъ, воспитываетъ и укрѣпляетъ религиозное чувство, даетъ доступный простому уму отвѣтъ на высшіе вопросы бытія и человѣческаго существованія, и въ то же время воздерживаетъ отъ бесплодныхъ умствованій и сомнѣній.

Мы можемъ принять такой взглядъ лишь съ большими оговорками и дополненіями. Особливо въ томъ видѣ, какъ у насъ законоученіе понимается и преподается, оно одно, по нашему глубокому убѣжденію, не достигаетъ своей цѣли.

Ни вѣра, ни народное образованіе не должны, какъ мы сказали выше, служить средствомъ для достиженія какихъ-либо государственныхъ или общественныхъ цѣлей. Законоученіе должно оставаться религиознымъ назиданіемъ вѣрующихъ, каждаго по тому исповѣданію, къ которому онъ принадлежитъ. Принявъ это за основаніе, нельзя не придти къ заключенію, что вѣроученіе — предметъ весьма неудобный для умственнаго развитія народа. Прежде всего надо помнить, — а мы это слишкомъ часто упускаемъ изъ виду, — что далеко не все сто-милліонное населеніе имперіи исповѣдуетъ христіанскую вѣру, по ученію православной церкви, и что между множествомъ самыхъ разнообразныхъ вѣръ, сектъ, расколовъ и исповѣданій, какія у насъ имѣются, есть и такія, которыя не могутъ служить предметомъ для умственнаго развитія. Затѣмъ, христіанство, направляя къ одной цѣли людей разныхъ націй, культуръ и степеней развитія, говоритъ каждому языкомъ ему понятнымъ, обращено къ нему тою своею стороною, которую онъ наиболѣе способенъ принять и усвоить. Еврею христіанство представилось какъ завершеніе іудейскаго закона; греку — какъ послѣднее слово греческой философіи и науки, какъ полнѣйшее ихъ осуществленіе; восточный квіетизмъ и факирство увидѣли и повали въ немъ отрицаніе тѣла и его вождельній, удаленіе отъ міра и созерцаніе божьей истины и правды. Точно также и другія племена и народы усвоили себѣ преимущественно тѣ стороны христіанства, къ которымъ всего больше привлекались своимъ народнымъ характеромъ. Русскому народному ге-

нію, при нашей природной живости и склонности къ реальному и практическому, повидному, особенно близка и сочувственна дѣятельная сторона христіанства въ общежитіи, заповѣдь христіанской жизни въ общеніи съ другими людьми. Поэтому, одни лишь начала христіанской нравственности, имѣющія всемірный характеръ, одинаково обязательныя для всѣхъ людей, какого бы они ни были племени и исповѣданія, могутъ и должны служить основаніемъ для нравственнаго развитія и образованія народныхъ массъ; собственно же вѣроученіе, догматы, какъ предметъ вѣрованія, а не обсужденія, различно объясняемые въ различныхъ исповѣданіяхъ, не могутъ служить удобной темой для умственнаго развитія простыхъ людей: Для этого нужны предметы болѣе имъ близкіе и болѣе доступные ихъ пониманію.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ христіанскихъ школахъ лучшими уроками нравственности будутъ чтеніе и объясненіе евангелія; въ не-христіанскихъ, мѣсто евангелія заступитъ объясненіе и толкованіе обязанностей человѣка къ ближнему и правилъ честной жизни и поступковъ. Къ этому долженъ еще быть присоединенъ краткій обзоръ гражданскихъ правъ и обязанностей въ обществѣ и государствѣ. Поддержанное нравственною обстановкою школы, безъ которой никакіе уроки нравственности не поведутъ ровно ни къ чему, такое преподаваніе внесетъ свѣтъ въ темный и печальный бытъ крестьянина, исподволь переродитъ и перевоспитаеъ его къ лучшей жизни. Что касается умственнаго развитія, то оно должно происходить на предметахъ, которые крестьянину полезно и необходимо знать въ его быту. Таковы: отечественная исторія, географія, статистика, естественныя науки, сельское хозяйство, технологія и т. п. Само собою разумѣется, что о систематическомъ изложеніи этихъ предметовъ въ народной школѣ не можетъ быть рѣчи. Преподаваніе ихъ должно замѣниться толковымъ чтеніемъ, веденнымъ такимъ образомъ, чтобъ ученики, переходя отъ легкаго къ трудному, усвоили себѣ наиболѣе полезныя для нихъ свѣдѣнія по всѣмъ названнымъ и близкимъ къ нимъ отраслямъ знанія. Въ каждой мѣстности выборъ предметовъ для чтенія и объясненій будетъ различенъ, смотря по ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Чтобъ учитель имѣлъ подъ руками обильный и разно-

образный материал для выбора предметов такого толкового чтения и могъ вести его по известному, обдуманному плану, надо всачески поощрять составленіе и изданіе сборниковъ статей для чтения въ народныхъ школахъ, и не ограничивая учителей тѣмъ или другимъ руководствомъ, предоставить имъ выборъ статей и сборниковъ, право сокращать ихъ, вводить въ преподаваніе статьи, не вошедшія въ изданные сборники, словомъ, вести толковыя чтения по собственному усмотрѣнію. Опытъ, педагогическая литература и критика, народныя потребности, различныя въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе вліянія различныхъ мѣстныхъ условий и особенностей, создадутъ и выработаютъ разные типы такихъ сборниковъ, установятъ ихъ нормальный составъ и предѣлы школьнаго толковаго чтенія. Всего этого никакъ нельзя заранѣе предугадать и предуставить. Сама жизнь, практика—лучше всего укажутъ что нужно.

Къ числу необходимыхъ предметовъ для нравственнаго и умственнаго развитія крестьянскаго населенія принадлежить и пѣніе, въ особенности церковное, различное смотря по вѣрѣ и исповѣданію. Ничто такъ не привлекаетъ къ школѣ простой народъ, ничто такъ не располагаетъ къ ней мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ хорошее, благообразное церковное пѣніе. Эта сторона народнаго образованія и развитія такъ важна, такъ настоятельно необходима, что при невозможности на первый разъ обучать въ народныхъ школахъ пѣнію посредствомъ школьныхъ учителей, надлежало бы привлечь къ этому дѣлу, гдѣ можно, церковнослужителей, воспитанниковъ духовныхъ школъ и семинарій.

Собственно вѣроученіе, т.-е. наставленіе въ религіи, должно составить особый предметъ ученія и ограничиваться необходимѣйшимъ знаніемъ важнѣйшихъ молитвъ и катехизическаго ученія въ связи съ священной исторіей,—для христіанъ, главнымъ образомъ, новаго завѣта. Оно можетъ происходить въ школѣ и внѣ школы, смотря по обстоятельствамъ и удобству. Каждый получаетъ религіозное навиданіе и наставленіе въ той вѣрѣ и томъ исповѣданіи, къ которому принадлежить. Наблюденіе за ходомъ и духомъ вѣроученія есть дѣло церкви и духовнаго, а не школьнаго вѣдомства.

Въ такомъ видѣ представляется намъ школьное дѣло, какъ оно должно быть устроено по деревнямъ и селамъ. Школы грамотности и профессиональныя не имѣютъ, по существу дѣла, непосредственной связи съ школами, предназначенными для умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, и потому, смотря по обстоятельствамъ и удобству, могутъ существовать отдѣльно отъ нихъ, или вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ грамотность мало распространена и усилій частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ и земствъ, недостаточно для учрежденія ихъ, хотя бы по одной, въ каждомъ поселкѣ, правительство должно придти на помощь мѣстному населенію и основать такія школы отъ себя. Школы для умственнаго и нравственнаго развитія народа, которыя, въ отличіе отъ другихъ, мы назовемъ народными училищами, должны находиться, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой волости. Ихъ слѣдуетъ поставить въ связь съ городскими училищами и прогимназіями, такимъ образомъ, чтобъ окончившіе ученіе въ народныхъ училищахъ могли быть принимаемы въ низшіе или подготовительные классы городскихъ училищъ и прогимназій.

Самое пристальное и заботливое вниманіе должно быть обращено на личную обстановку народныхъ училищъ. По причинамъ, на которыхъ мы не можемъ довольно настаивать, они должны не только учить, но и воспитывать, готовить для жизни людей, развитыхъ умственно и нравственно. Надо, чтобъ вся обстановка школы, все что въ ней дѣлается, дышало нравственнымъ характеромъ. Подъ нравственностью же мы разумѣемъ не безпрекословное, неукоснительное наружное исполненіе предписанныхъ правилъ, не наружную только благопристойность, а добросовѣстное, по внутреннему сознанию, исполненіе каждымъ лежащаго на немъ долга по школѣ, съ участіемъ и справедливостью къ ученикамъ, съ заботливымъ вниманіемъ къ ихъ ученію, успѣхамъ и поступкамъ. Школа должна быть у насъ расадницею добрыхъ нравовъ, честныхъ и добросовѣстныхъ отношеній между людьми. Ей должны быть одинаково чужды и грубыя наказанія, и равнодушная снисходительность къ нехорошему, недобросовѣстному и нечестному. Нигдѣ, можетъ быть, воспитательное назначеніе школы не чувствуется такъ сильно какъ у насъ; среда, въ которой ей суждено дѣйствовать, особенно въ

этомъ нуждается. По нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ, крестьянская школа должна быть прежде всего рассадникомъ добрыхъ нравовъ. До хорошей, во всѣхъ смыслахъ, народной школы мы еще не доросли, и много пройдетъ времени, пока она у насъ будетъ возможна; поэтому надо, на первый разъ, удовлетвориться тѣмъ, что возможно, и требовать отъ нея только самаго необходимаго, а такимъ настоятельно необходимымъ мы считаемъ прежде всего честные и добрые нравы, вполне добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Изъ опыта, который у насъ передъ глазами, мы знаемъ, что при нравственныхъ условіяхъ не одни дѣти, но и взрослые, вообще довольно равнодушные къ дѣлу образованія, получаютъ уваженіе къ школѣ, привязываются къ ней, и она пускаетъ корни въ мѣстномъ населеніи. Кто не знаетъ, что для дѣтей и юношей ученіе и знаніе становятся мило и дорого сперва въ образѣ любимаго преподавателя? А нашъ народъ пока тотъ же ребенокъ, вдобавокъ воспитанный въ крайне печальной обстановкѣ и условіяхъ. На крестьянскихъ дѣтей порядочная нравственная обстановка школы дѣйствуетъ глубоко на всю жизнь. Видя правду на дѣлѣ, они мало-по-малу начинаютъ вѣрить, что люди другого съ ними общественнаго положенія и образованія, на которыхъ они отъ колыбели привыкли смотрѣть съ глубокимъ недоувѣріемъ, могутъ искренно желать имъ добра, и—что гораздо важнѣе—сохраняютъ память о годахъ, проведенныхъ въ школѣ, какъ о времени, когда имъ было хорошо и легко на душѣ, когда они встрѣчали любовь и ласку. Память объ этихъ годахъ, выдающихся какъ свѣтлая точка въ ихъ нерадостной жизни до и послѣ школы, будетъ служить имъ поддержкой посреди тяжелыхъ испытаній, съ которыми русскій человекъ свыкъ до равнодушія и апатіи. Воспитанники такой школы не будутъ рецидивистами безграмотности, потому что она, возбудивъ въ нихъ любовь, довѣріе, а съ ними и интересъ къ мысли и знанію, возбудитъ и охоту къ чтенію. Такіе результаты порядочно поставленной въ нравственномъ смыслѣ школы, повторяемъ, мы сами видѣли и можемъ удостовѣрить, что они—не идиллія, какъ многіе готовы думать, а живой, дѣйствительный фактъ.

Чтобы школа получила такое значеніе, не только нужно, чтобъ учитель соединялъ въ себѣ способности и знаніе съ нрав-

стенными качествами, но надо, чтобы онъ былъ поставленъ, самостоятельно и могъ устранять всякія постороннія вредныя влияния на веденіе преподаванія и нравственное воспитаніе дѣтей. Ни того, ни другого у насъ теперь нѣтъ. Мѣриломъ для выбора учителя служить только его аттестатъ; о нравственныхъ качествахъ его мало думаютъ. Ни малѣйшей тѣни самостоятельности онъ не имѣетъ. Учитель въ народной школѣ — послѣдняя спица въ колесницѣ: имъ помыкаетъ и инспекторъ, и попечитель школы, и приходскій священникъ, и волостной старшина, и волостной писарь, и помѣщикъ, и приказчикъ. Нѣтъ маленькаго чиновника менѣе самостоятельнаго, болѣе зависящаго отъ доброй воли и каприза множества лицъ. Если онъ мало-мальски понимаетъ призваніе школы — горе ему; его преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, пока не выживутъ. Онъ только и можетъ держаться, усердствуя всѣмъ и жертвуя направо и налево интересами школы и школьнаго дѣла, въ угоду тѣмъ, отъ кого зависитъ. Причина, почему школьный учитель такъ у насъ поставленъ — та же, почему безответенъ и незащищенъ чиновникъ. Выбираютъ людей не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по наружнымъ, шаблоннымъ признакамъ. Такъ какъ эти признаки нисколько не обезпечиваютъ правильности выбора, то лица, назначенныя къ должности, не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ, окружаются со всѣхъ сторонъ надзоромъ, подвергаются на каждомъ шагу мелочному контролю, который, при громадномъ развитіи, какое онъ у насъ имѣетъ, не можетъ быть другой, какъ формальный и бумажный, и отдаются на полное благоусмотрѣніе и произволъ начальства, отъ котораго всегда зависитъ поправить ошибку выбора удаленіемъ отъ мѣста и должности.

Чтобы народная школа достигла своей цѣли, и школьный учитель могъ вести ее какъ надо, необходимо, чтобы выборъ его и удаленіе отъ должности не зависѣли отъ случайностей и единичнаго усмотрѣнія и произвола. Въ школьномъ учителѣ, кромѣ званія и педагогическихъ способностей, кромѣ нравственныхъ качествъ и честнаго отношенія къ дѣлу и ученикамъ, необходимы еще способность и умѣнье хорошо поставить себя посреди мѣстнаго населенія, заслужить довѣріе и расположеніе родителей учениковъ, безъ чего немислимъ успѣшный ходъ школьнаго дѣла.

Поэтому надо, чтобы какъ въ выборѣ, такъ и въ удаленіи школьнаго учителя участвовала не одна учебная дирекція, но сверхъ того и попечитель школы, и мѣстные жители округа или прихода, для которыхъ школа существуетъ. Пока эта существенная гарантія не будетъ дана народной школѣ и народному учителю, до тѣхъ поръ объ успѣхахъ народнаго образованія нечего и думать; будетъ возможна одна лишь выучка и школьная дрессировка.

Чтобъ создать хорошую русскую народную школу, надо создать сословіе или классъ хорошихъ русскихъ народныхъ учителей и учительницъ: ими только она и можетъ держаться. Вотъ почему, рядомъ и наравнѣ съ заботами о размноженіи и устройствѣ школъ, должны идти заботы о размноженіи и хорошей постановкѣ учительскихъ семинарій. Въ нихъ ключъ къ разрѣшенію задачи нашего народнаго образованія. Когда онѣ станутъ готовить учителей, какихъ намъ надо, половина дѣла будетъ сдѣлана. Что касается учителей грамотности, то въ нихъ, при доброй волѣ ихъ найти, недостатка не будетъ. Впослѣдствіи ихъ въ изобиліи будутъ поставлять народныя училища. Главная задача—приготавливать учителей для послѣднихъ. Устройство учительскихъ семинарій для народныхъ училищъ, курсовъ этихъ семинарій, методъ преподаванія въ нихъ, способъ комплектованія учениковъ семинарій и т. п., все это вопросы спеціальные, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться. Замѣтимъ только, что требованія умственнаго и нравственнаго развитія, поставленныя выше народной школѣ, относятся въ гораздо большей еще степени къ учительскимъ семинаріямъ. Мелочный формализмъ, придирчивое педанство, подчиненіе знанія и ученія постороннимъ цѣлямъ, замѣна внутренней, нравственной дисциплины внѣшнимъ благоприличіемъ, угодничествомъ, ханжествомъ и лицемеріемъ должны быть рѣшительно и тщательно взгнаны изъ заведеній, призванныхъ разсылать въ народъ воспитателей и учителей.

Наконецъ, замѣтимъ, что школы и школьныхъ учителей еще недостаточно, для поддержанія и развитія народнаго образованія. Когда оно будетъ правильно поставлено и пустить корни въ простомъ народѣ, въ немъ пробудится, начиная съ бывшихъ учениковъ школы, охота къ чтенію. У насъ въ деревняхъ и селахъ этому много способствуетъ отсутствіе всякихъ развлеченій и про-

часть свободного времени по окончаніи полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, особливо поздней осенью и зимой. Чтеніе необходимо и самому учителю, который, не поддерживая и не освѣжая себя имъ, мало-по-малу естественно впадаетъ въ рутину и тупѣеть. Вотъ почему вездѣ, гдѣ народная школа хорошо поставлена, она должна быть поддержана, подкрѣплена хорошей школьной библіотекой и библіотекой для народнаго чтенія. Потребность въ нихъ уже начинается, здѣсь и тамъ, живо чувствоваться, и ей необходимо удовлетворить устройствомъ библіотекъ разнообразнаго содержанія, приуроченныхъ къ потребностямъ школы, къ степени пониманія къ нуждамъ мѣстнаго населенія. Школы и народныя библіотеки будутъ продолжать и развивать дѣло народныхъ училищъ и сослужать народному умственному и нравственному образованію неопцнмую, по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ, службу.

Повторяемъ, давно пора перестать смотрѣть на образованіе и развитіе крестьянъ какъ на мечты утопистовъ, какъ на бесполезную, а пожалуй, чего добраго, вредную и опасную забаву филантроповъ отъ нечего дѣлать. Пока мы такъ разсуждаемъ, потребность народа въ свѣтѣ растетъ, растетъ быстро, и, не находя себѣ удовлетворенія въ томъ, что мы даемъ такъ неохотно, обращается, на нашихъ глазахъ, къ расколамъ, ересямъ и сектамъ. Церковь, по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто, да и неудобно говорить, тоже бездѣйствуетъ. Вся теперь надежда, все спасеніе въ правильной постановкѣ народной школы. Если для нея ничего не будетъ сдѣлано хорошаго безоглагательно и въ большихъ размѣрахъ, трудно предвидѣть и предсказать къ чему мы придемъ.

IX.

Взглядомъ на задачи народнаго образованія въ Россіи ограничивается все существенное, что мы имѣли сказать о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ предъидущемъ изложеніи мы представили, въ общихъ чертахъ, чрезвычайную важность крестьянскаго дѣла въ Россіи, теперешнее его печальное положеніе, и обозначили то направленіе, въ какомъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дѣйствовать, чтобы вывести наше крестьянство на путь правильнаго, нормальнаго, здороваго развитія, крайне необходимаго не только для пользы самихъ крестьянъ, но и всего государства, общества и всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго народа.

Есть ли надежда, чтобы крестьянское дѣло заняло въ нашихъ думкахъ и заботахъ то первенствующее мѣсто, какое ему безспорно у насъ принадлежитъ, — это другой вопросъ, на который мы, по многимъ причинамъ, затруднились бы отвѣчать утвердительно. Правда, въ послѣднее время, въ правительственныхъ сферахъ замѣтенъ поворотъ къ лучшему во взглядахъ на этотъ предметъ. Во главѣ его не стоитъ, какъ стояло еще недавно, торжествующее легкомысліе, съ ребяческою самоувѣренностью впереди, съ отсутствіемъ чувства нравственной отвѣтственности передъ государствомъ и родиной въ аррьергардѣ, съ своекорыстіемъ и недобросовѣстностью по бокамъ. Такъ-называемая либеральная русская печать, газетная и журнальная, потерпѣвшая за свое доброжелательное и просвѣщенное отношеніе къ крестьянскому дѣлу самыя тяжелыя испытанія, продолжаетъ, какъ и прежде, не смотря на отгѣнки мнѣній, дружно отстаивать правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ. Но огромное большинство посреди образованныхъ слоевъ русскаго общества, безъ дѣятельнаго участія котораго не можетъ быть проведена, какъ слѣдуетъ, ни одна серьезная реформа, а особливо такая важная, какъ предстоящая крестьянская — какъ оно относится къ крестьянскому дѣлу? Какъ оно ведетъ его теперь въ лицѣ земскихъ дѣятелей и представителей мѣстной администраціи? Вотъ надъ чѣмъ приходится часто задумываться съ стѣсненнымъ сердцемъ. При не-

достаткъ строгаго единства въ управленіи, при отсутствіи полной гласности, усиленаго, сознательнаго и просвѣщеннаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, при безмолвіи и безответности крестьянъ, трудно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго дѣла на огромномъ пространствѣ обширнаго государства. Случайно прорываются, здѣсь и тамъ, факты самаго противоположнаго свойства и характера; обобщать ихъ, значило бы умышленно впадать въ ошибки и дѣлать пристрастные выводы. Постановленія земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній, при случайности ихъ личнаго состава, подачи голосовъ, образованія большинства и меньшинства, не могутъ считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія, даже едва ли могутъ разсматриваться какъ вѣрный отголосокъ мнѣній наличныхъ членовъ собраній. Наша общественная жизнь еще не сбросила съ себя завѣтнаго халата и потому не имѣетъ вѣрныхъ показателей; а сужденія, мысли, взгляды, которые удается слышать въ нашей образованной публикѣ, представляютъ невыразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться: Сколько головъ, столько и умовъ; что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Та же разноголосица, смѣшеніе языковъ, которыя замѣчаются у насъ вездѣ и во всемъ, царятъ и по отношенію къ крестьянскому вопросу. Общественное мнѣніе у насъ задыхается подъ взаимными недоразумѣніями, и они-то вяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ. Пока они не разъяснятся, пока мнѣнія и взгляды не разберутся по группамъ и отдѣлкамъ, пока не установится хоть какая-нибудь дисциплина въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, до тѣхъ поръ о разрѣшеніи не только крестьянскаго, но и вообще какого бы то ни было государственнаго или общественнаго вопроса нечего и думать. Какова мысль, таково будетъ и ея примѣненіе. Только у насъ думаютъ, что можно хорошо выполнить дѣло какими бы то ни было руками: очевидно, что это возможно только при помощи людей добросовѣстныхъ, умѣлыхъ и сочувствующихъ; а гдѣ ихъ набрать сколько нужно, когда у насъ не приницешь и десятка людей одного взгляда и образа мыслей? Всѣ разрознены и враждуютъ между собою, почти всегда только по недоразумѣнію, а недоразумѣнія происходятъ главнымъ образомъ отъ того,

что у нас во всякому взгляду тотчас же прищипывается готовый ярлык, и по такому ярлыку человек зачисляется в тот или другой лагерь. Вы говорите съ горячим сочувствіемъ о печальномъ положеніи крестьянъ—значитъ, вы демократъ; вы высказываете мнѣніе, что мировоззрѣніе нашихъ крестьянъ глубоко фаталистическое, по принципу азіатское—значитъ, вы смотрите на нихъ какъ на «быдло» глазами старыхъ польскихъ пановъ; другими словами, вы аристократъ, народъ для васъ низшая порода; вы признаете необходимымъ дополнить крестьянскіе надѣлы—васъ записываютъ въ лагерь социалистовъ; вы вѣрите, что русскій народъ имѣетъ свой народный геній и великую историческую будущность—въ васъ усматриваютъ славянофила. Всѣ эти этикетки, исключаютія другъ друга, наклеиваются на ваши взгляды, не задумываясь надъ тѣмъ, что они составляютъ одно цѣлое, вытекаютъ изъ одной основной мысли. Пока такіа трафареточныя заключенія не уступятъ мѣста серьезнымъ усиліямъ мысли понять другъ друга, до тѣхъ поръ нѣтъ никакой надежды, чтобъ наше теперешнее положеніе улучшилось. И какъ ему улучшиться! Общественная мысль, повитая безчисленными предразсудками, частью унаслѣдованными, частью благопріобрѣтенными, несвободна, не имѣетъ ни энергій, ни размаха, ни полета. Робко, невѣрными шагами, ощупью двигается она взадъ и впередъ, принимая за свѣточн блуждающіе огоньки, которые представляютъ не образы вещей, а вздохи и стоны, выходящіе изъ земли. Цѣпляясь за первое, что попадетъ подъ руку, не имѣя твердой точки опоры въ себѣ самой, отдаваясь безъ оглядки то фантастическимъ, неопредѣленнымъ страхамъ, то розовымъ надеждамъ и мечтамъ, она не смотритъ далеко назадъ и впередъ, не задается задачами, рассчитанными на даль будущаго, крохоборствуетъ въ ближайшей непосредственной обстановкѣ; оттого она мелка и узка. Каждое, сколько-нибудь значительное явленіе русской жизни представляется ей неожиданностью, застигаетъ ее въ расплохъ и опрокидываетъ вверхъ дномъ.

Попытаемся, отбросивъ шаблоны, которые насъ путаютъ, объяснить явленія прошедшей и настоящей нашей жизни изъ соображенія ихъ между собою и съ основными условіями нашего существованія.

Центръ тяжести русскаго государства, какъ мы старались показать, лежитъ въ крестьянствѣ. Вездѣ народныя массы числомъ преобладаютъ надъ всѣми прочими слоями населенія: вездѣ послѣдвіе относятся къ первымъ, какъ незамѣтное меньшинство. Въ этомъ смыслѣ, Россія не представляетъ ничего особеннаго и повторяетъ лишь фактъ, общій всѣмъ государствамъ и народамъ въ мірѣ. Наша особенность заключается въ социальномъ положеніи и характерѣ народныхъ массъ, какъ они выработались въ исторіи и ясно опредѣлились въ минувшее царствованіе. У всѣхъ народовъ, успѣвшихъ подняться до организованнаго государственнаго строя, народная жизнь сосредоточилась въ верхнихъ слояхъ, въ меньшинствѣ, которое получило преобладающее значеніе и вліяніе, взяло власть въ свои руки и своимъ развитіемъ, образованностью и богатствомъ стало надолго единственнымъ выразителемъ народной жизни, заслонивъ собою подчиненныя и подвластныя ей народныя массы и сдѣлавшись для нихъ образцомъ и идеаломъ умственнаго развитія и гражданскаго быта. То же или почти то же долгое время было и у насъ. Малочисленное меньшинство высшаго слоя стремилось и стараясь занять у насъ такое же положеніе, какъ и въ другихъ государствахъ, и въ XVII, въ особенности въ XVIII и началѣ XIX вѣка, отчасти въ этомъ успѣло. Простой народъ былъ заслоненъ образованнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ меньшинствомъ, которое получило надъ нимъ большую власть. Народная жизнь сосредоточилась въ этомъ меньшинствѣ и была имъ представляема. Къ нему перешло исключительно вліяніе на дѣла государственныя и общественныя, въ немъ заключались національное развитіе и образованность. Но этия параллель Россіи съ другими государствами и оканчивается. Образованное, вліятельное, богатое меньшинство верхняго слоя народа утратило свое выдающееся положеніе и не оказало почти никакого вліянія на бытъ и нравы народныхъ массъ. Съ 1861 года, власть, принадлежавшая меньшинству надъ простымъ народомъ, упразднена. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ владѣнія этого меньшинства выдѣлена и часть земель, необходимыхъ для обезпеченія осядлости и существованія крестьянъ. Съ того времени оно, какъ особый слой народа, начало быстро клониться къ упадку и сходитъ со сцены. За весь длинный пе-

плодъ времени господства у насъ высшаго слоя надъ народными массами, въ теченіи слѣшкомъ двухъ съ половиною столѣтій, передъ нимъ постоянно носились идеалы того положенія, какое господствующее меньшинство занимало въ другихъ странахъ. Роль литовскихъ вельможъ и польскихъ пановъ, шведскихъ и французскихъ аристократовъ и англійскихъ лордовъ, попеременно ласкала ихъ воображеніе и представлялась завѣтною цѣлью ихъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній. Напрасно дѣятельность двухъ московскихъ Ивановъ, третьяго и четвертаго, Петра Великаго, и Положенія 19 февраля 1861 года, съ одной стороны, а съ другой, употребленіе, сдѣланное изъ «правъ и вольностей», дарованныхъ дворянству Петромъ III и Екатериною II, совершенно ясно указывали, что въ жизни русскаго государства образованному, вліятельному, богатому меньшинству предстоитъ совсѣмъ другая роль, прибережено совсѣмъ другое мѣсто въ народной жизни, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Эту особую роль, особое призваніе надо было уяснить себѣ, отбросивъ готовые образцы и примѣры. Но у насъ этого упорно не понимали. Многіе не вполне понимаютъ и до сихъ поръ.

Другая, не менѣе характерная особенность въ положеніи нашихъ народныхъ массъ, сравнительно съ тѣмъ, что было въ другихъ государствахъ, заключается въ огромномъ преобладаніи земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промысловъ надъ ремесленными, фабричными и торговыми. Въ Европѣ послѣдніе возникли рано. Средневѣковая неурядица и необезпеченность вынудили ремесленниковъ и торговцевъ выдѣлиться въ особые замкнутые, обособленные отъ остальнаго населенія поселки и корпораціи. Развившись и разбогатѣвъ, они сложились мало-помалу въ особое сословіе съ своими особыми уставами, порядками, образомъ жизни и нравами, — сословіе, занявшее видное мѣсто между другими классами населенія и получившее вліяніе и власть. Съ расширеніемъ круга дѣятельности промышленнаго и торговаго класса за предѣлы государства и, наконецъ, на весь міръ, вліяніе и власть этого класса росли, крѣпли и постепенно поставили его во главѣ народовъ. Строй промышленный, торговый сложился въ особый типъ, который сталъ идеаломъ и прототипомъ всей народной жизни и быта. Фабричная и заводская

промышленность, начавшая работать на всё страны свѣта, втянула въ себя массы простого народа и закрѣпила за собою господство надъ значительною частью населенія. Образовался типъ городского, фабричнаго, заводскаго рабочаго, заслонившій собою, въ свою очередь, земледѣльца, сельчанина. Когда въ Европѣ говорить о простомъ народѣ, о массахъ народныхъ, передъ мыслью носится преимущественно классъ фабричныхъ и городскихъ работниковъ.

У насъ, какъ и вездѣ, есть и ремесленное производство, и фабрики, и заводы, и торговля. Но изстари развитіе ихъ, исключая немногихъ пунктовъ, было такъ слабо, люди, ими занимающіеся, такъ малочисленны, что они не успѣли выдѣлиться въ особый классъ, сплотиться въ особое сословіе, стать силой, и потому не могли забрать въ свои руки власть надъ народными массами. Хотя впоследствии и у насъ развились ремесла, торговля получила большіе размѣры, появились фабрики и заводы, фабричныя и заводскія рабочіе; но время для образованія особаго городского сословія, въ смыслѣ особой ремесленной, торговой, промышленной корпораціи, уже прошло; выработка особаго городского типа стала невозможной. Начиная съ Петра и далѣе при Екатеринѣ II, отчасти при императорѣ Александрѣ I, правительство всѣми мѣрами старалось, законодательнымъ путемъ, придать нашимъ городамъ значеніе городовъ европейскихъ, городскому населенію — характеръ европейскаго городского средняго класса. Обособленность старинныхъ разрядовъ или «чиновъ» московскаго государства, послужившая основаніемъ для обособленности городского населенія, устроеннаго въ XVIII вѣкѣ по началамъ европейскихъ городскихъ уставовъ, придала ему внѣшній видъ замкнутаго городского сословія. Но внѣшній видъ не могъ внести содержанія, которое не было дано исторіей и условіями развитія. Съ императора Николая началась, а при императорѣ Александрѣ II окончена отрицательная различнаго постановленій, искусственно разобщавшихъ городское населеніе отъ остальнаго. Въ новомъ городскомъ положеніи 1870 г. нѣтъ и слѣда прежней изолированности городскихъ классовъ, созданной законодательствомъ XVIII вѣка.

Въ новѣйшей Европѣ промышленная и торговая дѣятельность,

вышедшая первоначально изъ городовъ, приняла небывалое развитие, охватила всю жизнь и, вмѣстѣ съ несомнѣнными благами, принесла съ собою великое зло—господство капитала надъ трудомъ, порабощеніе человѣка игу новаго рода. Этимъ вызваны были социальныя движенія, теоріи и ученія, которыя, при всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, неизбѣжныхъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, имѣютъ свою несомнѣнно справедливую и вѣрную сторону: они служатъ признаками и показателями ненормальнаго положенія, созданнаго въ Европѣ исключительнымъ господствомъ капитала, и представляютъ попытки доказать ошибочность теоріи, на которой оно основано, и противопоставить ей болѣе справедливое политико-экономическое ученіе, въ которомъ права труда въ производствѣ цѣнностей, а слѣдовательно и право его на извѣстную ихъ долю, были бы признаны и заняты принадлежащее имъ мѣсто.

Тотчасъ послѣ крымской войны, когда наша крайняя отсталость отъ Европы въ промышленности и торговлѣ сдѣлалась для всѣхъ очевидной, господствующіе тамъ взгляды на промышленное и торговое развитіе нашли у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, благосклонный приемъ, и для Россіи начался періодъ всяческаго покровительства промышленной и торговой предприимчивости и денежному капиталу. О ихъ значеніи и роли, и отношеніяхъ къ сельскому населенію у насъ существуютъ различныя взгляды, которые и прямо, и косвенно переносятся въ жизнь, отражаются на законодательствѣ и административныхъ мѣрахъ. Поэтому необходимо установить, относительно этихъ предметовъ, правильную точку зрѣнія.

Мы, конечно, не можемъ навсегда оставаться исключительно при одномъ земледѣліи и сельскихъ промыслахъ. Для ихъ успѣха и процвѣтанія нужно развитіе обрабатывающей промышленности и торговли, а съ ними и ихъ необходимыхъ спутниковъ—денежныхъ капиталовъ, банковъ и кредита. Противъ этого никто и не спорить. Весь вопросъ въ томъ, въ какихъ условіяхъ и границахъ ихъ развитіе желательно и полезно, и гдѣ, съ какого момента, оно начинаетъ приносить народу вредъ, истощая его живыя силы.

Промышленность и торговля, капиталъ и кредитъ, какъ вся-

кая дѣятельность, всякая сила, суть несомнѣнное благо вездѣ, гдѣ возникаютъ естественно, вслѣдствіе возрастающаго довольства и достатка населенія, не приобретаая никакихъ исключительныхъ правъ или привилегій, дающихъ имъ власть и господство надъ населеніемъ. Но гдѣ они вызываются искусственно, ограждаются монополіей и приобретаютъ власть, тамъ они становятся источникомъ зла, притѣсненій и эксплуатаціи, создаютъ особый видъ зависимости и рабства, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно не такъ очевидно, какъ юридическое рабство, ибо прикрыто обманчивымъ покровомъ добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній и подъ этимъ благовиднымъ и лицедѣрнымъ предлогомъ высасываетъ, въ пользу своекорыстнаго и жаднаго меньшинства, всѣ достатки, имущество и рабочія, физическія и умственныя силы населенія, мужского и женскаго, взрослого и малолѣтняго. Капиталь, какъ всякая сила, естественно стремится сосредоточиться, монополизироваться, освободиться отъ всего, что его стѣсняетъ, и властвовать, не зная никакихъ границъ. Единственная сила, которая можетъ его сдерживать — это другіе капиталы, вступающіе съ нимъ въ борьбу. Но для того, кто не имѣетъ равносильнаго капитала, борьба съ нимъ немыслима. Авціонерныя общества, ассоціаціи даютъ въ промышленной борьбѣ капиталовъ орудіе въ руки только тѣхъ, которые имѣютъ или могутъ дѣлать сбереженія; а для огромной массы народа, не имѣющей ничего, живущей изо дня въ день своимъ трудомъ, борьба съ капиталомъ невозможна. Оттого масса и вынуждена, волей-неволей, отдаться ему во власть и на милость.

Въ Европѣ капиталъ забралъ власть въ свои руки и получилъ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ городскимъ сословіемъ, которое купило себѣ исключительное положеніе сначала у королей, во время борьбы ихъ съ феодалами. Занимая середину между родовой и поземельной аристократіей съ одной стороны, крестьянствомъ съ другой, средній промышленный и торговый классъ, въ составъ котораго вошли впоследствии магистратура и интеллигенція, сталъ господствовать надъ другими слоями европейскихъ обществъ, высшимъ и низшимъ. Гнетъ капитала, сосредоточеннаго въ его рукахъ, заступилъ мѣсто юридическаго рабства, наложеннаго на низшіе классы крѣпостнымъ правомъ.

Но въ Европѣ привилегированное положеніе и выдающаяся роль капитала, созданныя постепенно, въ Kami, объясняются и отчасти оправдываются ходомъ европейской исторіи. Къ тому же тамъ многія обстоятельства долгое время заслоняли истинный смыслъ его господства, задерживали, отдаляли и смягчали неизбежныя послѣдствія такого господства, почему они и выяснились поздно, на нашихъ глазахъ. Въ Европѣ сила капитала, посреди довольства и благосостоянія городской жизни, росла съ успѣхами просвѣщенія и культуры, и содѣйствовала имъ, удовлетворяя нуждамъ и потребностямъ, которыя они вызывали. Тамъ богатство капиталовъ, порождая между ними соперничество и борьбу, долгое время удерживало ихъ въ равновѣсіи и ограничивало злоупотребленія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, если не въ пользу рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, потребителей; наконецъ, захватамъ и злоупотребленіямъ капитала въ Европѣ подверглись не пассивныя и невѣжественныя массы, а народы, стоявшіе уже на высокой ступени образованія и культуры, дѣятельные, трудолюбивые, сравнительно достаточные; а когда завоевательный характеръ и насилія капитала создали тяжелый гнетъ, противъ него началась упорная борьба, которая идетъ, все усиливаясь, при дѣятельномъ участіи всѣхъ лучшихъ живыхъ силъ народа, обществъ и ассоціацій, науки, литературы и самихъ правительствъ.

Совершенно при иныхъ условіяхъ появилось господство капитала у насъ. Цивилизація, успѣхи гражданственности и просвѣщенія, создавая богатство, сами въ свою очередь требуютъ большихъ денежныхъ затратъ и издержекъ. Они уже предполагаютъ развитую промышленность и торговлю, которыя всюду несутъ съ собою достатокъ и довольство и всѣ блага устроенной общественной жизни. Прельщаясь ими, образованные слои русскаго общества призываютъ своими горячими желаніями то, что они видятъ во очію въ сосѣднихъ странахъ высокой культуры, и справедливо убѣждены, что будь у насъ промышленность и торговля на той же ступени процвѣтанія, какъ въ Европѣ, и намъ бы жилось такъ же хорошо какъ тамъ. Отсюда не менѣе естественное стремленіе по возможности развить и у насъ тѣ условія, какія въ Европѣ произвели всѣ блага, хотя бы даже съ временными пожертвованіями. Фабрика, торговля, капиталъ,

банкъ, кредитъ, правда, любятъ все захватить въ свои руки и поживиться на счетъ народнаго труда и мелкихъ промысловъ; но за то они создаютъ чудеса цивилизаціи, культуры и комфорта, и потому на ихъ захваты можно смотрѣть немного сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что впоследствии, когда они принесутъ свои благіе плоды и разовьютъ богатство, явятся и средства смягчить и устранить временный вредъ, который они могутъ нанести. Такія надежды кажутся тѣмъ основательнѣе, что въ Европѣ временное разореніе мелкихъ промысловъ фабриками увеличило потомъ запросъ на народный трудъ и заработки въ несчетное число разъ, что развитіе заграничной и всемірной торговли, убивая мѣстное производство, доставляетъ потребителямъ дешево и лучшаго качества то, что производилось хуже и за что они платили дорого; вдобавокъ, торговля открываетъ сбытъ для такихъ предметовъ, на которые никакого запроса не было. Краснорѣчье всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ соображеній особенно убѣдительно въ глазахъ непосредственно пользующихся благами цивилизаціи и культуры, тѣмъ болѣе, что они видятъ только пользу, приносимую господствомъ капитала, а вредъ, который оно приноситъ — перестановка средствъ и достатка изъ многихъ рукъ въ немногія, отъ мелкихъ производителей къ крупнымъ, совершаются исподоволь, незамѣтно, въ неизменныхъ, темныхъ слояхъ народа, которые скрыты отъ глазъ. И вотъ, мы возложили всѣ надежды и упованія на развитіе, во что бы ни стало, обрабатывающей промышленности, торговли, банковъ, кредита, дали имъ щедрую поддержку и помощь изъ государственныхъ средствъ, стали поощрять акціонерныя компаніи и товарищества. Возбужденіе частной промышленной и торговой инициативы и развитіе кредита, столь полезныхъ для общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для частныхъ интересовъ, составляютъ завѣтную цѣль нашихъ помысловъ и стремленій. Намъ кажется, что благодаря этимъ усиліямъ, въ которыхъ правительство и частныя лица подаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ, наша дѣятельность и благосостояніе должны начать быстро расти и развиваться, обѣщая самыя богатныя результаты въ будущемъ. Но въ то время, когда мы предавались самымъ сладостнымъ грезамъ и въ мечтахъ считали богатства, которыя должны были разлиться широкой рѣкой въ обще-

ствѣ и государствѣ, капиталъ, созданный на казенныя деньги, дѣлалъ свое дѣло: сосредоточился въ немногихъ рукахъ, опустошилъ частныя средства, сталъ усиливаться на счетъ народнаго труда и обогатилъ нѣсколькихъ на счетъ всѣхъ. Разочарованіе было полное. Мы искусственно вызвали къ жизни и дѣятельности силу, которая обратилась противъ насъ самихъ. Какъ и отчего это произошло? Очень просто. Какъ мы сказали выше, развитіе промышленности и торговли, капиталъ и кредитъ въ высокой степени полезны и благотворны, когда выросли на почвѣ общаго довольства и народнаго благосостоянія, представляютъ ихъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе; когда народныя массы, экономически обезпеченныя и огражденныя противъ захватовъ и насилій капитала, могутъ равными силами вести съ нимъ экономическую борьбу и не дать себя въ обиду. Когда же этихъ двухъ необходимыхъ условій нѣтъ, когда капиталъ не есть естественный результатъ зажиточности и довольства, а созданъ искусственными мѣрами, когда невѣжественныя и убогія народныя массы предоставлены его эксплуатаціи безъ достаточнаго огражденія противъ его злоупотребленій, онъ только разлагаетъ народное благосостояніе въ пользу немногихъ и можетъ только на время создать обманчивый призракъ довольства, — призракъ, который вслѣдъ за тѣмъ быстро исчезаетъ, оставляя послѣ себя дѣйствительное разореніе. Всячески поощряя капиталъ, мы не подумали объ экономическомъ обезпеченіи и развитіи народныхъ массъ и горько заплатились за эту ошибку. Капиталъ, не встрѣчая у насъ никакихъ преградъ, напротивъ поддерживаемый со всѣхъ сторонъ, могъ дѣйствовать на просторѣ, какъ хотѣлъ, — и дѣйствовалъ.

Такимъ образомъ, самъ опытъ, сама жизнь, силою и логикою вещей, привели насъ къ заключенію, что по недостатку условій и классовъ общества, которые въ Европѣ создали обрабатывающую промышленность и торговлю, какъ особую экономическую силу, развитіе экономической стороны не можетъ у насъ, даже при искусственной поддержкѣ и поощреніи, совершаться на тѣхъ основаніяхъ и принести съ собою тѣ же блага, какъ въ Европѣ. У насъ нѣтъ для этого данныхъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что такъ какъ въ составѣ

нашего политическаго тѣла нѣтъ тѣхъ двухъ могущественныхъ высшихъ слоевъ, которые въ европейскихъ государствахъ сложились въ началѣ ихъ исторіи, опредѣлили ходъ ихъ развитія и формы ихъ гражданскаго, политическаго и хозяйственнаго быта, то намъ нечего и разсчитывать на эти слои, ожидать отъ нихъ того, что они дали Европѣ. Затѣмъ, у насъ изъ всѣхъ составныхъ слоевъ общества остается одинъ низшій, въ видѣ крестьянъ, по преимуществу земледѣльцевъ.

Съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ всей нашей исторіи, доказанной до ослѣпительной ясности событіями послѣднихъ двадцати лѣтъ, многіе никакъ не могутъ примириться. Что въ крестьянствѣ—ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устройство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ,—эти мысли многимъ кажутся и, конечно, долго еще будутъ казаться дикими, эксцентричными, чуть-чуть не революционными. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ тѣхъ безчисленныхъ недоразумѣній, въ которыхъ путается русская мысль.

Какъ, скажутъ намъ, вы считаете возможнымъ, чтобъ нація, имѣющая притязаніе на историческую роль, жила безъ высшихъ слоевъ, представляющихъ національное сознаніе, мысль, идеалы, культуру, заправляющихъ ея внутренней и внѣшней жизнью, стремленіями и судьбами? Да гдѣ же видано что-нибудь подобное въ цѣлой исторіи? Гдѣ же, когда существовалъ подобный народъ?

Ничего подобнаго мы и не говоримъ. Мы вполне понимаемъ, и признаемъ, что народныя массы, а тѣмъ болѣе наши мало-развитые крестьяне, по преимуществу занимающіеся земледѣліемъ, не могутъ дать странѣ того, что даютъ одни высшіе слои: правительственную среду, интеллигенцію, культуру, безъ которыхъ ни одинъ историческій народъ существовать не можетъ. Наша мысль совсѣмъ другая. Заключается она вотъ въ чемъ: до

сихъ поръ, вездѣ высшіе слои народа противопоставляли себя народной массѣ, смотрѣли на себя какъ на какую-то особую отъ нея силу, или элементъ національной жизни, имѣющій особенныя, независимыя отъ нея условія существованія. Вездѣ образованію такого взгляда существенно способствовали историческія обстоятельства, которыя его создали и поддерживали. Наша жизнь, вслѣдствіе нашихъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, напротивъ, сложилась такъ, что высшіе слои, которые у насъ такъ же существуютъ и такъ же необходимы, какъ и вездѣ, не имѣютъ ни условій, ни основаній противопоставлять себя народной массѣ, считать себя за какой-то особый, чуждый, посторонній ей элементъ, призванный подчинить ее своей власти и воспользоваться ею для какихъ бы то ни было своихъ особыхъ цѣлей. Каждый разъ, когда появлялись такія поползновенія, когда зачатки обособленныхъ высшихъ слоевъ пытались окрѣпнуть въ самостоятельныя, властныя организаціи въ народномъ составѣ, судьба ихъ не благопріятствовала, ходъ исторіи постоянно и беспощадно уничтожалъ всѣ такіе зародыши. Сильное, могучее, вліятельное, промышленное и торговое сословіе оказалось у насъ столько же невозможнымъ, какъ и сильная, властная, родовая и поземельная аристократія. Этотъ характеристическій фактъ русской исторіи и русской дѣйствительности, волей-неволей, приводитъ къ заключенію, что у насъ высшее общественное положеніе само по себѣ ничего не значитъ, что смыслъ его и значеніе состоятъ въ выраженіи національнаго генія, въ формулированіи и удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ и потребностей націи. Эта роль, указанная волею судьбы и исторіи высшимъ слоямъ общества въ Россіи, заключается тоже въ своего рода «*годности къ службѣ*», о которой говорилъ Петръ Великій, а совсѣмъ не въ *годности къ господству и власти*. Можно-ли назвать такой взглядъ крайнимъ демократическимъ радикализмомъ, какъ назовутъ его, можетъ быть, иные, подыскивая ему соответствующій терминъ въ европейскомъ политическомъ лексиконѣ? Но въ жизни Европы вопросъ объ отношеніяхъ различныхъ слоевъ народа никогда не былъ поставленъ такъ, какъ онъ поставился у насъ, и потому напрасно было бы отыскивать у европейцевъ названія явленію, на которое мы указываемъ. Демократія и демократизмъ,

радикальный и умеренный, существуют тамъ, гдѣ народная масса, въ противоположность высшимъ слоямъ, представляет особый самостоятельный политическій принципъ и имѣетъ свой особенный интересъ. Къ этому народныя массы, рано или поздно, и приходятъ тамъ, гдѣ высшіе слои общества выдѣляются въ особую, самостоятельную силу, обособляются въ особый замкнутый въ себѣ интересъ, который противопологается всѣмъ прочимъ національнымъ интересамъ. Но у насъ, какъ мы старались показать, нѣтъ высшихъ слоевъ народа съ такимъ исключительнымъ положеніемъ. Откуда же у насъ вѣзется демократія и какому бы то ни было демократизму? Для него у насъ нѣтъ почвы ни въ настоящемъ, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ. Демократизмъ на русской почвѣ такъ же немислимъ, какъ и аристократизмъ. Наши демократическія поползновенія и возрѣнія суть только антиподъ нашимъ аристократическимъ фантазіямъ. Тѣ и другія доказываютъ только очень слабое развитіе русскаго національнаго самосознанія. Какъ только мы себя выразумѣемъ въ прошедшемъ и настоящемъ, демократизмъ и аристократизмъ исчезнутъ изъ нашего языка, какъ ихъ нѣтъ въ условіяхъ нашей дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и возрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ, всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему соціальному строю.

Съ этою мыслью, при нашихъ ходячихъ возрѣніяхъ и понятіяхъ, конечно, крайне трудно освоиться, — такъ мы привыкли подыскивать объясненія русскихъ фактовъ во всѣхъ когда-либо бывшихъ и теперь существующихъ политическихъ и соціальныхъ комбинаціяхъ, и признавать за первыми право гражданства только тогда, когда онѣ совершенно тождественны съ послѣдними. Но сравненіе и справка есть лишь приготовленіе къ самостоятельной работѣ мысли. Ссылка на авторитетъ того, что было, какъ на безапелляціонное рѣшеніе, есть пріемъ несовершеннолѣтняго сознанія. Надо критически провѣрить господствующія политическія и соціальныя теоріи, вездѣ и всегда выводимыя изъ исторіи и опыта.

Чтобъ объяснить непонятныя явленія русской жизни, мало прикинуть къ нимъ готовую мѣрку и обрестить ихъ любимымъ извѣстнымъ именованіемъ, какъ это безпрестанно у насъ практикуется; надо вдуматься въ факты въ ихъ общей живой связи и отыскать законъ, опредѣляющій смыслъ каждаго изъ нихъ отдѣльно, и формулу ихъ взаимныхъ отношеній, воздѣйствія ихъ другъ на друга. Сдѣлать только съ нѣкоторымъ вниманіемъ обратиться къ фактамъ русской исторіи и русской современной жизни, чтобъ тотчасъ же подмѣтить тѣсную ихъ зависимость отъ жизни и движеній не дѣйствующаго на первомъ планѣ, скрытаго отъ поверхностнаго взгляда, русскаго крестьянства. Однимъ фактомъ своего существованія, оно незримо и безъ нашего вѣдома служило и служить камертономъ и регуляторомъ нашей политической и соціальной жизни. Еще очень недавно никто не подозрѣвалъ существованія Нептуна; а онъ производитъ и всегда производилъ пертурбаціи въ ходѣ небесныхъ тѣлъ солнечной системы; никто не видитъ процессовъ пищеваренія и кровообращенія, а отъ нихъ зависятъ всѣ жизненныя отправления тѣла и нормальная дѣятельность психическихъ способностей. Такова и роль народныхъ массъ въ политическихъ организмахъ. Онѣ живутъ трудомъ, по своему положенію вращаются почти исключительно въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ частныхъ интересовъ, и не имѣютъ ни охоты, ни досуга, ни необходимыхъ знаній, навыка и смысла, чтобъ заниматься дѣлами, выходящими изъ ближайшей обычной сферы ихъ ежедневныхъ заботъ. Общія дѣла, высшіе интересы, широкая дѣятельность естественно и неизбѣжно находятся въ рукахъ высшихъ, т.е. достаточныхъ и образованныхъ слоевъ народа. Ихъ выдающееся положеніе, выдающаяся роль остаются за ними безспорно и ненарушимо, пока они не обособятся въ особый интересъ, въ особое замкнутое тѣло, живущее своею особою жизнью. Какъ только появляются такіа стремленія, какъ только начинаются попытки ихъ осуществить, въ народной жизни появляются признаки общественныхъ недуговъ, безпокойство, броженіе. Если причина, которая ихъ производитъ, не будетъ устранена во-время, болѣзнь начинаетъ расти; зарождается сперва глухая, а потомъ и открытая борьба народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ. Какъ первая себя обособляютъ отъ послѣднихъ, такъ и они

обособляютъ себя отъ первыхъ. Названіе «самодержавный народъ» есть политическая фикція, созданная борьбою народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ, которые обособились, политически или экономически, въ самостоятельное политическое тѣло и пользуются своимъ выдающимся положеніемъ и властью въ своемъ исключительномъ, сословномъ интересѣ, а не на пользу всего народа.

Вотъ чему учить исторію. Европа вывела эти уроки изъ собственнаго тяжкаго, кроваваго опыта. Въ ней поземельная аристократія, независимая отъ государства церковь и первые зародыши особаго средняго сословія сложились и кристаллизировались, когда политическѣхъ и социальныхъ наукъ еще не существовало, и самые свѣтлые умы не могли предсказать, къ чему приведетъ изолированность различныхъ составныхъ элементовъ и факторовъ народной жизни. Когда въ Европѣ началась выработка правильной общественной и государственной жизни, не было и не могло быть понятія о томъ, что каждый изъ различныхъ слоевъ общества представляетъ лишь извѣстную функцію народной жизни,—такъ они были разобщены и жили каждый про себя, преслѣдуя свои частные, сословные интересы. Аристократія, церковь, какъ впоследствии среднее сословіе, были наивно убѣждены, что онѣ—весь народъ, и всѣ остальные классы существуютъ для нихъ и ихъ блага. Для насъ, по особеннымъ нашимъ обстоятельствамъ, по ходу всей нашей исторіи, подобныя иллюзіи немислмы; и слава Богу, что вступая въ гражданское совершеннѣе, мы не имѣемъ надобности съ ними бороться и раздѣлываться! Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому, а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства, такъ какъ отъ его матеріальнаго довольства, умственнаго развитія и нравственнаго состоянія больше всего зависитъ настоящее положеніе и будущія судьбы русскаго государства и русскаго народа. Хорошій или плохой быть нашихъ крестьянъ отзывается на всѣхъ насъ. Бѣдны они — и намъ никакъ не побогатытъ; живутъ они въ довольствѣ—оно распространяется и на насъ. Степенью умственнаго и нравственнаго со-

стоянія и развитія крестьянъ опредѣлится и состояніе культуры во всѣхъ слояхъ русскаго общества, весь нашъ политическій и общественный бытъ и строй русскаго государства. Итакъ, чтобъ улучшить наше общее положеніе, теперь крайне незавидное, надо работать внизу надъ положеніемъ народныхъ массъ. Безъ его улучшенія, все, что мы ни сдѣлаемъ, будетъ построено на пескѣ, первый вѣтеръ снесетъ какъ карточные домики все, надъ чѣмъ мы трудились, сколько бы живыхъ силъ, умѣнья, таланта и самоотверженія мы ни положили въ нашъ трудъ. Во всемъ, на каждомъ шагу, мы казимся бѣдностью, невозможно низкою ступенью умственнаго образованія и нравственнаго развитія нашихъ крестьянъ, почти полнымъ отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ понятій о правильной гражданственности, поразительнымъ ихъ равнодушіемъ и пассивностью къ общественнымъ интересамъ, даже въ ближайшей ихъ обстановкѣ, и къ улучшенію собственнаго ихъ быта. Конечно, есть изытія, но они только подтверждаютъ общее правило. Конечно, есть множество причинъ, которыя сдѣлали такимъ нашего крестьянина и теперь удерживаютъ его въ томъ же положеніи; но отъ этого ни ему, ни намъ, не легче. Надо всячески устранять эти причины. Безъ поднятія экономическаго быта крестьянъ, безъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія при ихъ теперешнихъ основахъ міросозерцанія и глубококомъ фатализмѣ, всѣ попытки къ лучшему не приведутъ ни къ чему.

Сужденіе о русскомъ народѣ, которое мы высказали, тоже найдете мало сочувствія. Оно покажется многимъ не-патріотичнымъ; найдутся читатели, которые упрекнутъ насъ, что мы смотримъ на русскій народъ свысока, глазами няньки, или наставника, съ указкой въ одной рукѣ и розгой въ другой. Такія обвиненія, каковы бы ни былъ ихъ источникъ, будутъ однимъ изъ безчисленныхъ недоразумѣній, которыми мы такъ богаты. Наши лучшіе люди такъ прислушались къ презрительному, высокобѣрному, безсердечному и недобросовѣстному отношенію къ крестьянину, что потеряли способность различать голосъ правды, и справедливо негодуя на клеветы и напраслины, которымъ такъ долго и такъ незаслуженно подвергался русскій народъ, ударились въ идиллическое превознесеніе его воображаемыхъ добродѣ-

телей и несуществующихъ качествъ. Но правда всего дороже, и ей должно принадлежать послѣднее слово въ разрѣшеніи вопросовъ дѣйствительной жизни. Самъ крестьянинъ считаетъ себя темнымъ человѣкомъ, называетъ себя „теменью непроглядною“. Таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, такимъ надо его понимать, съ какимъ бы участіемъ и любовью мы на него ни смотрѣли. Мы приписываемъ ему разныя высокія христіанскія добродѣтели только вслѣдствіе смѣшенія фатализма съ смиреніемъ, равнодушія—съ покорностью велѣніямъ судьбы и промысла, природнаго добродушія простого человѣка—съ любовью, вытекающею изъ проникновенія христіанскимъ ученіемъ. Но между тѣмъ и другимъ пѣтъ ничего общаго, хотя бы первое и прикрывалось словами и терминами, заимствованными у послѣдняго. Восточное созерцаніе и отреченіе отъ міра можно только по недоразумѣнію признавать за власть и господство надъ страстями, или за стремленіе къ совершенству, которому учить евангеліе. Страдательное, равнодушное и безучастное отношеніе къ окружающему не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ побѣдой надъ самолюбіемъ, кичливостью и гордостью. Русскому крестьянину еще предстоитъ впереди проникнуться ученіемъ дѣятельной христіанской любви и дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія.

Мы по возможности коснулись главнѣйшихъ возраженій противъ взгляда на крестьянскій вопросъ, какъ мы его понимаемъ. Читатели разсудятъ, правы мы или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ни этотъ и никакіе другіе коренные, основные вопросы русской жизни не могутъ быть рѣшены правильно при помощи тѣхъ трафареточныхъ взглядовъ, которыми мы запасаемся въ архивахъ нашего и чужого прошедшаго. Они видимо уже обветшали и безъ сильной, основательной критической провѣрки не могутъ болѣе примѣняться къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ. У насъ, какъ и въ Европѣ, жизнь прокладываетъ новые, неизвѣстные еще пути, открываетъ невиданныя доселѣ перспективы. Примѣняя къ новымъ явленіямъ и задачамъ старыя, рутинныя приемы, мы, въ ущербъ себѣ, задерживаемъ понапрасну ходъ дѣйствительной жизни, или тратимъ бесполезно силы на борьбу съ нимъ. Правильная оцѣнка и постановка крестьянскаго вопроса требуетъ, какъ мы старались показать, кореннаго переворота въ нашихъ

ходячихъ воззрѣнiяхъ, представляющихъ пеструю смѣсь унаслѣдованныхъ и заимствованныхъ предрасудковъ, политическихъ и социальныхъ суевѣрiй, бокъ-о-бокъ съ какими-то неопредѣленными стремленiями и неясными мечтами. Со всѣмъ этимъ нужно разстаться, и чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше.

Х.

Пока мы между собою споримъ и не можемъ столкнуться въ основныхъ вопросахъ, жизнь идетъ своимъ путемъ, вывода, поочередно, безъ спроса съ нами, явленiя въ извѣстной исторической послѣдовательности. Такую центральную русскую задачу, каково поднятiе материальнаго быта, умственнаго и нравственнаго состоянiя крестьянъ, нельзя ни отдалить, ни заговорить никакими софизмами и парадоксами. Разные факты, крупныя и мелкiе, съ виду незначительныя, показываютъ, что эта задача назрѣваетъ и въ скоромъ времени выдвинется на первый планъ, назойливо требуя безотлагательнаго рѣшенiя. Готовы ли мы къ тому или нѣтъ, способны ли взять дѣло въ свои руки и вести его или неспособны — передъ этимъ жизнь, дѣйствительность, развитiе останавливаться не станутъ.

Правительству первому придется вѣдаться съ этой задачей практически, и такъ или иначе отвѣтить на великую государственную и національную нужду. Нельзя не предвидѣть, что это дѣло, обнимая почти всѣ стороны народной жизни, по своей обширности и многосторонности, будетъ несравненно труднѣе великаго правительственнаго и народнаго акта, который двадцать лѣтъ тому назадъ ему предшествовалъ. На совершенiе этого новаго дѣла потребуются всѣ материальныя, умственныя и нравственныя силы страны, такъ какъ рѣчь будетъ идти о коренномъ перерожденiи всего русскаго народа и окончательной выработкѣ основъ его дальнѣйшаго экономическаго, гражданскаго и духовнаго существованiя и развитiя.

Когда разъ мысль о крестьянской реформѣ созрѣетъ и при участiи всѣхъ живыхъ умственныхъ силъ страны получить опре-

дѣленную выработанную форму, настанетъ время осуществить ее въ дѣйствительности, во всѣхъ подробностяхъ.

Какъ этого достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ прискорбныхъ, вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и нарушеній, которыя омрачили, при практическомъ примѣненіи, великую реформу крестьянскаго быта въ шестидесятыхъ годахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса чрезвычайно трудно, — гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлить главные основанія и самыя подробности преобразованія; а между тѣмъ все его значеніе и его благотворныя послѣдствія будутъ существенно зависѣть отъ правильнаго и строго-добросовѣстнаго примѣненія въ дѣйствительности.

Трудности осуществленія коренной крестьянской реформы зависятъ у насъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и характера установившихся на практикѣ пріемовъ нашей администраціи, отъ умственного и нравственнаго состоянія всѣхъ классовъ русскаго общества и отъ крайне низкой степени развитія крестьянъ.

Провести коренную крестьянскую реформу посредствомъ однихъ административныхъ органовъ немыслимо; да объ этомъ едва ли кто теперь и думаетъ. Устраняя здѣсь совершенно вопросъ о разныхъ недостаткахъ нашего административнаго механизма, замѣтимъ, что характерная черта всякой администраціи, хотя бы и наилучшей, заключается въ болѣе или менѣе безпощадномъ примѣненіи формы. Эта черта вытекаетъ изъ самаго существа администраціи и смягчается другими отправлениями государственной и общественной жизни, — высшими общими правительственными соображеніями, судомъ, правами и культурой. Сама по себѣ администрація формальна и безпощадна, какъ всякій механизмъ, исполняющій свое дѣло. Но именно это его свойство дѣлаетъ невозможнымъ провести, посредствомъ одной лишь администраціи, какое бы то ни было живое дѣло, требующее осторожнаго обращенія съ живыми лицами и фактами, примѣняясь къ ихъ особенностямъ и индивидуальнымъ свойствамъ. Въ Россіи характерная односторонность административныхъ пріемовъ еще осложняется и увеличивается присущими ей у насъ недостатками — неудовлетворительностью личнаго административнаго состава, несовершенствами административной организаціи и уставовъ, опредѣляющихъ дѣятельность административнаго механизма.

Не лучше и наша общественная организація. У насъ очень распространено мнѣніе, что обращеніе правительства къ общественнымъ силамъ могло бы дать странѣ то, чего не даетъ администрація и бюрократія. Въ примѣненіи къ выработкѣ правительственной программы, органическихъ законоположеній и важнѣйшихъ административныхъ мѣръ, мнѣніе это совершенно вѣрно. Но приведеніе въ исполненіе коренной реформы, въ особенности крестьянской, исключительно, или хотя бы только преимущественно при помощи общества и органовъ общественнаго управленія, точно такъ же немислимо, какъ и посредствомъ одной администраціи, хотя по другимъ причинамъ. Первая изъ нихъ—та же самая, которая тормазитъ и выясненіе важнѣйшихъ русскихъ задачъ и вопросовъ, а именно, крайнее разнообразіе мнѣній и взглядовъ, неуспѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленныя педоразумѣнія, дробящія русскую мысль на мелкіе кружки и котеріи, которыя не имѣютъ между собою ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ. Эта крайняя разрозненность волей-неволей переносится и въ веденіе общественныхъ дѣлъ и имѣетъ весьма неблагоприятное вліяніе на ихъ ходъ; въ примѣненіи же къ коренной государственной реформѣ, которая при своемъ осуществленіи прежде и больше всего требуетъ единства направленія въ общемъ и подробностяхъ, она могла бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Но этого мало. Наша общественная организація, земская и сословная, благодаря кореннымъ ея недостаткамъ, не представляетъ собою даже мнѣній и интересовъ большинства. Частные, личныя и случайныя интересы безпрестанно въ нее врываются и въ ней господствуютъ, свободно распоряжаясь всѣми дѣлами и общественной кассой. Общественныя дѣла, въ большинствѣ случаевъ, ведутся, у насъ крайне дурно. Какъ же ожидать, чтобъ государственное дѣло, идущее въ разрѣзъ съ нѣкоторыми частными интересами, было приведено въ исполненіе какъ слѣдуетъ тѣми органами, которые оказываются на дѣлѣ негодными даже для представленія интересовъ земскаго или сословнаго большинства и правильнаго веденія общественныхъ дѣлъ?

Что касается до самихъ крестьянъ, то отъ нихъ, по низкой

степени ихъ культуры, но совершенной ихъ неопытности въ дѣлахъ общественныхъ вѣдѣ предѣловъ села или деревни, нельзя ожидать никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы. Мало того, въ рѣдкихъ только случаяхъ, въ видѣ отроднаго изытія, они позаботятся сами выискать въ смыслъ реформы и сознательно пойдутъ ей на встрѣчу; огромное большинство отнесется къ ней пассивно и равнодушно, подчинится новымъ порядкамъ такъ же безучастно, какъ подчиняется заведеннымъ теперь, и снесетъ, безъ жалобъ и протестовъ, обиды, несправедливости и злоупотребленія непосредственныхъ исполнителей преобразованія, когда они здѣсь и тамъ будутъ встрѣчаться, въ полной увѣренности, воспитанной и вскормленной вѣхами гнета и притѣсненій, что правды не добьешься нигдѣ, и мужику на роду написано ее не видать какъ своихъ ушей. У насъ мало выполнить реформу, а надо еще и наблюдать, чтобы тотъ, въ пользу кого она сдѣлана, не былъ ею, или по ея поводу, обиженъ, потому что самъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не подастъ объ этомъ голоса, въ увѣренности, что такъ тому и быть должно, и изъ боязни, что пожалуешься, выйдетъ пожалуй еще хуже.

При неудовлетворительности органовъ, чрезъ которые должна быть проведена крестьянская реформа, при слабости и невыработанности естественной внушительной повѣрки правильности ихъ дѣйствій—голоса самихъ заинтересованныхъ въ точномъ и справедливомъ ея примѣненіи,—необходимо придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобы обезпечить и государству, и народнымъ массамъ, дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу.

Такимъ коррективомъ могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разсыянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы, могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единствен-

ной задачей его должно быть ни больше ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этою цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея введеніе, оно должно быть уполномочено знать, что дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но чтобъ дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью, общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ, и тщательно исключать изъ своей среды, какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выдти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобъ въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ, и чтобъ личный его составъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію.

Кромѣ того, общество должно быть уполномочено, для достиженія цѣлей реформы, требующей значительныхъ денежныхъ средствъ, собирать и принимать пожертвованія и употреблять ихъ на прикупку для крестьянъ земли, гдѣ это необходимо, на устройство школъ, фермъ, библиотекъ, учительскихъ семинарій и т. п. Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты.

Подобная организація частныхъ живыхъ силъ, не призванныхъ къ осуществленію реформы, но сочувствующихъ ей и дѣйствующихъ рука объ руку съ высшимъ правительствомъ, въ духѣ

его программы, послужила бы могущественнымъ орудіемъ крестьянской реформы и не дала бы ей застрять въ бумажной перепискѣ, отъ неумѣнья или недобросовѣстности исполнителей и незаконнаго вторженія въ общественное и государственное дѣло частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ. Изъ состава общества, люди способные, знающіе, практическіе и добросовѣстные, но доколѣ вовсе неизвѣстные правительству, могли бы въ послѣдствіи быть приняты вмѣ въ коронную службу и пополнить составъ служащихъ достойными лицами. Этимъ же путемъ высшее правительство могло бы ближе и подробнѣе ознакомиться съ дѣятельностью и характеромъ своихъ органовъ, помимо официальной переписки и бумагъ, которыя нерѣдко болѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ. Такъ произошло бы то, во всѣхъ отношеніяхъ желанное, сближеніе и взаимодѣйствіе официальной дѣятельности и неофициальныхъ стремленій и направленій русской жизни, которыхъ разъединеніе, а нерѣдко и полный разладъ, составляютъ основную тему всѣхъ неудовольствій и жалобъ и по всей справедливости могутъ быть названы слабой стороной русской публичной жизни.

Многіе найдутъ мысль о такомъ обществѣ неосуществимой, забывая или не зная, что послѣдняя цѣль и задача всевозможныхъ учреждений, государственныхъ и общественныхъ, сколько ихъ ни есть и ни было, всегда заключались въ такомъ сочетаніи всѣхъ силъ, стремленій, сторонъ и отправленій общества или государства, которое приводило бы ихъ къ возможному единству и гармоніи. Къ этому должны идти и мы, если наши виды и надежды на историческую роль и значеніе не пустыя слова или вздорная мечта. Вся разница между народами и государствами, призванными жить и имѣющими будущность, состоитъ только въ томъ, что они различными путями и способами достигаютъ гармоническаго сочетанія своихъ составныхъ элементовъ и функцій. Если различныя историческія, національныя и бытовыя особенности русскаго государства и народа лишаютъ его возможности достигнуть этой послѣдней главной цѣли тѣми путями, которыми шли къ ней другіе народы, то надо искать другихъ путей, возможныхъ и примѣнимыхъ у насъ. Такимъ ближайшимъ, сподручнымъ и легко осуществимымъ представляется намъ орга-

низація, рядомъ съ офіціальными органами, частныхъ силъ, подъ верховнымъ водительствою государства, призывъ ихъ къ публичной дѣятельности въ условіяхъ, благопріятныхъ для правильного разрѣшенія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Такое привлеченіе частныхъ силъ на службу государству не было бы у насъ чѣмъ-либо новымъ. Забота частныхъ лицъ о бѣдныхъ послужила основаніемъ для созданія Человѣколюбиваго общества. Забота частныхъ же лицъ о распространеніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ, о призрѣніи дѣтей, о содержаніи арестантовъ, о созданіи черноморскаго и добровольнаго флота, рельсовыхъ путей и множества другихъ подобныхъ общепользныхъ предпріятій представляютъ, по крайней мѣрѣ представляли при началѣ своемъ, обращеніе частныхъ средствъ и добровольныхъ усилій на пользу государства и общества. Но эта давняя мысль до сихъ поръ не получила соотвѣтствующей ей формы. Организациі частныхъ добровольныхъ силъ и средствъ на общую и государственную пользу то вырождались въ правительственныя учрежденія и замирали, то искусственно вызывались самимъ правительствомъ и были на самомъ дѣлѣ правительственными учрежденіями, подъ фирмою частныхъ и добровольныхъ. Съ успѣхами образованія, съ расширеніемъ круга интересовъ, съ развитіемъ общественнаго духа и направленія, потребность въ организациі частныхъ силъ для достиженія разнообразнѣйшихъ общепользныхъ цѣлей выразилась въ учрежденіи безчисленнаго множества частныхъ обществъ, дѣйствующихъ самостоятельно въ предѣлахъ своихъ уставовъ и приносящихъ громадную пользу. Такимъ образомъ, и почва, и самыя формы для общества, о которомъ мы говоримъ, уже подготовлены и выработаны; съ самою мыслью о привлеченіи частныхъ силъ и средствъ на службу общественному дѣлу—русское общество успѣло вполне освоиться. То, что мы предлагаемъ, было бы лишь возобновленіемъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и посреди сравнительно гораздо болѣе зрѣлаго и развитого общества, опытовъ, начатыхъ безъ ясной, обдуманной мысли еще въ царствованіе Александра I-го. Мы убѣждены, что крестьянская реформа въ минувшее царствованіе была бы осуществлена успѣшнѣе и привела бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ, еслибъ наличныя тогда частныя живыя силы, которыхъ было не мало, были организованы въ

общество и могли дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла, опираясь на высшее правительство. Такъ или иначе, но мы не можемъ представить себѣ въ будущемъ ни одной глубокой общественной реформы въ Россіи безъ дѣятельнаго участія въ ея начертаніи и проведеніи всѣхъ живыхъ силъ народа, — и чѣмъ далѣе, тѣмъ это участіе будетъ необходимѣе для пользы государства и самого правительства.

Все вышеизложенное нами, при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, въ видѣ ряда статей въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, вызвало замѣчанія, а отчасти и возраженія въ періодической печати. Особеннымъ вниманіемъ почтила насъ редакція извѣстной рижской газеты: «*Zeitung für Stadt und Land*»; мы отвѣчали ей въ свое время, и теперь, пользуясь случаемъ отдѣльнаго изданія нашихъ статей, приведемъ въ заключеніе тотъ отвѣтъ, которымъ мы старались объяснить недоразумѣнія, вызванныя нашими взглядами и разсужденіями. Очень возможно, что такія недоразумѣнія могли найти себѣ мѣсто не въ однихъ нашихъ читателяхъ на окраинахъ Россіи, но также и въ центрѣ ея.

Вотъ текстъ нашего письма въ упомянутую редакцію:

М. Г.—Примите мою искреннѣйшую благодарность за присылку №№ 298 и 299 Вашей уважаемой газеты. Просвѣщенное вниманіе и полное безпристрастіе, съ которымъ Вы слѣдили за мыслями о крестьянскомъ вопросѣ, изложенными въ данномъ рядѣ моихъ статей, и передавали ихъ Вашимъ читателямъ, налагаютъ на меня обязанность войти въ нѣкоторыя разъясненія по предметамъ, возбуждвшимъ въ Васъ недоумѣнія. Эта обязанность представляется мнѣ въ особенности настоятельной въ виду того, что Вы принадлежите къ Остзейскому краю и издаете Вашу газету на нѣмецкомъ языкѣ, доступномъ всему образованному европейскому міру. Для меня лично и безъ сомнѣнія для всѣхъ моихъ просвѣщенныхъ земляковъ чрезвычайно важно, чтобъ наши сограждане другой вѣры и національности вполне ясно знали и понимали, что мы думаемъ и чего желаемъ, безъ малѣйшихъ недоразумѣній, которыя вообще весьма прискорбны, а тѣмъ болѣе между членами одного политическаго тѣла. Съ другой стороны, съ чисто отвлеченной и теоретической точки зрѣнія весьма нежелательно, чтобъ стремленія извѣстной части русской публики сдѣлались извѣстны европейскимъ читателямъ съ отбѣнкомъ, котораго она на самомъ дѣлѣ не имѣютъ.

Прежде всего, позвольте устранить важнѣйшее изъ всѣхъ недоразумѣній,

вызванныхъ въ Васъ моими статьями. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Вашего разбора, Вы, кажется, полагаете, что я всё свои взгляды свою, въ концѣ концовъ, къ національному вопросу. Но я весьма далекъ отъ этого. По моимъ понятіямъ, крестьянство есть общественный типъ, вездѣ, въ цѣломъ мірѣ имѣющій свою особую физиономію, свою характеристику, свои общія, родственныя черты, несмотря на различіе національностей, вѣрословданій, социальнаго быта, рода занятій и степени культуры. Какъ горожане, аристократы, духовенство, военные, бюрократы, судьи, ученые, художники, медики и т. д., имѣютъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ, общія каждому изъ этихъ общественныхъ положеній характерныя черты и отличія отъ другихъ, такъ и крестьяне. Меня это всегда поражало во время моихъ поѣздокъ за границу. Въ 1862 году, въ Базель, одинъ изъ профессоровъ, которому я рассказывалъ о нашихъ крестьянахъ, замѣтилъ: „да это совершенно то же, что и наши мужики“. Въ мѣстѣ, занимаемомъ крестьянствомъ въ социальномъ бытѣ и строгѣ и заключается, по моему глубокому убѣжденію, ключъ къ объясненію рѣзкихъ различій между Западной Европой и нами. Какъ истинный европеецъ, Вы смотрите на мужика не какъ на социальнаго фактора, социальный элементъ, а какъ на невѣжду, некультурнаго человѣка, и приписываете всё наши непорядки тому, что мы отстали отъ Западной Европы въ образованіи на двѣсти лѣтъ; что культурный элементъ, благодаря громадному перевѣсу некультурной массы, подавленъ; что благодаря тому же обстоятельству наши политическія формы находятся въ зачаточной формѣ. Вы тысячу разъ правы, констатируя факты, и конечно не я стану объ этомъ съ Вами спорить. Но изъ-за общей совершенно вѣрной оцѣнки нашего политическаго и социальнаго положенія, Вы, мнѣ кажется, просмотрѣли его главную причину, а причина и заключается въ иной со всѣмъ постановкѣ у насъ социальныхъ элементовъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Вы знаете, что и въ дикой странѣ можетъ не быть самодержавія, можетъ существовать сильная аристократія поземельная, или родовая, могучія свободныя общины, съ патриціатомъ во главѣ, сильныя жреческія касты, имѣющія перевѣсъ надъ свѣтской властью. Римскіе цесари и французскіе императоры, ищущіе опоры въ народныхъ массахъ, чтобы господствовать надъ высшими классами и интеллигенціей, выросли, какъ извѣстно, на почвѣ долговременной и ожесточенной борьбы сословій. Было-ли когда-нибудь что либо подобное у насъ,—я хочу сказать: въ Московскомъ государствѣ, въ Великороссіи, изъ которой выросла Россійская Имперія? Зачатки аристократіи, общинъ, церкви, въ смыслѣ общественныхъ и политическихъ факторовъ, конечно, были, но они атрофировались; а крестьянство, которое въ Европѣ (кромѣ скандинавскихъ странъ) было затерто и до сихъ поръ не играетъ, какъ общественный факторъ, никакой роли, у насъ сохранилось, представляетъ въ нашемъ понятіи народъ, и съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ и въ заботахъ правительства, и во взглядахъ мыслящаго меньшинства. Крестьянство у насъ пока—громадный вліятельнѣйшій общественный и политическій фактъ; но недалеко время, когда этотъ фактъ будетъ осмысленъ и станетъ у насъ политическимъ и общественнымъ принципомъ.

Вот эту нашу особенность мнѣ и хотѣлось освѣтить. Можетъ быть, попытка оказалась неудачной, какъ по моему неумѣнью справиться съ задачей, такъ въ особенности по новости самой темы. Но что въ этомъ пунктѣ заключается весь интересъ русской исторіи и наше право на историческое значеніе—въ этомъ я убѣжденъ глубоко. У насъ народъ не есть горожаннѣ, а крестьяннѣ. Вотъ, явленіе совершенно новое, не бывавшее во всемирной исторіи. Передовые политическіе и соціальные мыслители Германіи указываютъ на четвертое сословіе, выступающее на сцену всемирной исторіи съ требованіемъ признанія и правъ; но недѣ четвертымъ сословіемъ они разумѣютъ рабочихъ. А что такое рабочіе какъ не продолженіе, низшая ступень горожанъ и городского типа? Я же думаю, что дѣйствительно новое четвертое сословіе представляетъ соціальнѣ типъ, еще никогда не игравшій никакой роли въ исторіи,—типъ сельскаго жителя, земледѣльца, крестьянина. Эту мысль я развивалъ еще въ 1863 году, въ Боннѣ, въ кружкѣ профессоровъ.

И чѣмъ больше я думалъ и наблюдалъ, тѣмъ больше въ ней утверждался. Въ такомъ взглядѣ нѣтъ ничего исключительно узко-національнаго. Крестьяннѣ для меня соціальнѣ типъ и принципъ, какой бы онъ ни былъ національности. Калскій боерь, вѣмецкій михель, французскій жакъ, пошехонецъ и пеззакъ представляются мнѣ видозмѣненіями, разновидностями одного и того же генерическаго понятія. Я русскій патриотъ лишь настолько, насколько въ моихъ надеждахъ и предвидѣніяхъ крестьянскій типъ и его развитіе связаны съ историческими судьбами русскаго государства и русскаго народа, насколько мое отечество, какъ бессознательнѣ пока носитель этого принципа, способно развитъ его—и тѣмъ получить право на значеніе и роль во всемирной исторіи. Безъ такого значенія, Россія не имѣетъ, въ моихъ глазахъ, никакого смысла; ибо всѣ другіе соціальные типы несравненно лучше, полиѣ блистательнѣ развились въ античномъ мѣрѣ и въ новыхъ европейскіхъ государствахъ.

Кромѣ того, вы ставите мнѣ въ вину, что я будто бы знать не хочу тѣхъ основнѣхъ политическѣхъ формъ, которыя, необходимо возпкая изъ развитія челоѣчества въ теченіе тысячелѣтій, постоянно возвращаются и получили значеніе опредѣляющихъ нормъ. Въ Вашихъ глазахъ, онѣ имѣютъ общечелоѣческое значеніе, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ. Разныя ихъ примѣненія, по Вашему мнѣнію, не болѣе какъ ихъ видозмѣненія, и въ моихъ взглядахъ Вы усматриваете химерическую попытку, изъ за нашихъ мѣстныхъ особенностей, выбросить за бортъ то, что лежитъ въ основаніи всѣхъ челоѣческихъ обществъ, какъ необходимое общее условіе ихъ политическаго существованія.

И эти обвиненія вытекаютъ изъ важнаго недоразумѣнія. Вы, мнѣ кажется, недовольно обобщаете основныя формы общественнаго и политическаго обществѣ и вносите въ нихъ значительную долю содержанія, выработаннаго особенностями жизни древнѣхъ и новыхъ европейскѣхъ народовъ, придавая ему, по моему, несправедливо—общечелоѣческое, всемирное значеніе. Нельзя себѣ представить политическаго общества безъ власти, суда, управленія, законовъ письменныхъ или освященныхъ обычаями, общественнѣхъ классовъ и группъ,

учрежденій, финансовъ, военныхъ силъ, и т. п. Вотъ, такія только обобщенія и могутъ быть признаемъ за всемірныя, общечеловѣческія нормы. Какъ только Вы попробуете опредѣлить ихъ точнѣе, положителнѣе, тотчасъ то или другое государство, не подойдетъ подъ опредѣленіе, и оно, слѣдовательно, не можетъ уже быть названо нормой. Объясню свою мысль примѣромъ. Всѣ люди имѣютъ по двѣ ноги и руки, по одной головѣ, носу, рту, по парѣ глазъ и ушей и т. д. Попробуйте опредѣлить эти общіе признаки точнѣе, скажите, напримѣръ, что волосы на головѣ русые или свѣтлые, глаза голубые или черные, ротъ маленькій или широкій и т. д.,—и Вы тотчасъ же опредѣлите признаки не человѣка вообще, а аріица, монгола, или француза, испанца, пѣнца, русскаго и т. д. То же самое представляютъ и условія политическаго и общественнаго существованія государствъ. Въ каждомъ, неизмѣнно, всѣ такія условія неизмѣнно будутъ на лицо; но при различныхъ ихъ комбинаціяхъ они являються въ формахъ до того различныхъ, что иногда трудно, почти невозможно ихъ узнать и подмѣтить ихъ однородныя черты и свойства. Припомните только древнія греческія государства: въ разныя эпохи ихъ развитія, Римъ въ періодъ царей, республики и имперіи, новыя варварскія государства, возникшія на ея развалинахъ, имперію Карла Великаго, феодальныя государства, монархіи абсолютныя и конституціонныя, Наполеоновскій цесаризмъ и республики европейскія и американскія, кастовое, военное, жреческое устройство восточныхъ царствъ. Что, спрашивается, общаго между этими различными видами организованнаго человѣческаго общежитія? Какія опредѣленныя общія нормы, кромѣ одной лишь условій политическаго существованія, можно въ нихъ подмѣтить? Во всѣхъ перечисленныхъ видахъ государствъ мы находимъ, между прочимъ, высшіе и низшіе классы; по какаля громадная разница въ ихъ характерѣ, роли, въ ихъ взаимныхъ комбинаціяхъ въ разныхъ государствахъ, даже въ одномъ и томъ же государствѣ, въ періоды его развитія. Крестьянство, отличающееся рѣзкими характеристическими чертами отъ всѣхъ другихъ, никогда и нигдѣ не входило въ политическія комбинаціи, кромѣ Скандинавіи. Представьте же себѣ государство, въ которомъ зтотъ общественный элементъ есть почти единственный, во всякомъ случаѣ главный, первенствующій, чего до сихъ поръ нигдѣ и никогда не бывало, какъ вѣкогда, при господствѣ аристократовъ и патриціевъ, никому и на мысль не приходило, что наступитъ время, когда глубоко презираемые средніе и низшіе слои ихъ переростутъ и займутъ ихъ мѣсто: очевидно, что при такой соціальной и политической комбинаціи другіе общественные элементы и условія политической и общественной жизни не исчезнутъ, но явятся въ совершенно другихъ сочетаніяхъ, получатъ совсѣмъ другой характеръ, займутъ въ политической и общественной жизни совсѣмъ не то мѣсто, какое имѣли въ прежнихъ и имѣютъ въ теперешнихъ политическихъ и общественныхъ формаціяхъ, въ которыхъ крестьянство не играло рѣшительно никакой роли и только служило матерьяломъ, подножіемъ, каріатидой.

Возможность такой небывалой и невиданной еще комбинаціи Васъ пугаетъ? Въ Вашихъ опасеніяхъ она представляется господствомъ грубой невежественной массы, съ дикой, полуазіятской деспотіей до главъ. Судя по тѣмъ

комбинаціямъ, которыя Вы знаете и которыя Вамъ представляются нормальными условіями, опредѣляющими всякую правильно-устроенную общественность, не можетъ быть ни порядка, ни свободы, безъ высшаго или средняго образованнаго сословія, смягчающаго и взвздымающаго произволъ власти.

У насъ такого высшаго или средняго сословія нѣтъ; но я, говоря по правдѣ, объ этомъ не горюю. Не то, чтобъ я не желалъ, подобно Вамъ, законнаго порядка, свободы, обезпеченія правъ, обузданія произвола; но исторія учитъ меня, что вездѣ, гдѣ исторически сложившіяся высшія и среднія сословія становились участниками государственной власти, они, правда, ограничивали произволъ, но въ свою, а не всенародную пользу, вносили въ веденіе общественныхъ и государственныхъ дѣлъ свои ближайшіе сословные интересы, и тѣмъ, въ значительной степени, ослабляли, въ дѣйствительности, несомнѣнную правильность теоріи. Я не виню ихъ за это, но только констатирую фактъ. Когда исторически власть была ограничена, сословія, положившія на нее узду и подчинившія народныя массы своему господству, не имѣли тѣхъ взглядовъ на народъ и государство, какіе мы теперь имѣемъ, и отождествляя себя и свои интересы съ государствомъ и народомъ, поступали вполне добросовѣстно, по крайнему своему разумѣнію. Въ наше время и послѣ столькихъ опытовъ, подобныя иллюзіи не мыслимы. Теорія государственнаго устройства и власти, которую лучшіе умы посвятъ въ своею убѣжденіи, неосуществима при помощи исторически образованныхъ типовъ высшаго и средняго сословія. Мы же, вдобавокъ, ихъ не имѣемъ, а потому, еслибъ и хотѣли, не можемъ на нихъ рассчитывать. Миѣ рисуется въ будущемъ, для моей родины, тотъ же идеалъ законнаго порядка, свободы и гарантій, какъ и Вамъ, но въ другихъ формахъ и съ другими путями для его достиженія. Я вижу впереди мою родину необозримымъ моремъ осѣдлаго, свободнаго, трудящагося, благоустроеннаго крестьянства, съ сильною центральной властью, обставленною высшею интеллигенціей, постоянно вырабатываемою странною, но не составляющею ни юридически, ни экономически привилегій какого бы то ни было класса, сословія или общественной группы. Преобладаніе осѣдлаго, свободнаго крестьянства, представляемаго безсословной интеллигенціей, исключаетъ возможность господства черни и ея послѣдствій—цесарской власти, политическаго авантюризма, ограбленія богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, нетерпимости религіозной или національной, ибо такія явленія, вытекающія изъ преобладанія бездомной черни, суть результатъ глубокаго разстройства соціальнаго быта народныхъ массъ. Вы, пожалуй, назовете мои надежды и упованія—несбыточной мечтой, особенно въ виду пастоящей нашей печальной дѣйствительности, которая гораздо больше напоминаетъ Францію передъ великою революціей, или времятъ послѣдней имперіи, но на самомъ дѣлѣ никакого такого сходства нѣтъ. Оно намъ представляется только потому, что и Вы, и мы сами смотримъ на Россію сквозь европейскіе очки, и мы до того давно, долго и усердно занимались пероодѣваньемъ въ европейскіе костюмы, что наконецъ ввели въ заблужденіе себя и другихъ. Россія, какъ еще недавно замѣтилъ А. Леруа-Болье, — страна противурѣчій. Наши природные задатки влекутъ насъ на одинъ путь, а примѣръ и образецъ народовъ, у которыхъ мы учились и учимся, на дру-

гой. Отсюда—наша безтолочь и бессмыслица, на каждом шагу, темныя чаявія какой-то особенной задачи, за рѣшеніе которой не умѣемъ взяться, бесплодная трата силъ по пустому, потуговъ, производящія мышей; за все это Вы, европейцы, считаете насъ азіатами, варварами, некультурнымъ народомъ, который случайно выросъ въ громадную державу на погибель европейской культуры. Ваши предубѣжденія разсыятся, если Вы глубже вглядитесь въ составные элементы русскаго общества, представляющаго совсѣмъ новую соціальную формацію. Крайне низкая степенъ нашей культуры скрываетъ отъ Вашихъ глазъ чрезвычайную трудность задачи нашего развитія. Мы не можемъ идти проложеными путями и вынуждены пробовать новыя, соотвѣтствующіе особенностямъ нашего мужицкаго царства, совсѣмъ не похожаго на другія политическія формаціи. Очень многое, что Вы, съ европейской точки зрѣнія, приписываете нашей неразвитости и отсталости, обусловливается этими особенностями строя, въ которомъ крестьянству предстоитъ выдающаяся соціальная роль.

— Вотъ, главные пункты нашихъ недоразумѣній. Всѣ другія вытекаютъ изъ нихъ, и имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Вы находите, что, поставляя высшимъ классамъ русскаго общества задачу заботиться о крестьянахъ и не имѣть своихъ особенныхъ сословныхъ интересовъ, я требую невозможнаго. Но мысль моя вотъ какалая: такъ какъ центръ тяжести нашего соціального и политическаго существованія лежитъ въ крестьянствѣ, то другіе соціальныя элементы не могутъ, и въ собственныхъ хорошо понятыхъ сословныхъ интересахъ не должны стремиться къ политическому господству и преобладанію. Вся русская исторія доказываетъ безуспѣшность такихъ стремленій. Этими я не отрицаю существованія особыхъ соціальныхъ интересовъ разныхъ слоевъ соціальныхъ и группъ въ Россіи. Они не могутъ не существовать, какъ и въ цѣломъ мірѣ; только роль и значеніе ихъ—другія. Наше дворянство, твердая заты, продолжаетъ противопоставлять себя крестьянству. Я стараюсь объяснить ему всю бесплодность, ненадѣлательность и опасность для него самого такого направленія.

Вы находите неправильной мысль, что къ Россіи непримѣнимо понятіе о демократіи и ссылаетесь на бытъ окраинъ русскаго государства. Но я говорю только о ядрѣ русской имперіи, — о Великороссіи, прототипѣ крестьянскаго уклада. Вы правы, что въ сравненіи съ аристократическими государствами, наиримѣръ, съ Великобританіей, Россія можетъ показаться демократической страной. Но Франція и Сѣверо-Американскіе штаты — тоже демократіи; и Вы, однако, не причислите къ нимъ Россіи. А главное, отрицая аристократію и демократію въ Россіи, я хотѣлъ лишь указать на отсутствіе въ ней соціальной разнообразности элементовъ, которая характеризуетъ всѣ европейскія, древнія и новыя государства и объясняетъ глубокое различіе политическаго и общественнаго русскаго и западно-европейскаго строя.

Наконецъ, Вы совсѣмъ не поняли значенія того Общества, которое я предлагаю для проведенія крестьянской реформы. Ставьте на минуту на мою точку зрѣнія, и Вамъ сразу станетъ все яснымъ. Коренная крестьянская ре-

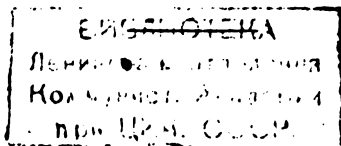
форма представляется мнѣ настоятельнѣйшей, неотложной потребностью въ Россіи, удовлетвореніемъ которой нельзя медлить. На скорую коренную реформу нашей мало пригодной администраціи, правительственной, сословной и общественной, я не рассчитываю и не надѣюсь, а пока она существуетъ, крестьянская реформа такъ же будетъ искалѣчена, какъ въ минувшее царствованіе. Остается правительству одно: привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ, не въ видѣ, конечно, постоянного учрежденія, а въ видѣ временной мѣры, только для проведенія крестьянской реформы, всѣ живыя силы страны, не вошедшія въ составъ официальной административной организаціи. Вамъ показался дикимъ взаимный контроль членовъ Общества другъ за другомъ. Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ совѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые бы хотѣли идти дальше цѣли, для которой Общество устроено, и тѣмъ могли бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть, неловкомъ выраженіи не было и не могло быть. Вся русская исторія до послѣдняго времени была дѣломъ усилій и самоотверженныхъ трудовъ малочисленнаго просвѣщеннаго меньшинства, когда ему удавалось стать во главѣ движенія, и обстоятельства благоприятствовали его дѣятельности. При нашей степени культуры и нашей комбинаціи общественныхъ элементовъ, данной всею исторіей, иначе и быть не могло.

Извините меня за это длинное письмо. Вѣрьте, что моимъ перомъ руководило не личное самолюбіе и не раздутое національное тщеславіе, а одно глубокое убѣжденіе въ правотѣ дѣла, которое защищаю. Въ ностройномъ хаосѣ безчисленныхъ взглядовъ, умныхъ и глупыхъ, безобразныхъ и фантастическихъ, которые до Васъ отсюда долетаютъ, Вамъ трудно разобраться, особенно при тѣхъ предносылкахъ, выработанныхъ европейскою жизнью, съ которыми Вы естественно смотрите на то, что у насъ думается и дѣлается. Надо, чтобъ Вы, наши сограждане, сложившіеся и воспитанные другимъ историческимъ путемъ, имѣли ключъ для уразумѣнія усиленной умственной работы, которая совершается теперь у насъ пока невидимо, за семью печатами. Одно изъ двухъ: или русское государство есть призракъ, фантомъ, случайно возникшій, который долженъ исчезнуть, не оставя послѣ себя другого слѣда, кромѣ громаднаго матерьяльнаго факта, подобнаго другимъ колоссальнымъ созданіямъ Азіи, — или намъ суждено представить и осуществить новую социальную и политическую комбинацію, и чрезъ нее завоевать себѣ право на историческое битіе между другими культурными народами. Никакой середины въ этой дилеммѣ нѣтъ—и быть не можетъ.

Я Вамъ пишу по-русски только потому, что это мнѣ легче. По-нѣмецки я бы прописалъ двѣ-три недели, а времени у меня очень мало. Пожалуйста не пишите никакой другой причины. Я не принадлежу къ кваснымъ патриотамъ—и очень этимъ горжусь.

С. Петербургъ, 8 января 1882 г.

К. К.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

Предисловіе.—Прежняя судьба и современное положеніе крестьянскаго вопроса въ нашей печати	1
ГЛАВА I. — Отношеніе его къ другимъ вопросамъ общественной жизни.	14
ГЛАВА II. — Общій обзоръ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянъ.	33
ГЛАВА III. — Какая для того желательнѣе форма крестьянскаго земле- владѣнія	64
ГЛАВА IV. — О возможности сельско-хозяйственныхъ успѣховъ при об- щественной поземельной собственности	93
ГЛАВА V. — Объ устройствѣ мелкаго крестьянскаго кредита	107
ГЛАВА VI. — Необходимость реформы какъ учрежденій и управленія, такъ и судебного, и нотаріальнаго дѣла, у крестьянъ и главныя черты ея программы	115
ГЛАВА VII. — Народное образованіе, какъ коренное условіе успѣха вся- кихъ другихъ реформъ крестьянскаго быта.	142
ГЛАВА VIII. — Существенная задача народнаго образованія въ крестьян- скомъ быту	157
ГЛАВА IX. — Наша интеллигенція и народъ; трудъ и капиталъ	179
ГЛАВА X. — Способы къ успѣшному проведенію крестьянской реформы	197
ПРИЛОЖЕНІЕ.—Отвѣтъ на возраженіе въ газетѣ „Neue Zeitung für Stadt und Land“	204

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., в линія, 7.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ И МАГАЗИНѢ
ТИПОГРАФІИ М. М. ОТАЮЛЕВИЧА

продаются слѣдующія изданія:

Объ образованіи челоѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Робертъ Оуэнъ. Перев. съ англійскаго. Сиб. 1881 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія челоѣка“. Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Развитіе политическихъ учрежденій. Герберта Спенсера. Съ предисловіемъ Л. К. Оболенскаго и статьей „Обрядовыя учрежденія“. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Губернскіе очерки. М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Изданіе четвертое. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Сборникъ. Разказы, очерки, сказы. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Невинные разказы. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Сиб. 1881 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

Въ средѣ утренности и акиуратности, Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. (Дополненное). Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Сиб. 1881 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 к.

Антропологія. Введеніе къ изученію челоѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Ивина. Съ 78 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1882 г. Ц. 3. съ пересылкою.

Полный Курсъ Физики. А. Гано. Переводъ, съ 18-го франц. изданія, Ф. Павленкова и В. Черкасова. Сиб. 1881 г. 4-е дополненное изданіе, съ 1126 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Популярная химія. Н. Вальберха и Ф. Павленкова, съ 53 рисунками. Ц. 30 к.

Телефонъ, Микрофонъ, и Фонографъ. Д-р Монселя. Переводъ съ 2-го франц. изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Сиб. 1880 г. 342 стр., съ 74 рисунками

За рубежомъ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярной естественно-научной философіи. А. Секки. Переводъ съ франц. Ф. Павленкова. Сиб. 1880 г., 2-е значительно-дополненное изданіе, съ 63-мя гравюрами въ текстѣ, портретомъ автора и приложеніемъ цубл. лекцій Тиндалла: „Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ“. Цѣна 2 р. 50 к.

Русская глѣ за-границей. Н. А. Попова. 27 очерковъ, рисующихъ жизнь нашихъ самобытныхъ въ Парижѣ и Италіи. Сиб. 1881 г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Мученики науки. Г. Тиссандье, переводъ съ франц., подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 34 гравюрами и 20 портретами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Уложеніе о маказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ П. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Сиб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платеняхъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Профес. Ю. Э. Янсона. Томъ II. Промышленность и торговля. Огдѣлъ I. Статистика сельскаго хозяйства. Сиб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пер. Т. I. Территорія и населеніе. Ц. 2 р., съ перес.

Драматическая трилогія. I. Смерть Иоанна Грознаго. — II. Царь Эдори. — III. Царь Борисъ. Сочиненіе Гр. А. К. Толстого. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Современный социализмъ. Соч. Эммануэля де-Лавеге. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ перес.

Сочиненія Г. П. Давилевскаго (1847—1881 г.). Въ четырехъ томахъ. Изданіе третье дополненное. Сиб. 1882 г. Ц. за

Малевала Финскій народный вѣсть. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное издание съ пятью картинами. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., въ переплетъ 3 р. съ перес.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Ф. Гольцендорфа. Сиб. 1881 г. Ц. 75 к.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Изданіе 3-е, безъ переплету. 4 т. Сиб. 1876 г. Цѣна 6 р., съ перес. 3 р.

Сочиненія Ф. М. Достоевскаго.

Идиотъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Преступленіе и наказаніе. Романъ въ шести частяхъ съ эпилогомъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повѣсти и рассказы. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Дневникъ писателя за 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Записки изъ мертваго дома. Въ одномъ томѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Сочиненія Н. А. Лейкина.

Шуты гороховые. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Мѣдныя лбы. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Гуси лапчатые. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Мученики охоты. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Соврасы безъ узды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Неумирающіе Россіане. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Наши забавники. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Ради истыжи. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Теплые ребята. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ въ примѣненіи къ русскому законодательству. Опытъ систематическаго обзорія. К. Кавелина. Сиб. 1879 г. Ц. 3 р. съ перес.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Сиб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Мармаляна книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Посмертное изданіе, съ портретоми, факсимиле, биографіею, приложениями, примѣчаніями и т. д. 4-ре тома. Сиб. 1879 г. Ц. на зеленой бумагѣ въ переплетѣ 12 р., съ перес. 14 р.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретоми и факсимиле. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ. 4 р. съ перес.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы Де-Фое. Съ 10-ю картинками и 36 иллюстраціями, рѣзаными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Сиб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб. съ пересылкою.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е, значительно измѣненное и дополненное. Киев. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Жизнь и политика маркиза Влеспольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3-го немецкаго изданія. Н. Н. Страхова. Томъ первый. Исторія материализма до Канта. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретоми свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Записки Охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ; 1847—1876 г. Третье стереотипное изданіе. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыляна и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь переработанное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р. съ пер. Т. I. Ц. 3 р. съ пересылкою.

5505

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02875 0852

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

